

ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТОКА
ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ЛЕОНИД СВЕРЧКОВ

КУРГАНЗОЛ — КРЕПОСТЬ АЛЕКСАНДРА НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА

Л. М. Свечков

**КУРГАНЗОЛ –
КРЕПОСТЬ АЛЕКСАНДРА
НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА**

УЎК: 902/904(575.1)
85.11(59)

КБК: 85.11(5У)
С 24

Сверчков Л.М. Курганзол — крепость Александра на юге Узбекистана. —Tashkent: SMI-ASIA, 2013

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Академик Э. В. РТВЕЛАДЗЕ
Канд. ист. наук Ш. Р. ПИДАЕВ
PD Dr. habil. Н. БОРОФФКА

Крепость Курганзол – один из тех немногих памятников археологии, которые относятся ко времени завоевательных походов греко-македонских войск 329–327 гг. до н.э. Благодаря дендрохронологическому анализу впервые с максимально возможной точностью установлено, что это оборонительно-дозорное сооружение было построено в 328 гг. до н.э. Этот факт позволяет предполагать, что Курганзол является одним из шести упомянутых историком Квинтом Курцием Руфом укреплений, места под строительство которых выбирал сам Александр Македонский, прозванный Великим.

Археологические материалы, изложенные в первой главе, дают представление о повседневной жизни и быте обитателей крепости. Во второй главе собраны последние данные и результаты исследований по истории региона времён походов Александра. В приложении приводятся данные палеозоологического, палеоботанического и упомянутого выше дендрохронологического анализа.

ISBN 978-9943-17-068-1

© Sverchkov L.M., 2013
© SMI-ASIA, 2013

Оглавление

- 5. Введение
- 10. Глава I
КРЕПОСТЬ КУРГАНЗОЛ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ
- 120. Глава II
АЛЕКСАНДР в СРЕДНЕЙ АЗИИ:
ИСТОЧНИКИ и АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА
- 149. Заключение
- 162. Библиография
- Приложение
- 170. Norbert Benecke (DAI, Berlin)
Faunal Remains of Kurganzol
- 177. Reinder Neef (Zentrale D.A.I., Berlin)
Note on the plant remains from Kurganzol
- 180. K.-U. Heußner & N. Boroffka (Berlin)
Dendrochronological and Radiocarbon dating
of samples from Kurganzol

Крепость Курганзол. 3-х мерная реконструкция.

Как это часто бывает, крепость Курганзол в Байсунском районе Сурхандарьинской области была обнаружена совершенно случайно. В 2003 г. Байсунская экспедиция проводила археологические разведки, и один из жителей кишлака Рабат обратил наше внимание на невзрачный бугор, едва видимый за распаханными под посевы складками естественной террасы (рис. 1–2). Поверхность памятника и прилегающая с севера территория изобиловала фрагментами керамики эллинистического времени, причем раннего его этапа, обычно датироваемого концом IV – началом III в. до н.э. В тот же год сотрудники экспедиции осуществили пробные, щадящие раскопки внутри крепости, и сразу стало ясно, что Курганзол является единственным в своем роде на правобережье Окса–Амударьи памятником, относящимся исключительно к эпохе эллинизма¹.

В 2004 г. работы здесь, хотя и небольшие, но продолжились: был полностью вскрыт северо-западный сектор крепости внутри обводной стены (рис. 3). В результате подтвердилось первоначальное мнение о хронологии памятника исключительно в пределах IV–II до н.э., причем тогда предполагалось непрерывное функционирование крепости на протяжении всего указанного периода – с конца IV в. до н.э. до рубежа III–II до н.э. Предварительные итоги полевых работ 2004 г. многократно тиражировались в различных научных изданиях, но последние исследования позволили значительно дополнить имеющиеся данные и, соответственно, уточнить периодизацию Курганзола.

В 2008 г., после длительного перерыва, удалось завершить раскопки крепости Курганзол, что стало возможным благодаря неоценимой помощи организаторов выставки, посвященной Александру и эллинистическому наследию на Востоке. Байсунская экспедиция выражает всем, в том числе тем, кто посетил наши раскопки, особенно Г. Линдстрём и доктору Н. Бороффке, искреннюю признательность. Смеем надеяться, что их усилия не пропали даром и вознаградились открытием на юге Узбекистана нового памятника эпохи раннего эллинизма, сопряженного с деятельностью Александра в Согдиане и Бактрии.

Специалистам нет нужды объяснять, с какими трудностями связаны полевые исследования памятников и слоев эллинистического времени. В большинстве случаев их вообще невозможно обнаружить, поскольку они перекрыты позднейшими напластованиями. Соответственно, вне четкого стратиграфического контекста комплексы, включавшие керамику, исполненную местными

1 В экспедиции 2003 г. принимали активное участие аспирант Бостонского университета Маринер Падва и водитель Р.П. Нарзикулов, несколько позже – Г. Н. Никитенко, В. В. Мокробродов и А. М. Шепелин.

Рис. 1. Курганзол. Вид с севера.

Рис. 2. Предгорная терраса, на которой возвышается крепость Курганзол

мастерами в подражание греческим формам, датировали IV–II вв. до н.э. И долгое время, по предложению А. В. Седова, называли «керамическим комплексом айханумского типа»². В то же время, исследование самого городища Айханум показало, насколько трудно установить хронологию эллинистического комплекса раннего этапа, из-за чего среди историков до сих пор нет твердой уверенности относительно времени возникновения города: предполагается «длинная» датировка – с конца IV до начала III в. до н.э.³ с той же проблемой столкнулся

² Седов, 1984.

³ См. Lerner, 2004.

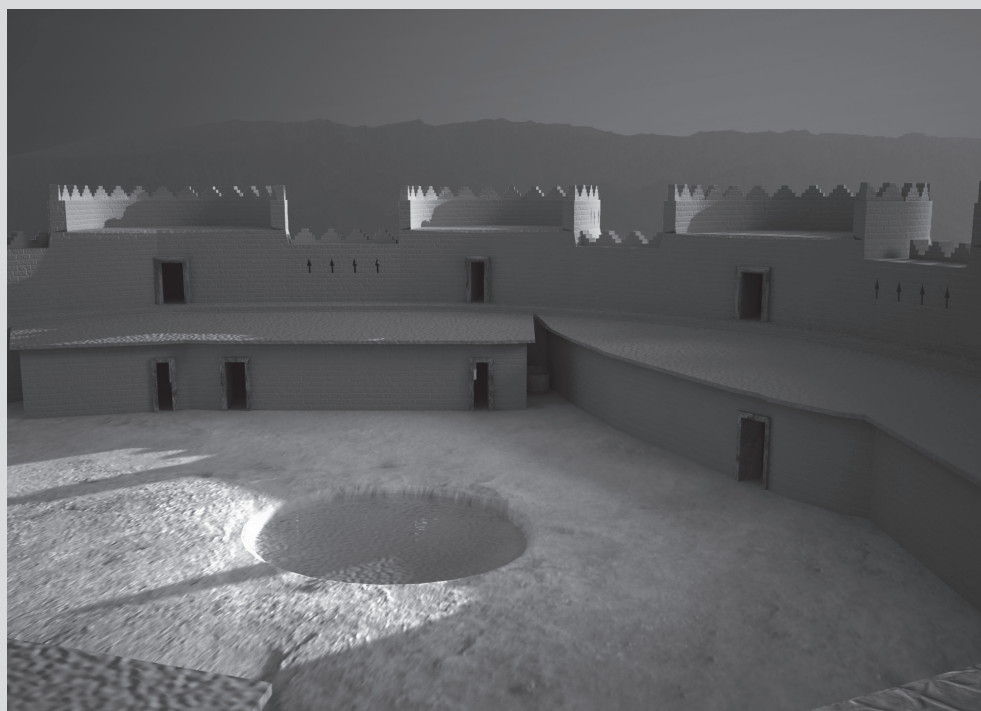
Ш. Р. Пидаев при анализе керамики самого нижнего слоя цитадели Старого Термеза, датировав первый, ранний этап жизни города началом III или концом IV в. до н.э.⁴

Отсутствие четких критериев для выделения комплекса конца IV в. до н.э. усугублялось ещё и осознанием того, что смена археологического комплекса на всей завоеванной Александром территории не происходила мгновенно. Одновременно по соседству могли сосуществовать и прежние, так называемые «ахеменидские» традиции гончарного производства, а в местах с греческим населением – и новые, привнесенные. Иногда это приводило к поиску комплекса «переходного периода», но, похоже, этот путь оказался тупиковым, и проблема соотношения известных археологических материалов со временем походов Александра долго оставалась одной из самых насущных в археологии Средней Азии. По этой причине исследование объектов интересующего нас периода продолжает во многом оставаться загадкой для исследователей, и любой новый шаг в данном направлении крайне важен не только для археологии как вспомогательной исторической дисциплины, но и для всей исторической науки в целом.

Рис. 4. Общий вид крепости Курганзол и её округи.

4 Пидаев, 1991, с. 222; 1992, с. 53.

Крепость Курганзол. 3-х мерная реконструкция.

КРЕПОСТЬ КУРГАНЗОЛ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Памятник находится в южных предгорьях Байсунтау, юго-западных отрогов Гиссарского хребта, его координаты – $38^{\circ} 05' 44,5''$ северной широты, $67^{\circ} 11' 02''$ восточной долготы, высота над уровнем моря 924 м. Крепость возведена на южном обрыве естественной террасы, в плане представляет собой круг диаметром 30 м (внутри) с 6 башнями на единственно уязвимом северном (северо-восточном) направлении (рис. 4–5). С этой стороны было небольшое поселение, ныне уже исчезнувшее, но в 2004 г. на отдельных участках ещё фиксировался культурный слой толщиной 40 см.

Рис. 4. Сектор I крепости Курганзол (раскопки 2004 г.). Вид с юга.

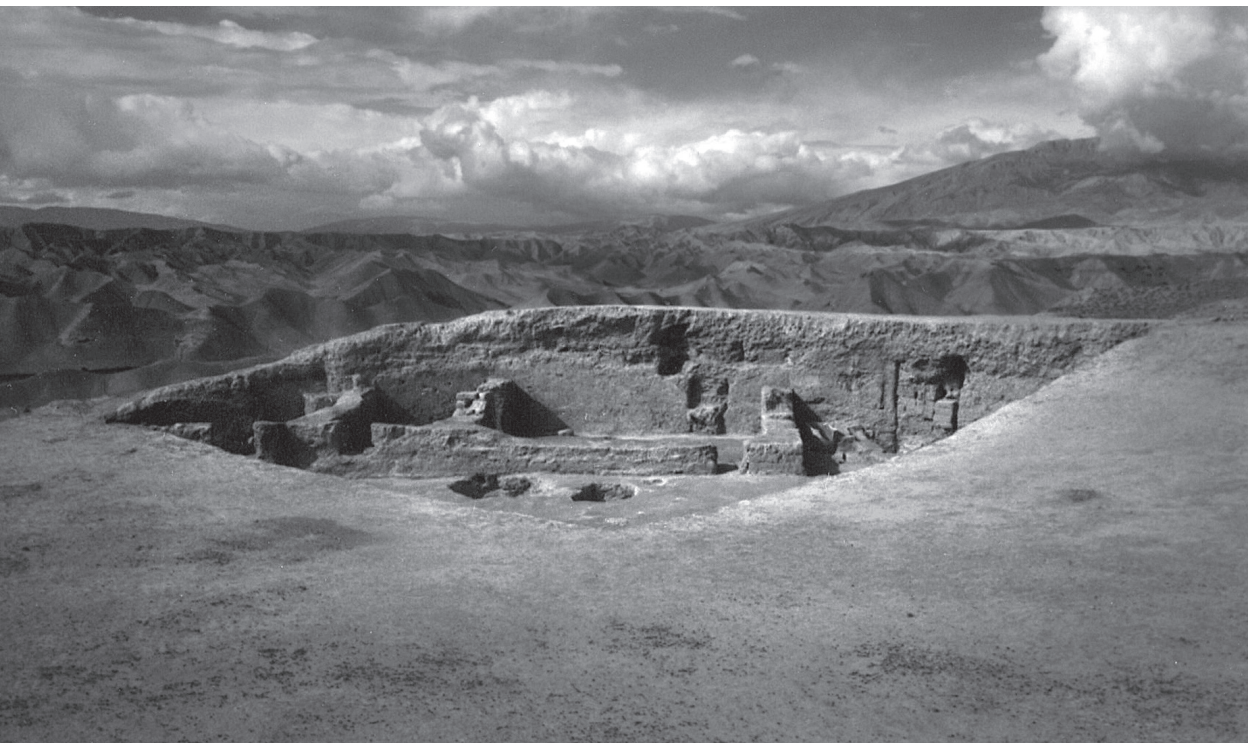

Рис. 5. Топографический план террасы, на которой стоит крепость Курганзол.

В результате работ 2008 г. были выявлены два этапа жизни крепости, представленные в стратиграфии памятника двумя уровнями полов (рис. 6–7). К этапу 1 относится пол 1 и лежащий на нём слой 4, к этапу 2 – пол 2 со слоями 2 и 3. Слой 3 имеется только по периметру памятника, так как он образовался в результате разрушения верхних конструкций обводной стены и башен. Все нижние слои крепости содержат признаки сильнейшего воздействия огня: окончание как 1-го, так и 2-го этапа сопровождалось разгромом и пожаром, что и привело, в результате, к полному запустению памятника. Пылевидный слой 1 перекрывает руины крепости, отделен от слоев 2 и 3 горелой прослойкой и условно отнесен к этапу 3, когда крепости, как таковой, давно уже не существовало (рис. 8–10).

В отличие от предварительных выводов 2004 г. стало ясно, что между двумя первыми этапами отсутствует сколько-нибудь существенный хронологический разрыв. К примеру, расстояние между полом 1 и полом 2 в южной части крепости иногда составляет всего 4–5 см. Нет никаких видимых изменений и в двух керамических комплексах, полученных в ходе последних работ в неизмеримо большем количестве, чем 5 лет назад. Следовательно, этап 2 (прежде обозначался как период 3) никак не может датироваться второй половиной III в. до н.э., как думалось после раскопок 2004 г. О том же свидетельствуют данные радиоуглеродного анализа двух образцов из Курганзола, хотя специалистам хорошо известно, какие трудности имеются в определении калиброванной радиоуглеродной даты для «темного периода» середины I тыс. до н.э. Тем не менее, возраст 100-летней деревянной балки из дверного проёма в башне 2 (этап 1) определен в интервале 520–370 гг. до н.э., т.е. дерево (арча) было срублено не ранее 470 и не позже 320 г. до н.э. Уголь такой же, 100-летней арчи с верхнего пола (этап 2) относится к 550–400 гг. до н.э., т.е. дерево погибло не ранее 500 и не позже 350 г. до н.э.⁵ Предварительные данные дендрохронологического анализа остатков опорного столба, обнаруженного в одном из помещений крепости (этап 1), также указывают на 20-е гг. IV в. до н.э.⁶

⁵ Görsdorf, 2007.

⁶ Доктор Карл-Уве Хесснер из дендрохронологической лаборатории Германского археологического института сравнил образец из Курганзола с материалами из плато Укок и Синьцзяна (Дулан).

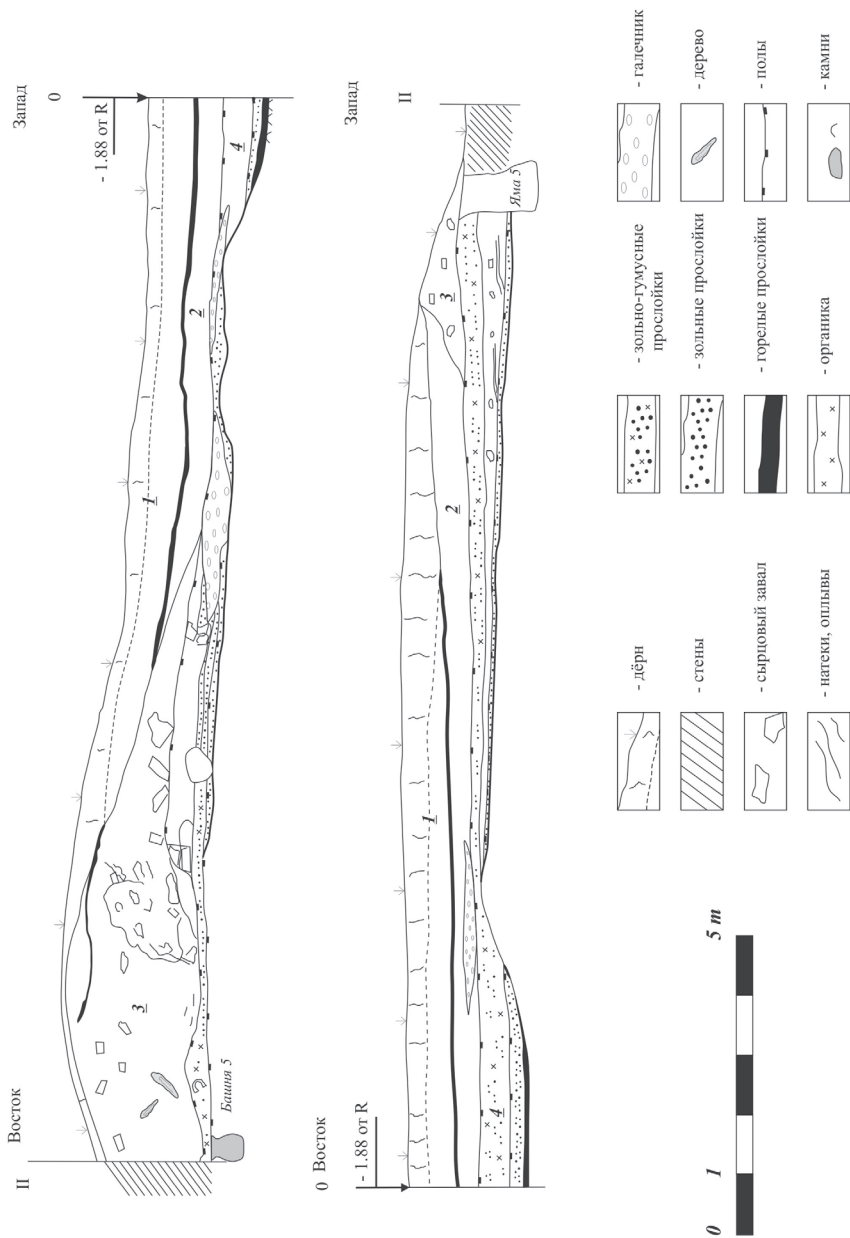

Рис. 7. Стратиграфический разрез крепости Куранзол по линии восток – запад.

Рис. 8. Культурный слой в южной части крепости Курганзол: сектор IV.

Рис. 9. Культурный слой в северной части крепости Курганзол: сектор I.

Предваряя вопросы о возможности отнесения крепости Курганзол к ахеменидскому периоду (VI–IV вв. до н.э.), следует сказать, что среди многих тысяч фрагментов керамики из раскопок Курганзола, в том числе импортных, практически полностью отсутствуют цилиндрикоконические сосуды с манжетовидными венчиками, являющиеся для среднеазиатских археологов главным признаком комплекса ахеменидского периода. На примере Курганзола археологи, пожалуй, впервые получили явную возможность синхронизировать археологические данные с периодом завоевательных походов Александра в Средней Азии. И, конечно, существенной поправкой к итогам исследований 2004 г. является то, что оба этапа функционирования крепости относятся к концу IV в. до н.э.

На юге Средней Азии традиция возведения подобных Курганзолу круглых в плане сооружений восходит к Бактрийско-Маргианскому археологическому комплексу конца III – начала

II тыс. до н.э., и первым примером является Дашлы-3 в Северном Афганистане⁷. Однако широкое распространение принцип кольцевой планировки получает в ахеменидский период – в VI–IV вв. до н.э. к югу от Амударьи, в коренных бактрийских владениях: Кутлугтепа и Алтындильтертепа⁸, цитадель Дильберджина⁹, Джигатепе¹⁰ и многие другие. На крайнем западе Бактрии – это знаменитое городище Эрркала в Мерве¹¹. К северу от Амударьи, в пределах сферы влияния бактрийской культурной традиции до недавнего времени было известно только одно архитектурное сооружение с кольцевидной планировкой – крепость VI–V вв. до н.э. Талашкан-I, в 15 км к юго-западу от города Шерабад¹². Сейчас Курганзол является вторым таким памятником, последним по времени и, к тому же, самым северным в Бактрии.

ЭТАП 1

Строительство крепости проводилось в два приёма: сначала создавался кольцевой периметр, затем обустроивалось внутреннее пространство (рис. 11–15). Внешняя стена толщиной около 2,6 м и полукруглые башни (сохранились в высоту до 3 м) сложены из типичного для позднеахеменидского периода

Рис. 10. Культурный слой в западной части крепости Курганзол: сектор III.

7 Сарианиди, 1984, с. 30, рис. 23.

8 Аршавская, 1987, с. 91.

9 Долгоруков, 1984, с. 59, рис. 1.

10 Пугаченкова, 1979, с. 66–67, рис. 3.

11 Усманова, 1963, с. 27–33.

12 Ртвеладзе, Пидяев, 1993, с. 133–137; Шайдуллаев, 2000, с. 51, рис. 30; Šajdullaev, 2002, с. 280, рис. 28.

прямоугольного сырцового кирпича полуторного формата размером 46–48×35–36×12 см. Вход в крепость располагался между башнями 2 и 3 и был обеспечен тремя (может быть, четырьмя) линиями заграждений.

В процессе подготовки строительных работ вершина холма выравнивалась, а изъятый грунт служил материалом для формовки кирпичей. Впадины и полости, неизменно образующиеся по ходу строительства, засыпались строительным мусором или галечником. Одновременно решались задачи водоснабжения, для чего с севера была подведена вода, поступавшая самотеком по небольшому арыку в основании крепостных ворот в резервуар, расположенный в центре двора. Непременный атрибут любого среднеазиатского домовладения – резервуар для воды – в Курганзоле представляет собой овальный в плане бассейн диаметром 6×5,5 м, глубиной до 1 м (рис. 16). Во избежание его переполнения для стока вод был сделан узкий желоб, выводящий избыток воды через специальное отверстие в полу за пределы крепости (рис. 17). Тем самым обеспечивалось не просто водоснабжение Курганзола, но и постоянная циркуляция воды, что особенно важно в климатических условиях Средней Азии.

Уровень материкового лёсса внутри крепости, в том числе дно и стенки бассейна, покрашен докрасна и покрыт тончайшей прослойкой сажи. Это означает, что обработка внутреннего пространства производилась явно преднамеренно. В помещениях 1 и 2, расположенных ниже общего уровня, была использована нивелирующая лёссовая подсыпка. На подготовленной таким образом, обожжённой строительной площадке возводились относительно тонкие (70–80 см) внутренние стены, сложенные из сырцовых кирпичей того же полуторного стандарта. Полы помещений и двора представляют собой глиняно-зольную смесь с известковыми частицами, вероятно, остатками побелки.

Основой полов двора, включая бассейн, и башен крепости служила утрамбованная прослойка чистой золы толщиной от 3 до 20 см. Учитывая абсорбционные свойства золы, это предохраняло пол от влаги и разрушительного воздействия минеральных солей. Двор дополнительно был побелен, что вместе с упомянутой зольной прослойкой служило незаменимым защитным средством против грызунов и насекомых (рис. 9–10).

Внутренняя застройка крепости состоит из двух обособленных блоков: северный блок включает семь помещений, южный блок – три (рис. 18–20). Все помещения пристроены к обводной стене, сейчас максимальная высота стен в северной части крепости достигает 1,3–1,5 м, что составляет половину сохранившейся высоты внешней стены и ясно отражает изначальную ситуацию, когда перекрытия помещений служили основой второго, верхнего яруса. Со стороны двора высота стен меньше, не более 1 м. Был ли такой уклон стен изначально или это последствия естественного разрушения, сказать трудно. Мы знаем примеры интерьеров классических греческих домов, где этот приём обычно применялся¹³, но в случае с Курганзолом скат кровли вряд ли уместен. Здесь играют свою роль и значительно меньшее в Средней Азии количество осадков, и соображения фортификационного порядка, когда верх помещений вдоль гребня стены вместе со вторым ярусом башен служил дополнительным эшелонem обороны. Выход на крышу северного блока и, соответственно, на стену крепости осуществлялся с двух сторон с помощью деревянных лестниц.

13 Рыжов, 1985, с. 155–161.

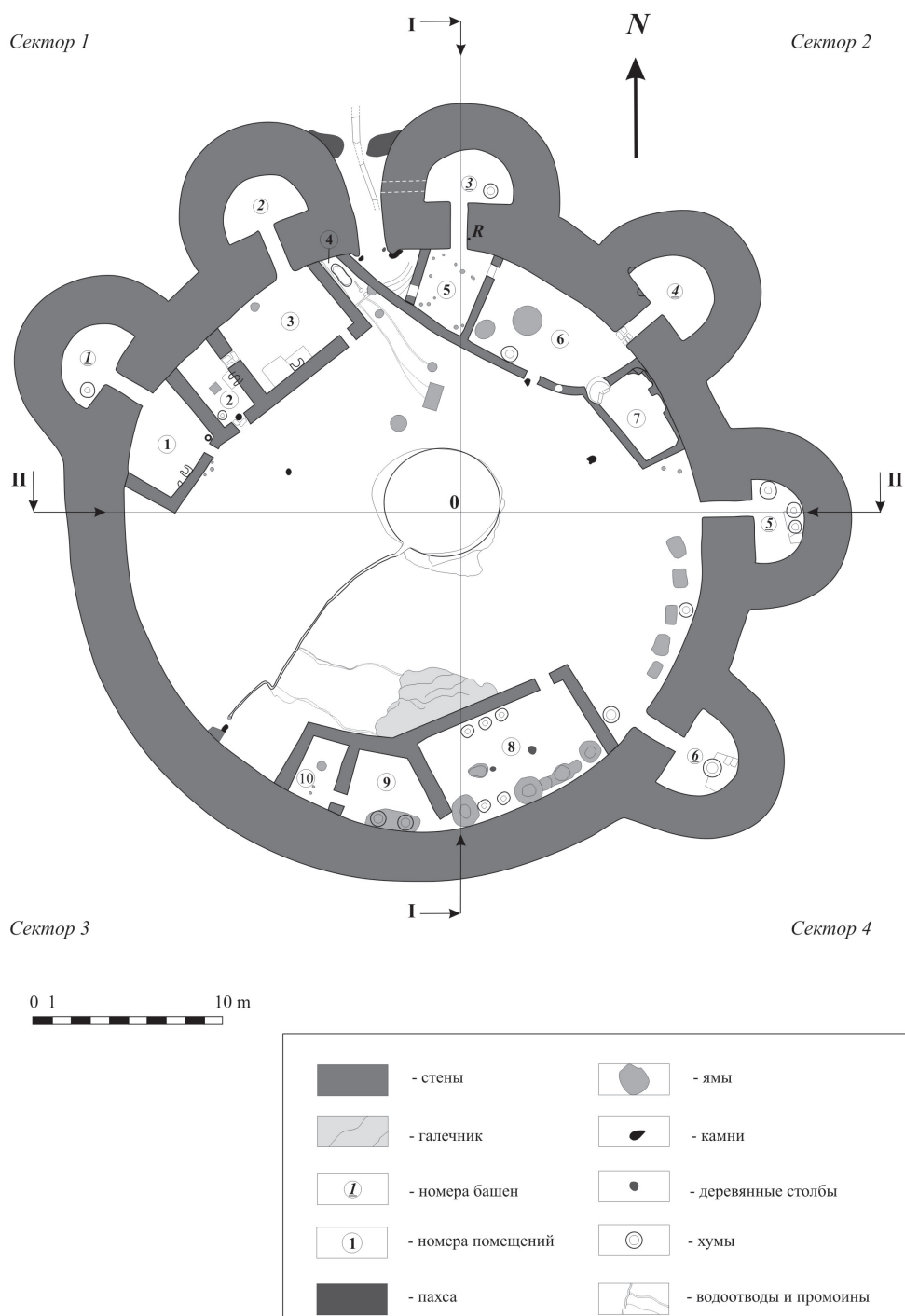

Рис. 11. План крепости Курганзол. Этап 1.

Рис. 12. Внутренняя застройка крепости Курганзол: вид с запада и севера.

Кровля помещений северного блока засыпалась галечником: когда она обрушилась, в северной половине двора, на полу под стенами образовалась наклонная прослойка, сплошь состоящая из гальки.

Перекрытие помещений южного блока могло быть сделано с небольшим уклоном внутрь крепости: на этом участке необходимости в обороне нет, поэтому и выход на стену не имеет никакого значения. Каких-либо следов или признаков существования лестничных конструкций здесь не выявлено. На вероятность уклона кровли южного блока указывает также глубокий размыв, образовавшийся из-за стока осадков у основания северной стены. Промоина была настолько значительной, что обитатели крепости вынуждены были засыпать её галечником и сделать дренажные канавки для отвода осадков в общую водосточную систему.

Оба блока крепости Курганзол существовали только на 1 этапе, так как уровень нового пола, соответствующего этапу 2, залегает поверх всех внутренних архитектурных сооружений. Северный блок состоит из трех кухонных помещений (пом. 1–3), ванной комнаты (пом. 4), входного тамбура, караульного помещения (пом. 5) и двух складских продовольственных помещений (пом. 6 и 7). Входные проёмы, как правило, обращены во двор, но двери открывались внутрь помещений. Южный блок представлен тремя смежными помещениями для хранения, вероятно, наиболее ценных вещей и продуктов (пом. 8–10). К последним, несомненно, причислялись зерно (пшеница и ячмень)¹⁴, вино,

¹⁴ См. в приложении данные палеоботанического исследования, проведенного доктором Р.Нифом, которому мы выражаем глубокую благодарность.

Рис. 13. Внутренняя застройка крепости Курганзол: вид с востока и юга.

масло и уксус. Большие сосуды, вмурованные в полы помещений 8 и 9, наилучшим образом приспособлены для содержимого именно такого рода.

Таким образом, большинство помещений предназначалось исключительно для обеспечения хозяйственных нужд гарнизона, численность которого вряд ли превышала 30 человек. Обычная повседневная жизнь обитателей крепости, должно быть, была сосредоточена в большом открытом пространстве, которое условно можно назвать внутренним двором.

Двор занимает площадь около 500 м² (рис. 12–15). В центре его, с небольшим смещением на северо-восток, расположен бассейн объёмом не менее 20 м³. Между бассейном и ванной комнатой расположены 3 неглубокие ямки, скорее даже выемки, предотвращающие загрязнение сточными водами. Кромка его несколько размыта со стороны водослива. Из водоёма в юго-западном направлении выведен сливной желоб, длина его 13 м, ширина 10–12 см. Обрывается в 1,2 м от стены крепости, где в материке высверлено отверстие вертикального стока диаметром 5–6 см (рис. 17).

По сторонам крайних помещений северного блока – пом. 1 и 7 – в полу отпечатались следы установки вертикальных стоек, которые, надо полагать, подпирали лестничный пролет для подъёма на верхний ярус крепости. Удалось зафиксировать 2 круглые лунки диаметром 8–10 см под южной стеной пом. 7 и 3 ямки диаметром 8–12 см возле юго-восточной стены пом. 1. К сожалению, пол в углу двора перед южной стеной пом. 1 пробит большой ямой 2 этапа, возможно, в этом месте прежде были следы лестничных опор. Два относительно симметрично поставленных в северной части двора камня, несомненно, служивших базами деревянных опор, также могли быть связаны с устройством подъёмных

Рис. 14. Двор и внутренняя застройка крепости: вид с севера.

Рис. 15. Двор и внутренняя застройка крепости: вид с запада.

конструкций или какого-то навеса. Одна из них представляет собой плоский камень с обкладкой из поставленных ребром обломков сланца, заполненной древесной трухой (рис. 26, 3).

В юго-восточной части крепости, в полу под стеной между башнями 5 и 6 расчищены 5 прямоугольных в плане, аккуратно выкопанных ям-коробок длиной около 1 м, шириной 60–80 см, глубиной от 40 до 50 см (рис. 14, 5). Они были заполнены чистым грунтом, находок нет. Слева от входа в башню 6 над двумя южными ямами в стене сохранились 3 глубоких отверстия диаметром 5 см, похожие на следы каких-то креплений. Возле третьей ямы стоял разбитый хум, справа от входа в башню 6 был ещё один хум, а на полу у северной ямы лежали две зернотерки. Однако по взаиморасположению, конфигурации и заполнению ямы сильно отличаются

от хозяйственных, и, учитывая военный характер крепости, не исключено, что эти коробки с крепями над ними являлись оружейной стойкой (наподобие козлов) для копий и дротиков.

Учитывая небольшие размеры двора, его внутреннее пространство условно было поделено на 4 сектора, соответствующие очередности вскрытия и порядку фиксации находок. **Сектор I** двора был полностью раскопан в 2004 г., и здесь найдены фрагменты приблизительно 65 сосудов, в том числе 5 лепных. Это 11 венчиков кубков; 2 венчика полусферических чаш; 7 венчиков чаш с загнутой закраиной; 6 венчиков блюдец; 4 фрагмента чаш с Г-образным венчиком; 2 фрагмента чаш с Т-образным венчиком; фрагмент чаши или горшочка с S-образным профилем; 11 венчиков кувшинов; плоское донце кувшина;

Рис. 16. Двор и внутренняя застройка крепости: вид с запада и юга.

венчик широкогорлого горшка или хумча; фрагмент тагора с Г-образным венчиком; 4 венчика тагора; 4 венчика хумча; 2 венчика хумов; венчик лепной тагора; 4 венчика лепных котлов, один из них с шишковидной ручкой (рис. 42; 53, 1–11). В прямоугольной яме (№ 6) найдены венчик и плоское донце кубка; венчик чаши с загнутой закраиной; тулово узкогорлого кувшина на плоском донце и фрагмент венчика кувшина с красным ангобом и лощением и ручкой в виде головы гуся (рис. 52, 24–28; 103, 1). Из прочих находок: костяная пуговица (рис. 87, 6); 2 каменных ядра (рис. 87, 12, 14).

В **секторе II** обнаружены фрагменты не менее 100 сосудов, 12 из которых лепные (рис. 43): 12 венчиков кубков; 11 венчиков чаш с загнутой закраиной; 2 фрагмента чаш с Т-образным венчиком; 13 фрагментов чаш с Г-образным венчиком; 12 фрагментов блюдец; 33 плоских донца сосудов малых форм; 29 венчиков кувшинов; ручка кувшина, круглая в сечении, с красным ангобом; 30 плоских донца сосудов средних форм; венчик кратера; 3 венчика тагора; обломок водопроводной трубы (кубура); венчик хумча; венчик хума; 2 плоских донца хумча или кувшинов; донце фляги; 12 венчиков лепных котлов, два из них с ручками-налепами. Из прочих находок: зернотерка; железистый шлак (рис. 88, 5); фрагмент жжёного кирпича.

В **секторе III** собраны фрагменты не менее 267 сосудов, 27 из которых лепные (рис. 44, 12–42; 45–48): 34 венчика кубков, в том числе один археологически целый; 4 венчика полусферических чаш; 16 венчиков чаш с загнутой закраиной, одна – археологически целая; 20 фрагментов чаш с Г-образным венчиком; 4 фрагмента чаш с Т-образным венчиком; 54 венчика блюдец; 31 венчик кувшинов; 62 венчика кувшинов и фляг; венчик, стенки и плоское

Рис. 17. Желоб-водоотвод, ведущий от водоёма за стену крепости.

Рис. 18. Сектор I крепости Курганзол (раскопки 2004 г.).

донце одного кувшина; 2 ручки кувшинов; 2 горловины узкогорлых кувшинов; 2 фрагмента стенок кувшинов с орнаментом (горизонтальная ёлочка и вертикальные насечки по сырой глине); 7 венчиков кратеров, один из них серого цвета; 3 венчика чаш-тагора; 14 венчиков тагора; горловина фляги, окрашенная черной краской по оливковому фону; 4 горловины фляг; 2 фрагмента фляги со следами лощения; 2 фрагмента крышек; 90 донце малых форм, четыре из них дисковидные, одно серое, девять – с выемкой внутри; 170 плоских донце сосудов средних форм; 9 венчиков хумча; 3 венчика хумов; плоское

Рис. 19. Сектор I крепости Курганзол (раскопки 2008 г.).

ченными по сырой глине рисками; археологически целый кратер; 5 венчиков тагора; 21 венчик больших горшков или тагора; 2 донца фляг; 2 вкопанных хума; 68 плоских донца сосудов крупных и средних форм; 96 плоских донца сосудов малых форм, только одно – на кольцевидном поддоне с выемкой внутри, другое – также с выемкой, но плоское; нижняя часть тулова лепного горшка; венчик, донце и стенки одного лепного котла; археологически целый котел; 16 венчиков лепных горшков; 6 плоских донца лепных сосудов. Из прочих находок: фишка из стенки станкового сосуда; 3 терочника или оселка; 2 ядра из белого известняка (на дне водоёма); железистый шлак; бесформенные

дно хума с вмятинами у основания; венчик лепной чаши; 3 венчика лепных горшков; венчик лепной тагора; 21 венчик лепных котлов, пять из них – с ручками-налепами; фрагменты одного котла. Из прочих находок: фишка, изготовленная из стенки станкового сосуда; 4 обломка терочников; 2 зернотерки (одна фрагментированная); 4 бесформенных комка глины со слегка обожжённой поверхностью (на дне водоёма) (рис. 91, 3–4).

В секторе IV найдены фрагменты приблизительно 245 сосудов, из которых 19 – лепные (рис. 49–51): 30 венчиков кубков и один археологически целый кубок; одно целое и еще 21 венчик блюд; 3 чаши с загнутым венчиком; 14 венчиков чаш с загнутой закраиной; 11 чаш с Т-образным венчиком; 44 фрагмента чаш с Т-образным венчиком; 15 фрагментов чаш с Г-образным венчиком; 5 кувшинов; 42 венчика кувшинов; нижняя часть тулова кувшина; 2 стенки кувшина с красным ангобом; стенка кувшина с насечками по сырой глине и лощением; фрагмент миниатюрного кувшинчика; донце сосуда с отверстием в центре; пережжённый дочерна манжетовидный венчик; стенка кувшина с прочер-

комки глины со слегка обожжённой поверхностью. В галечнике между полами 1 и 2 найдена миниатюрная ступка – подставка, изготовленная из черного мелкозернистого камня (рис. 87, 9; 89, 1).

Всего во дворе когда-то было не менее 677 сосудов, 63 из которых лепные.

Рис. 20. Северный и южный блоки крепости Курганзол.

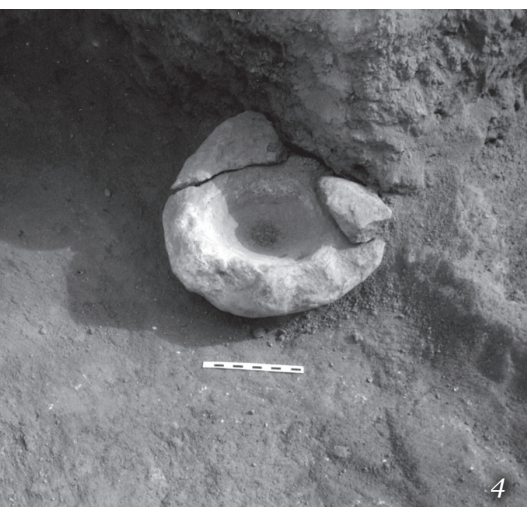

Рис. 21. Помещение 1 крепости
Курганзол.

Рис. 22. Помещение 2 (с камином)
крепости Курганзол.

СЕВЕРНЫЙ БЛОК КРЕПОСТИ

Помещение 1 трапециевидное в плане размером $4,9 \times 3,7 \times 3$ м (рис. 21; 23, 1). Дверной проём шириной 80 см расположен в восточном углу и выводит во двор. У левой щеки прохода на полу установлен каменный подпятник (красный песчаник) для двери, которая, следовательно, открывалась внутрь (рис. 21, 4). Еще один проход, в северном углу, шириной 1 м, соединял пом. 1 с башней 1. Возле юго-восточной стены на подиуме устроен очаг (50×50 см), возле которого стоял разбитый лепной котел с двумя ручками-налепами.

В пом. 1 найдены фрагменты 16 сосудов: 3 венчика кубков; 2 венчика полусферических чаш; 2 фрагмента чаш с Т-образным венчиком; 1 венчик тарелки; 3 венчика кувшинов; 1 плоское донце кубка или кувшина; 1 венчик хумча; 2 венчика хумов; 1 упомянутый выше лепной котел (рис. 52, 1–16).

Помещение 2 прямоугольное в плане размером $3,8 \times 1,9$ м (рис. 22; 23, 2). Соединялось двумя проходами шириной 70 см с двором и пом. 3. Судя по уклону, перекрытие прохода в пом. 3 представляло собой т.н. «ложный свод» (рис. 24, 4). Как и в пом. 1, проём на всю глубину оборудован порогом, сложенным из обломков сырца и иногда камней. Посередине северо-восточной стены на подиуме имеется очаг сложной конструкции размером 60×60 см, вмонтированный в стену наподобие камина (рис. 22, 2). Аналогичный очаг-камин был открыт в стене помещения 1 на поселении первой пол. II тыс. до н.э. Джаркутан. Как и в Курганзоле, камин устроен в восточной стене, и дымоход

Рис. 23. Помещения 1, 2 и входной тамбур крепости.

скрыт внутри её кладки¹⁵. Перед очагом в полу вырыта яма с прямоугольным в плане устьем (60×50 см), обложенным сырцовыми кирпичами.

Возле очага, как и в пом. 1, тоже стоял разбитый лепной котел, а в южном углу в пол был вкопан крупный сосуд высотой 76 см и диаметром венчика 30 см, накрытый сверху плоским камнем. Кроме того, в пом. 2 обнаружены фрагменты ещё 11 сосудов: 1 венчик кубка и 1 плоское донце кубка; 1 археологически целая полусферическая чашечка; 1 венчик полусферической чаши; 3 чаши или миски с Г-образными венчиками; 1 венчик блюда или чаши; 3 венчика кувшинов (рис. 53, 12–22). Из ямы перед очагом изъятые фрагменты ещё 7 сосудов: 1 венчик блюда; 1 плоское донце кубка или кувшина;

Рис. 24. Помещение 3 крепости Курганзол (раскопки 2004 г.).

15 Хуфф, Шайдуллаев, 1999, с. 20, рис. 2; Рахимов, 2000, с. 72–74, рис. 2–4.

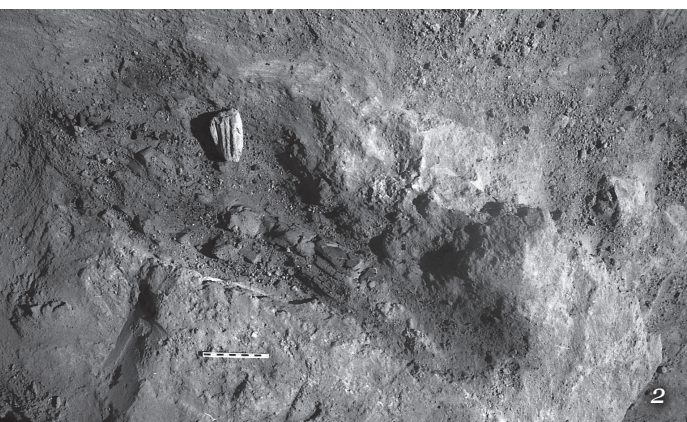

1 венчик кувшина; 3 венчика широкогорлых горшков; 1 венчик хумча, украшенный изнутри насечками (рис. 52, 17–23). Таким образом, всего в пом. 2 было, как минимум, 20 сосудов.

Помещение 3 – наименее пострадавшее от ям 2 этапа (рис. 24–26). Оно прямоугольное в плане размером 5,8×4,3 м, имеет проходы в башню 2 (рис. 25, 1), двор и пом. 2. Стены пом. 3 достигают в высоту 1,3 м от уровня пола, что составляет 7 рядов кладки, в то время как высота обводной стены в этом

Рис. 25. Помещение 3 крепости Курганзол (раскопки 2008 г.).

месте равна 3 м. Штукатурка на стенах прокалилась докрасна из-за пожара, о силе которого свидетельствуют находки обгоревших балок перекрытия и фрагментов обожжённой потолочной обмазки с отпечатками жердей (рис. 26, 2)¹⁶. В соседних помещениях 1 и 2 признаков воздействия огня не выявлено, хотя в целом стратиграфическая ситуация идентична: сырцовый завал неоднородной структуры на полу, где остались стоять керамические сосуды (рис. 24, 1–3) и где попадаются отпечатки древесного тлена от циновок, применявшихся в конструкции плоских перекрытий нижнего яруса.

Из-за перепада высот проход в пом. 2 оборудован двумя ступенями, сложенными из половинок сырцовых кирпичей (рис. 24, 4). О конструкции проёма, по-видимому, позволяет находка целого сырцового кирпича, лежавшего ребром в завале под обводной стеной. Он имеет пятиугольную форму или, точнее, равнобедренного треугольника со срезанными углами основания: толщина 10 см, длина основания 46 см, длина каждой из сторон треугольника 42 см, длина коротких граней (среза угла) 9,5 см. Должно быть, кирпич такого типа являлся замковым в ложном своде проёма между пом. 2 и 3.

Рис. 26. 1 – вход в башню 2 из пом. 3; 2 – обуглившаяся балка перекрытия из пом. 3 (из неё взят образец для радиоуглеродного анализа); 3 – база-опора для столба.

¹⁶ Фрагменты обугленной балки, представленной на рис. 26, 2, были взяты на радиоуглеродный анализ.

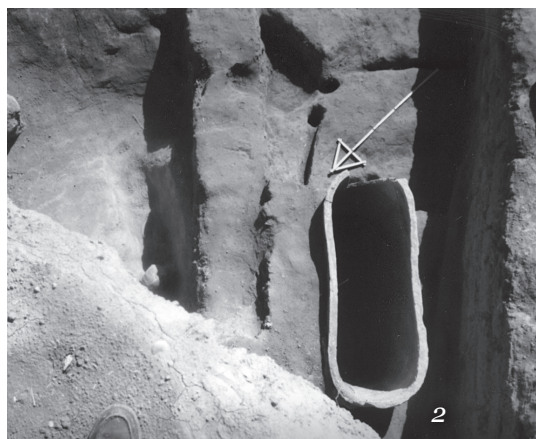

Рис. 27. Помещение 4 (с ванной) и входной тамбур, закрытые на этапе 2.

У юго-восточной стены на прямоугольном в плане подиуме был поставлен очаг, возле которого обнаружены три лепных котла, каждый из которых снабжен четырьмя ручками-упорами (рис. 24, 2). Всего на полу пом. 3 под завалом найдены 34 археологически целых сосуда и их фрагментов, в том числе 6 лепных котлов (рис. 53, 23–25; 26). В западном углу на полу лежали каменные орудия – зернотерка, шаровидный терочник и оселок, а на ступени прохода в пом. 2 – две вложенные одна в другую чаши с Т-образными венчиками (рис. 54, 8–9) и рядом с ними кувшин (рис. 54, 19). Кроме того, в помещении найдено 3 археологически целых кубка и 2 венчика кубков; 1 археологически

целая полусферическая чаша и 1 венчик полусферической чаши; 2 венчика чаш с загнутой кромкой; 1 венчик блюда; 3 археологически целые чаши с Т-образным венчиком; 5 кувшинов; 2 хумча; 2 венчика хумча или крупных горшков; 3 котла с двумя или четырьмя ручками.

Помещение 4 – вытянутая, прямоугольная в плане ванная комната размером 4,2×1,2 м, открытая в сторону двора (рис. 27, 2–3; 28). В глубине помещения на этапе 1 была установлена большая керамическая ванна, которая позже, на этапе 2, уже не использовалась. Это видно по стратиграфии северной

Рис. 28. Керамическая ванна и система стока в помещении 4.

части крепости: на этапе 2 руины предшествующего, 1 этапа, были выровнены под обустройство нового уровня пола (рис. 27, 4). Длина ванны 1, 3 м, ширина 50 см, глубина 60 см; дно плоское, в трещинах, часть бортика выломана. Перед её установкой в материке сделали небольшое углубление, для надежности крепления все пазы (шириной до 5 см) заполнили штукатурной глиной.

Подача воды, как сказано выше, осуществлялась через главный вход в крепость и, надо полагать, в пом. 4 когда-то имелась или система водопровода из глиняных труб-кубуров, обломки которых найдены во дворе, или просто открытый желоб. Ванная комната была изолирована от двора перегородкой или занавесом, так как

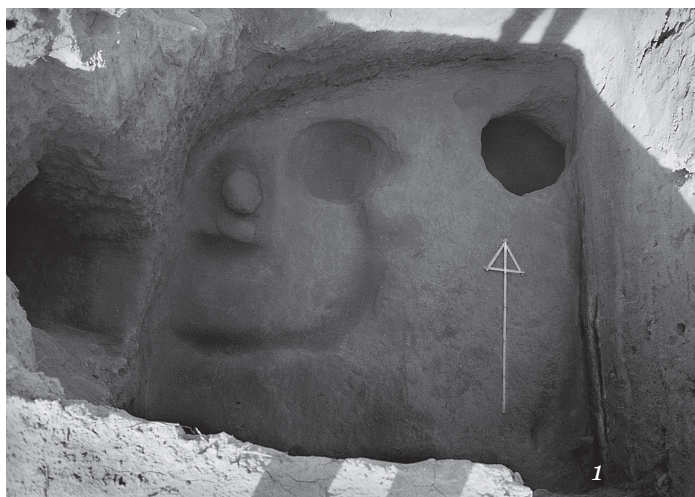
Рис. 29. Вход в крепость:
1, 2 – фланкирующая башня
3 (с засовом); 3 – следы
деревянных устоев в пом. 5.

в полу в 1 м от ванны имеются следы столбовых устоев в виде лунок и отпечатки деревянных плах. Здесь же прослежены следы стока использованной воды в виде веера неглубоких гумусных промоин, ведущих к трем небольшим ямам во дворе. Ясно, что эти ямы были выкопаны специально для того, чтобы предотвратить загрязнение сточными водами центрального водоёма.

Возле ванны на полу был найден фрагмент рукоятки необычно изогнутого железного ножа (рис. 87, 4; 88, 1). Вполне вероятно, что это стригиль (лат. *strigilis*) – специальный гигиенический скребок для очистки тела. На территории Средней Азии известна одна находка подобного, типично греческого прибора – в слоях раннеэллинистического времени на городище Нуртепа в Северном Таджикистане¹⁷.

В пом. 4 собрано 52 сосуда и их фрагментов (рис. 55), среди которых, как нигде больше в крепости, большую часть составляют маленькие чаши с загнутой закраиной (рис. 55, 1–3, 9–17). Должно быть, концентрация таких чаш в одной небольшой, ванной комнате указывает на их назначение – для масел, очищающих и моющих средств.

Всего в пом. 4 найдено 11 чаш с загнутой закраиной; 2 целых и 3 венчика кубков; 1 целое

¹⁷ Хасанов, 1998, с. 44, рис. 1.

Рис. 30. Караульное помещение 5. На полу отпечатки деревянных конструкций.

и 12 венчиков блюдца разных типов; 4 чаши с Г-образным венчиком; 1 целая и 1 фрагмент чаши с Т-образным венчиком; 1 венчик кратера; 1 венчик двуручной амфоры; 9 венчиков кувшинов; 2 венчика тагора; 1 венчик хумча; 1 венчик хума; 1 венчик лепного котла с двумя ручками-налепами.

Входной тамбур в плане имеет форму почти правильного треугольника со сторонами 3, 3,8 и 3,8 м (рис. 23, 3; 27, 1, 3). Из тамбура во двор можно было пройти только через караульное помещение 5. Изначально тамбур и пом. 5 составляли единое целое, но вскоре, на том же этапе 2, между ними была встроена небольшая стена с дверным проёмом шириной 80 см. Уровень пола в тамбуре наподобие пандуса резко повышается в сторону прохо-

да в пом. 5; возможно, прежде здесь были ступени, вырубленные в материковом лёссе. Такое устройство затрудняло доступ и как нельзя лучше обеспечивало безопасность гарнизона. На полу тамбура перед входом лежали два камня, не имеющие, похоже, никакого отношения к устройству ворот, но относящиеся, вероятно, к осаде крепости.

Входной проём самой крепости отличается от башенных большей шириной (1,4 м) и лучшим оформлением (рис. 27, 1). Углы были украшены округлыми пилонами – слегка выступающими сырцовыми оштукатуренными полуколонками, по краям прохода сохранились отпечатки дверной коробки. На этапе 2 проём был заложен сырцовыми кирпичами.

Находок в тамбуре немного – это лоцило, изготовленное из обломка трубчатой кости животного (рис. 87, 7) и фрагменты 7 сосудов: 4 венчика кубков; венчик блюда; 2 венчика кувшинов (рис. 53, 26–32).

Помещение 5 в плане напоминает трапецию размером 4×3 м (рис. 30). Примечательно тем, что здесь мощность культурного слоя достигает максимума – 3 м, из которых к полу 1 относится мощный слой пожара, насыщенный древесными углями, обгоревшими костями и закопченными до черноты

фрагментами битой посуды¹⁸. По всей вероятности, горели деревянные нары или скамьи, отпечатки ножек которых отчетливо видны на полу помещения (рис. 29, 2).

Пом. 5 являлось проходным и, соответственно, имеет три дверных проёма – в тамбур, башню 3 и пом. 6. Такой план, расположение, а также внутреннее обустройство оптимально соответствуют требованиям караульной службы, что и позволяет видеть в пом. 5 комнату для размещения предвратной охраны крепости.

Раскопки пом. 5 были начаты в 2004 и закончены в 2008 г. За всё время были найдены фрагменты приблизительно 36 сосудов (рис. 56): 1 археологически целый и ещё 5 венчиков кубков; 2 нижние части кубков на плоском донце; 1 целая чаша и 5 венчиков чаш с загнутой закраиной; 1 целое, 4 венчика и 1 донце блюда; 1 фрагмент чаши с Т-образным венчиком; 1 фрагмент чаши с Г-образным венчиком и волнистым орнаментом на его верхней площадке; 4 венчика и 1 плоское дисковидное донце кувшинов; 1 целый горшок и 1 венчик горшка; 2 археологически целые фляги; 3 венчика тагора наподобие крупных чаш; 1 венчик большого лепного широкодонного горшка; венчики и донца 4 лепных котлов с шишковидными ручками-налепами.

Помещение 6 в плане имеет прямоугольную форму (7,5×4,5 м) со скругленным юго-восточным углом (рис. 31, 1). Из пом. 6 можно пройти в пом. 5, в башню 4, в пом. 7 и во двор крепости. Возле дверного проёма между пом. 6 и двором, в точке изгиба, южная стена была дополнительно укреплена деревянной стойкой, от которой в стене осталось углубление диаметром 30 см (рис. 31, 2). На северной стене открыт участок со следами ремонтных работ, проводившихся вскоре после постройки крепости. Поверхность её была наращена, заново

Рис. 31. Помещение 6: 1 – хозяйственные ямы и остатки очага; 2 – вход в погреб.

18 Из этого слоя был взят второй образец для радиоуглеродного анализа.

Рис. 32. Погреб, условно обозначенный как помещение 7: 1 – стена, отделяющая погреб от двора и пом. 6; 2 – внутреннее пространство погреба, в углу лаз; 3 – спуск в погреб со стороны пом. 6; 4 – две ниши в северной стене погреба.

оштукатурена, и на высоте 1,5 м от уровня пола сделана треугольная ниша размером 40×40×20 см, глубиной 22 см. Поскольку внутри ниша покрыта копотью, здесь, должно быть, стоял светильник.

В западной части помещения в полу вырублены две ямы – № 8 и 9 с диаметром устья 1 (глубина 40 см) и 1,6 м (глубина 1,3 м) соответственно. По всей видимости, ямы использовались для хранения продуктов, исполняя роль своеобразных холодильников. Рядом стоял большой хум диаметром 1 м, основание его было обмазано желтой штукатурной глиной. Здесь же на полу лежал фрагмент железного изделия, по форме напоминающий наконечник стрелы (рис. 87, 1; 88, 2).

Из керамики, кроме хума, в пом. 6 найдено: 1 целый кубок и еще 19 венчиков кубков; 2 целых и еще 15 венчиков чаш с загнутой закраиной; 1 целое блюдо и еще 35 венчиков блюд; 10 чаш с Т-образным венчиком, один из которых – с волнистым орнаментом, другой – с красным ангобом и лощением; 1 сложнопрофилированная крышка с красным ангобом и лощением; 19 венчиков кувшинов; 1 овально-прямоугольная в сечении ручка кувшина; 3 фрагмента венчика одного кратера; 4 венчика тагора; 2 венчика хумча;

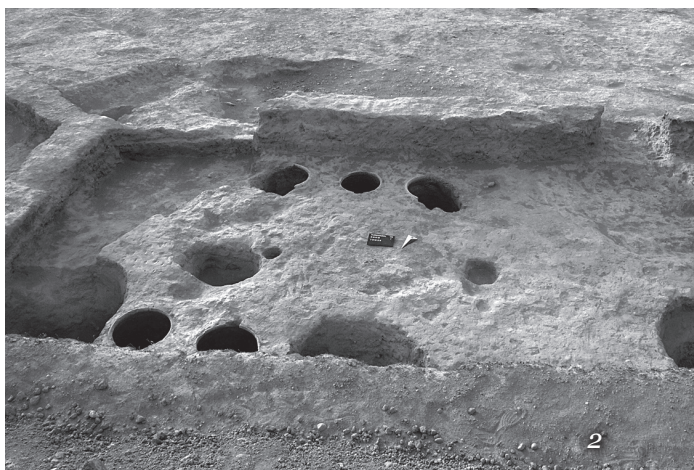
Рис. 33. Помещения южного блока крепости Курганзол.

1 рифленое донце фляги; 6 фрагментов одного кувшина; 33 донца малых форм, все плоские, два – с внутренней выемкой; 42 плоских донца крупных кувшинов; 2 плоских донца хумов; 1 стенка сосуда с отверстием диаметром 4-5 мм; 7 венчиков с ручками-налепами и 2 плоских донца лепных котлов (рис. 57; 58, 25–32).

Прочие находки: 2 каменных терочника; 2 овальных в сечении ядра; 1 оселок; ганчевый слепок по форме венчика кратера; дисковидный обломок ганча; бесформенный комок глины со слегка обожжённой поверхностью.

В яме 8 находок немного: 1 венчик кубка; 1 целое блюдо; 1 венчик горшка; 1 венчик хума; 1 венчик лепного котла с ручками-налепами (рис. 66, 1–4).

В яме 9 керамики больше: 2 археологически целых кубка, один из которых черно-коричневого цвета; 3 венчика и 3 плоских донца кубков; 3 целые чаши и 4 венчика чаш с загнутой закраиной; 4 целые черно-коричневые чаши с Т-образным венчиком и еще 1 такой же венчик; 1 фрагмент чаши с Г-образным венчиком; 1 венчик блюда; 4 плоских донца чаш; черно-серый сосуд-цедилка с отверстиями и сложным орнаментом по сырой глине; венчик кратера с ручкой-налепом в виде перевернутой буквы Ω; венчик кувшина черного цвета и еще 6 венчиков кувшинов; верхняя часть тулова кувшина с венчиком; верхняя часть двуручной амфоры; донце

сосуда с отверстием в центре; 14 плоских донец сосудов средних форм; 2 плоских донца хумов; венчик крупного лепного горшка; фрагменты 1 приземистого лепного котла с двумя ручками-налепами (рис. 58, 1–24).

Всего в пом. 6, включая материалы из ям 8 и 9, собрано 1109 фрагментов (из них 68 лепных) приблизительно 90 сосудов, 10 из которых – лепные.

Помещение 7 когда-то являлось уникальным в своем роде двухъярусным сооружением, от которого сохранилась только нижняя часть, вырубленная в материке и тщательно оштукатуренная (рис. 32). Подземный ярус размером 4,5 × 2 м и глубиной до 1,5 м служил погребом, но на этапе 2 был засыпан землей, а все конструкции верхнего яруса пом. 7 разобраны и снивелированы. Вход в погреб осуществлялся через полукруглый в плане лаз диаметром 1 м, ограниченный порогом в виде двух поставленных на ребро кирпичей и расположенный в проходе между помещениями 6 и 7.

В северо-восточной стене погреба имеются две ниши высотой 1 м, шириной 80 см, глубиной 20 см (рис. 32, 4). Над нишами хорошо видны следы прежних перекрытий, служивших основой пола верхнего яруса пом. 7 (рис. 32, 1).

Рис. 34. Помещение 8: 1 – хумы, вмонтированные в пол; 2 – истлевшее основание деревянной колонны (взяты образцы для дендрохронологического и радиоуглеродного анализа).

Рис. 35. Вход в крепость Курганзол, внешний фас. Предварительное устройство и канал для подачи воды.

В погребке обнаружено большое количество костей животных и, пожалуй, самый значительный во всей крепости комплекс керамики (рис. 59–63). Часть комплекса происходит из входного лаза (рис. 59), и сюда могли попасть отдельные фрагменты посуды 2 этапа, поскольку он был прорезан поздней ямой (№ 4).

Всего собрано 1420 фрагментов керамики, из них 103 – лепные: 45 венчиков кубков; 2 тулова кубков, один из них – серого цвета и на кольцевом поддоне; 29 венчиков чаш с загнутой закраиной; 1 целая чаша с Г-образным венчиком; 8 фрагментов чаш с Г-образным венчиком, 1 из них – с волнистым орнаментом на верхней закраине; 1 чаша с Т-образным венчиком; 7 целых блюдец, одно из которых имеет кольцевую выемку внутри донца; 45 венчиков блюдец; 1 венчик кратера с ручкой-налепом в виде перевернутой буквы Ω; 2 тулова миниатюрных кувшинчиков; 35 венчиков кувшинов; тулово кувшина без венчика, на кольцевом поддоне; венчик горшка; 3 фрагмента крышек; 1 прямоугольная в сечении ручка кувшина; фрагмент цедилки; донце сосуда с отверстием в центре; 9 венчиков тагора; 3 венчика и 3 плоских донца хумов; 3 горловины фляг; 4 кольцевых поддона средних и малых форм; 62 плоских донца малых форм, одно – с внутренней выемкой; 76 плоских донца сосудов крупных и средних

форм; 1 целый лепной сосуд, стоявший в левой нише погребца; 19 венчиков и 3 плоских донца лепных котлов.

ЮЖНЫЙ БЛОК КРЕПОСТИ

Помещение 8 является самым большим в крепости, оно прямоугольное в плане размером 8,4×5,2 м (рис. 33–34). Чтобы перекрыть такую площадь, строители установили по центру два опорных столба, вкопанных в пол помещения на глубину 40 см и дополнительно укрепленных поставленными на ребро камнями (рис. 34, 2). Материалом для них послужила арча возрастом около 200 лет, на одном из столбов сохранились фрагменты последних колец и коры. После предварительного дендрохронологического анализа доктор К.-У. Хесснер (DAI) определяет дату верхних колец в интервале между 328 и 320 г. до н.э.

Пом. 8 имеет два прохода, расположенные по углам: во двор и смежное пом. 9. Прежде в нём находилось не менее 10 крупных хумов объёмом около 100 л каждый, вмурованных в пол. Сейчас их осталось 5, другие были выкопаны ещё в древности. Сосуды потрескались, внутри их был чистый грунт без остатков каких-либо семян.

Таким образом, пом. 8, как и другие помещения крепости, подверглось нещадному разграблению. Все, что представляло хоть какую-то ценность, было унесено, а прочее разбито и разрушено. Только в западном углу пом. 8 удалось найти крохотную раздавленную пастовую бусину голубого цвета.

Кроме хумов, в пом. 8 когда-то насчитывалось не менее 75 сосудов, и приблизительно половину всего количества составляли кубки (рис. 64–65). Найдено 38 венчиков кубков; 2 венчика чаш с загнутой закраиной; 1 блюдец (венчик и донце) и ещё 2 венчика блюдец; 1 целая полусферическая чашечка; 9 фрагментов чаш с Т-образным венчиком; 1 фрагмент чаши с Г-образным венчиком; 4 венчика кувшинов; венчики и стенки 2 широкогорлых кувшинов; венчик и стенки одного кувшина; горловина кувшина; 1 прямоугольная в сечении ручка кувшина; нижние части 2 кувшинов; 1 целая тагора; горловина и фрагменты стенок одной миниатюрной фляги; 1 плоское донце чаши; фрагменты двух миниатюрных кувшинчиков; фрагменты 6 лепных горшков и 1 тагора; 2 лепных котла.

Помещение 9 является проходным, занимая промежуточное положение между пом. 8 и 10 (рис. 20, 2). В плане оно трапециевидное размером 4×3,9 м.

На этапе 1 в полу у южной стены комнаты были вмурованы два хума, как и в пом. 8, изъятые на этапе 2. От них осталась только довольно аккуратная, квадратная в плане яма размером 1,5×1,5 м, опущенная с пола 2. Из заполнения помещения в яму из-под хумов попали венчик кубка; фрагмент чаши с Т-образным венчиком; венчик кувшина и фрагмент стенки кувшина черного цвета. На полу пом. 8 найдены: венчик кубка; венчик блюдец; венчик тагора или кубура; венчик кратера или крупного горшка; 3 венчика тагора; горловина фляги; венчик хумча; 2 венчика хумов; 18 плоских донц сосудов крупных и средних форм, одно из них серое; 6 фрагментов венчиков и 1 плоское донце лепных сосудов (рис. 66, 5–17). Всего в пом. 8 было, как минимум, 13

Рис. 36. Закладка прохода. Сквасина для засова: 2 – вид снаружи, из прохода; 3 – вид изнутри, из башни 3.

сосудов. Из прочих находок – обломок зерно-терки или терочника из красного песчаника.

Помещение 10 – самое маленькое и труднодоступное в крепости. В плане оно имеет почти правильную прямоугольную форму размером 3,4×2 м и сообщается только с пом. 9. В центре имеется яма-хранилище: диаметр устья 50 см, вниз расширяется до 1 м, глубина 1,5 м. Южнее её в полу расчищены две округлые лунки диаметром около 8 см – это, похоже, следы установки какой-то деревянной конструкции наподобие полки или скамьи.

Находок в пом. 10 немного: 2 фрагмента чаш с Т-образным венчиком; 3 венчика кувшинов; венчик горшка; 2 венчика тагора; венчик хумча; венчик хума; донце сосуда с отверстием в центре; 12 донца сосудов крупных и средних форм (рис. 66, 18–28). В яме лежали археологически целый кубок; фрагмент профилированной стенки кубка; венчик и плоское донце одного кувшина и венчик другого кувшина; венчик крупного горшка или тагора; 2 плоских дисковидных донца хумов (рис. 66, 29–33). Всего в пом. 10 было приблизительно 15 сосудов. Из прочих находок: сырцовое ткацкое грузило биконической формы (рис. 93, 6) и два бесформенных комка глины со слегка обожжённой поверхностью, обнаруженные в заполнении на грани южной стены.

БАШНИ КРЕПОСТИ 1 ЭТАПА

Башни защищают единственно уязвимую, северо-восточную половину периметра крепости. В плане они полукруглые, толщина стен в основании 2,2–2,4 м. Во всех башнях обнаружены так называемые «бойницы» стреловидной формы, заложённые кирпичами и закрытые слоем штукатурки почти сразу после строительства уже на 1 этапе. «Бойницы» расположены в шахматном порядке, но, в то же время, довольно бессистемно – без единых интервалов между ними как по вертикали, так и по горизонтали. Нижний ряд отстоит от уровня пола всего на 60–70 см. Учитывая толщину стены башни, понятно, что стрелять через такие «бойницы» невозможно, и единственное их назначение было служить вентиляционными и световыми отверстиями. По завершении строительства и после полной просушки сырцовых стен продухи были заложены, необходимость в них отпала. Какие-то «бойницы» верхнего пояса первого этажа могли оставаться открытыми и исполнять роль обычных световых проёмов и отдушин.

Башни были трехъярусными, возвышаясь над крепостной стеной, и в более тонких стенах второго этажа могли существовать реальные, стрелковые бойницы. Первый этаж предназначался для бытовых и хозяйственных целей. Как

Рис. 37. Башня 1.

Рис. 38. Башня 2.

предполагается, третий, самый верхний ярус был открыт и опоясан зубчатым парапетом. В перекрытиях между этажами башен применялись треугольные в сечении деревянные бруски размером $4 \times 4 \times 4$ см, что намного увеличивало сопротивляемость конструкции к нагрузкам.

В целом, все башни крепости построены единообразно, имеют внешнее сходство, но в деталях незначительно отличаются друг от друга.

Башня 1 имеет размеры $4,5 \times 2,7$ м (рис. 37). Вход в башню был из пом. 1, дверной проём шириной 80 см несколько смещен влево. Пол побелен, под ним в материке расчищены углубления и ямы, связанные с началом работ по возведению крепости и заполненные строительным мусором. На полу лежал горелый слой, а те участки стен, где сохранилась штукатурка, прокалены докрасна. На этапе 2 нижний этаж башни и вход в нее не были расчищены от завалов и больше никогда не использовались.

В южном углу на небольшом возвышении стоял хум. Кроме него, в башне 1 найдены фрагменты максимум 13 сосудов, в том числе 1 лепного (рис. 67, 4–13): венчик и тулово кубков; венчик полусферической чаши; венчик блюда; фрагмент чаши с Т-образным венчиком; фрагмент чаши с Г-образным венчиком; плоское донце чаши; венчик кувшина и 17 его же стенок; венчик широкогорлого

Рис. 39. Башня 4.

кувшина; плоское донце кувшина; венчик тагора; 6 фрагментов стенок фляги; плоское донце лепного горшка. На верху строительной ямы у прохода обнаружен фрагмент железного ножа (рис. 87, 3).

Башня 2 сохранилась лучше всех других (рис. 38, 1–2). её размеры 4,5×2,7 м. Вход осуществлялся из пом. 3 (рис. 26, 1), ширина проёма 80 см, он также слегка смещен влево. Пол ровный, тщательно побелен; стены оштукатурены. Следов разрушения и пожара нет, в то время как в смежном пом. 3 стены стали красными от воздействия огня. Тем не менее, на этапе 2 камера башни нижнего этажа была завалена, а вход в нее заложен обломками сырца и просто глиной.

Находок в башне 2 крайне мало – это фрагменты всего 5 сосудов, 2 из которых лепные (рис. 67, 14–18): венчик и донце одного кубка; венчики и стенки 2 кувшинов; фрагменты 2 лепных горшков, один из которых желтого цвета. Кроме того, здесь найден предмет (уховертка или лощило), изготовленный из спила трубчатой кости животного (рис. 87, 8; 88, 7).

Башня 3 была наполовину раскопана в 2004 г. (рис. 29, 1), в 2008 г. открыта вторая, восточная часть (рис. 38, 3). Размер камеры 4,5×2,8 м, вход в башню

Рис. 40. Башня 5.

осуществлялся из караульного пом. 5. Ширина проёма 90 см, также смещен влево. Северная стена башни была проломлена, высота её на этом участке не превышает 60 см, т.е. осталось только 5 рядов кладки. Возле неё в полу расчищено очажное углубление размером 40×20 см.

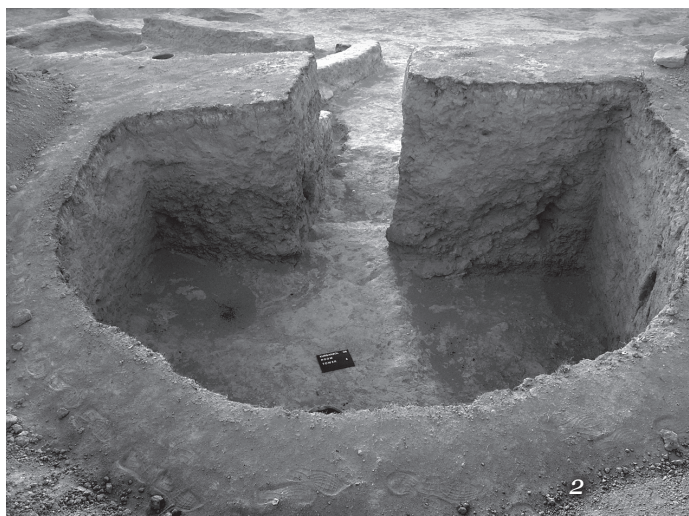
В западной стене на высоте 45 см от уровня пола имеется полуразрушенное квадратное окно размером 50×50 см, направленное в сторону створа ворот крепости (рис. 29, 4; 36, 3). Снаружи окно сохранилось в нетронutom, первоизданном виде – это правильное овальное отверстие (высотой 50 см и шириной 45 см) с пазом в основании, внешне напоминающее замочную скважину (рис. 36, 2). Можно предположить, что окно такой необычной формы предназначалось для установки задвижки, служившей дополнительной защитой внешних крепостных ворот.

Башня 3, как и смежное пом. 5, более всех в крепости пострадали от пожара; горелый слой на полу достигает 50 см (рис. 9, 1). Как и в башнях 1 и 2, на этапе 2 завал в нижней части башни 3 не разбирали, и вход в нее по первому этажу закрыли.

В юго-восточном углу обнаружены остатки раздавленного хума. Кроме него, в башне 3 собраны фрагменты не менее 25 сосудов, 4 из которых – лепные (рис. 68). Это 6 фрагментов кубков; целая полусферическая чаша на плоском донце; венчик чаши с загнутой закраиной; венчик блюда; 2 фрагмента чаш с Т-образным венчиком; 5 венчиков небольших кувшинов; 4 фрагмента стенок одного небольшого серого кувшина; венчик горшка; донце сосуда с отверстием в центре; горловина фляги; венчик хумча; плоское донце

Рис. 41. Башня 6. В южном углу т.н. «строительные ямы».

блюдца с внутренней выемкой;
2 плоских донца малых форм;
20 плоских донца сосудов средних форм, одно из них – со смолой на поддоне; небольшой лепной сосуд с отогнутым венчиком;
3 венчика лепных котлов с ручками-налепами.

В заполнении строительной ямы под полом башни 3 найдены железный нож (рис. 87, 3; 88, 4), костяной гребешок (рис. 87, 5; 88, 8), ганчевый слепок воронки (рис. 98, 3), ганчевый диск диаметром 30 см и толщиной 3 см, два каменных ядра (рис. 87, 11, 13).

Башни 2 и 3 фланкировали **створ крепостных ворот** шириной 1,4 м (рис. 35). Внешние стены башен наклонны, снаружи к их фасадам были пристроены глиняные пилоны, от которых остались оплывшие останцы шириной 1,5 м, высотой около 1 м. Ширина прохода между пилонами 1,2 м, внизу по центру прокопан прямоугольный в сечении желоб для подачи в крепость воды. Прослежен в длину на 4,5 м, ширина его 30 см, глубина 20 см.

Замкнутое предвратное пространство трапециевидной в плане формы размером 2,4×2 м являлось внешним тамбуром, и в случае необходимости он мог загораживаться заслоном из окна башни 3. Внешний и внутренний тамбуры

крепости соединялись проходом глубиной 2,6 м, обе стороны которого закрывались дверями. Устройство обороны входа в крепость, таким образом, было трехчастным и, судя по отсутствию следов пожара на этом участке, так и не преодоленным. Тем не менее, после захвата крепости его, вероятно, основательно разрушили: на этапе 2 первый этаж прохода был полностью замурован камнями, глиной и кирпичной кладкой (рис. 29, 3).

В предвратном тамбуре найдены фрагменты 6 сосудов, один из которых лепной (рис. 67, 1–3): 2 венчика кубков; археологически целая чаша с загнутой краем; плоское донце хума со вмятинами у основания; стенки кувшина; стенки лепного котла.

Башня 4 немного больше предыдущих, её размеры 4,5×3,3 м (рис. 39, 1–2). Вход в башню, расположенный строго по центру, осуществлялся из пом. 6 и был оборудован порогом шириной 50 см (рис. 39, 3). В западном углу имеются две неглубокие, вырубленные в стене округлые ниши.

На этапе 1 в башне 4 было не более 8 сосудов, один из которых лепной (рис. 67, 19–22): венчик кубка; археологически целое блюдо; венчик горшка; 3 плоских донца кувшинов; 2 плоских донца чаш, одно из них – серо-коричневого цвета; 2 фрагмента крышки; 3 фрагмента одного хума; 4 стенки лепного котла.

Из прочих находок: дисковидный терочник (рис. 89, 6) и яичная скорлупа (рис. 88, 6).

Башня 5 имеет стандартный размер – 4,5×2,7 м (рис. 40). Вход в нее был из двора, ширина его 80 см, сильно смещен влево. В северном и восточном участке камеры стояли три хума, наполовину заглубленные в пол и обложенные камнями с глиной. На этапе 2 они были срезаны, забутованы и перекрыты полом. Похоже, в южном углу башни тоже стояли хумы, которые, как в пом. 8, позже выкопали: здесь расчищена вытянутая яма неправильной формы глубиной 40–45 см. В результате «раскопок» слои в башне 5 были основательно повреждены, а материалы 1 и 2 этапов, скорее всего, частично перемешаны. Кроме 3 хумов, в башне 5 найдены фрагменты еще, как минимум, 10 сосудов, 2 из которых лепные (рис. 44, 1–10): венчик кубка; венчик полусферической чаши; венчик чаши с загнутой закраиной; 2 венчика блюд; 2 фрагмента чаш с Г-образным венчиком; венчик тагора; венчик лепного горшка с двумя шишковидными ручками-налепами; фрагмент венчика лепного котла. Также на полу найдено каменное ядро из красного песчаника (рис. 91, 1).

Башня 6 по размеру аналогична башне 4–4,5×3,3 м (рис. 41). Вход в нее расположен во дворе, проём шириной 80 см сделан по центру камеры. У восточной стены имеется небольшой подиум из камней с глиной, в которую были вмурованы хум и лепной горшок с двумя ручками (рис. 44, 11), рядом лежали два обломка зернотерок и шаровидный терочник или ядро (рис. 89, 3).

Во всех башнях и помещениях крепости видны следы пожара и разрушений, от огня особенно пострадали башни 1, 3 и караульное помещение 5. Вероятно, штурм велся с двух направлений, а захват её произошел через пролом в башне 3. Разгром и сожжение крепости, знаменующие конец 1 этапа, произошли, судя по всему, буквально сразу же вслед за её строительством.

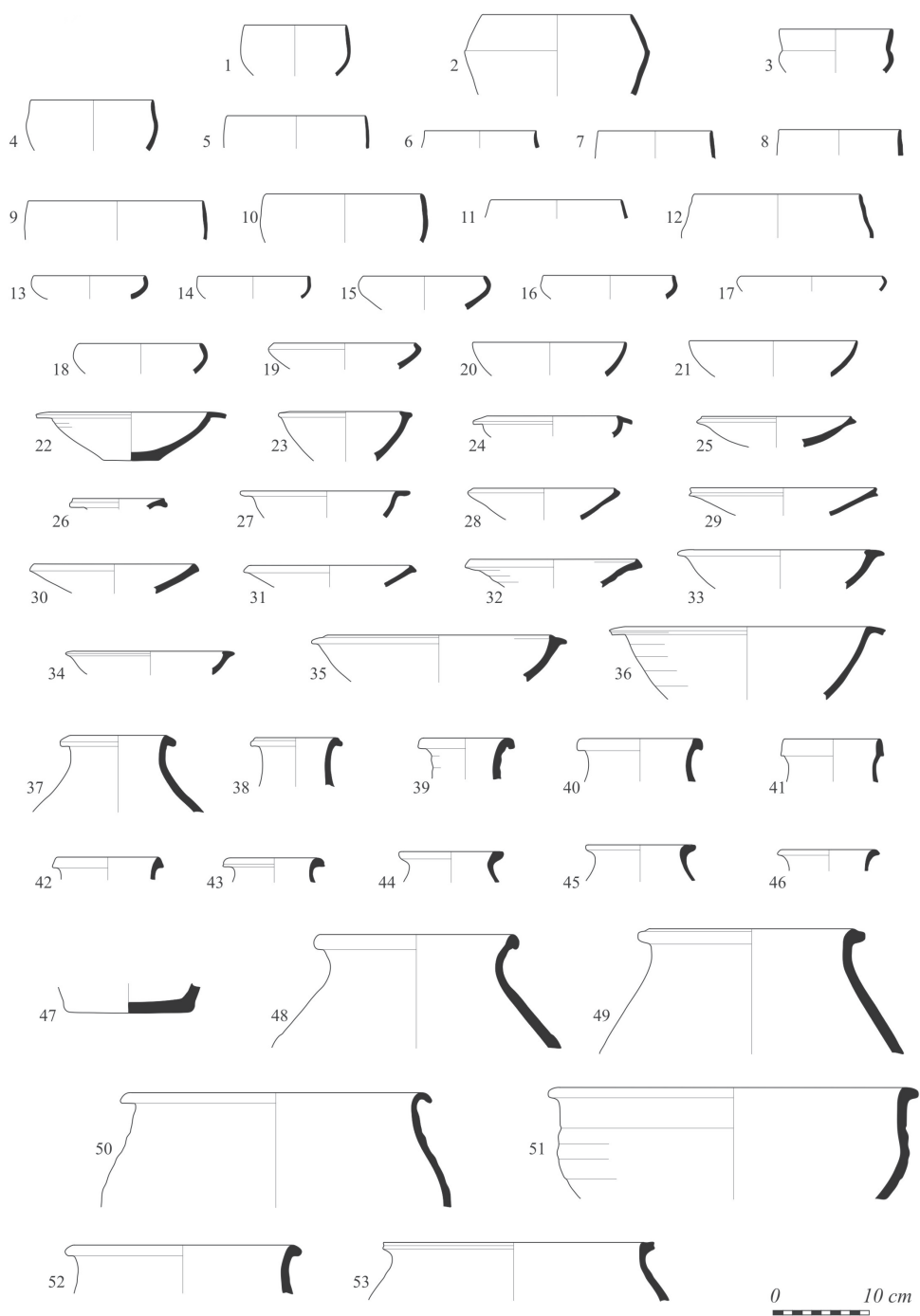

Рис. 42. Керамика этапа 1 из двора крепости Курганзол (сектор I).

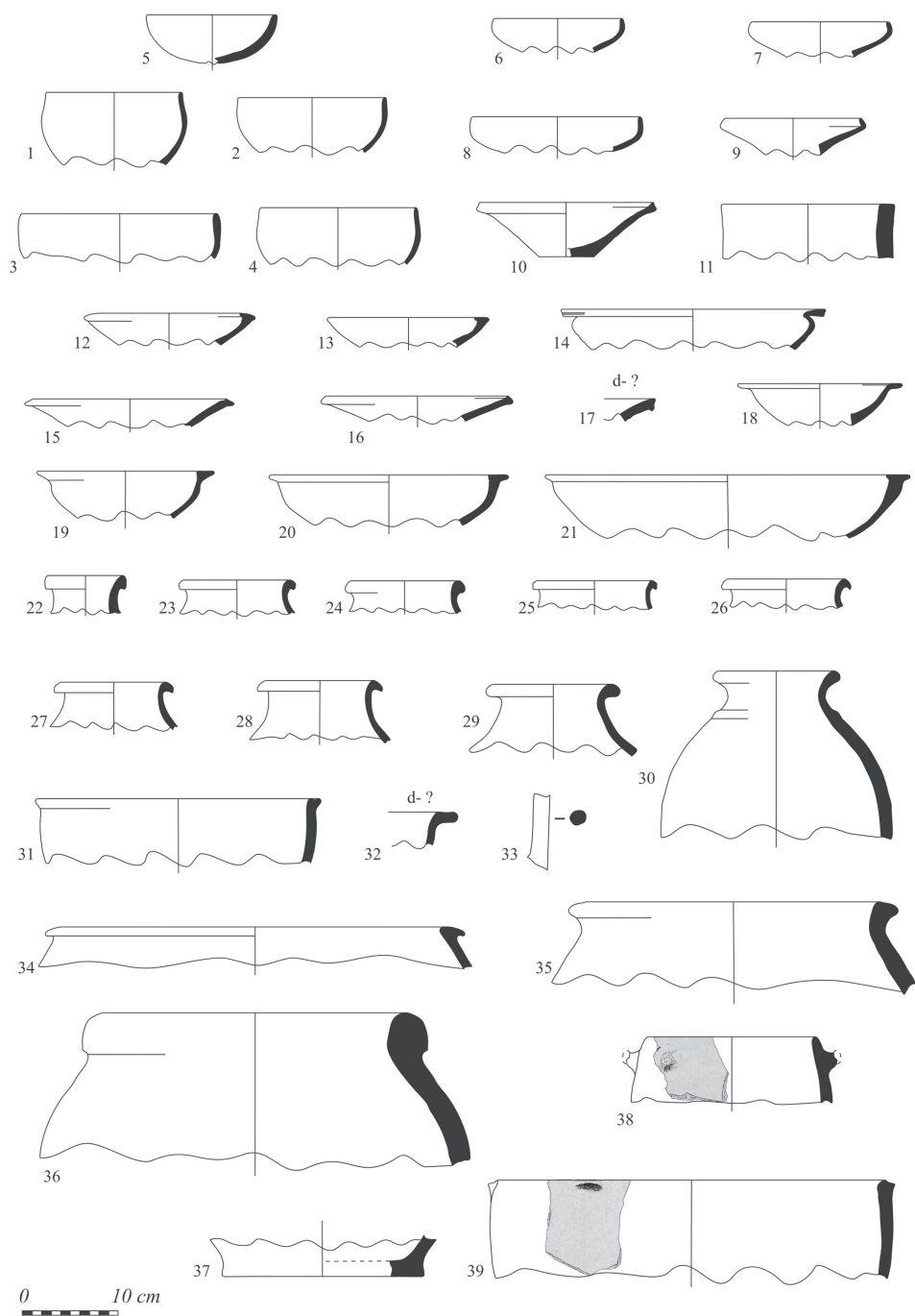

Рис. 43. Керамика этапа 1 из двора крепости Курганзол (сектор II).

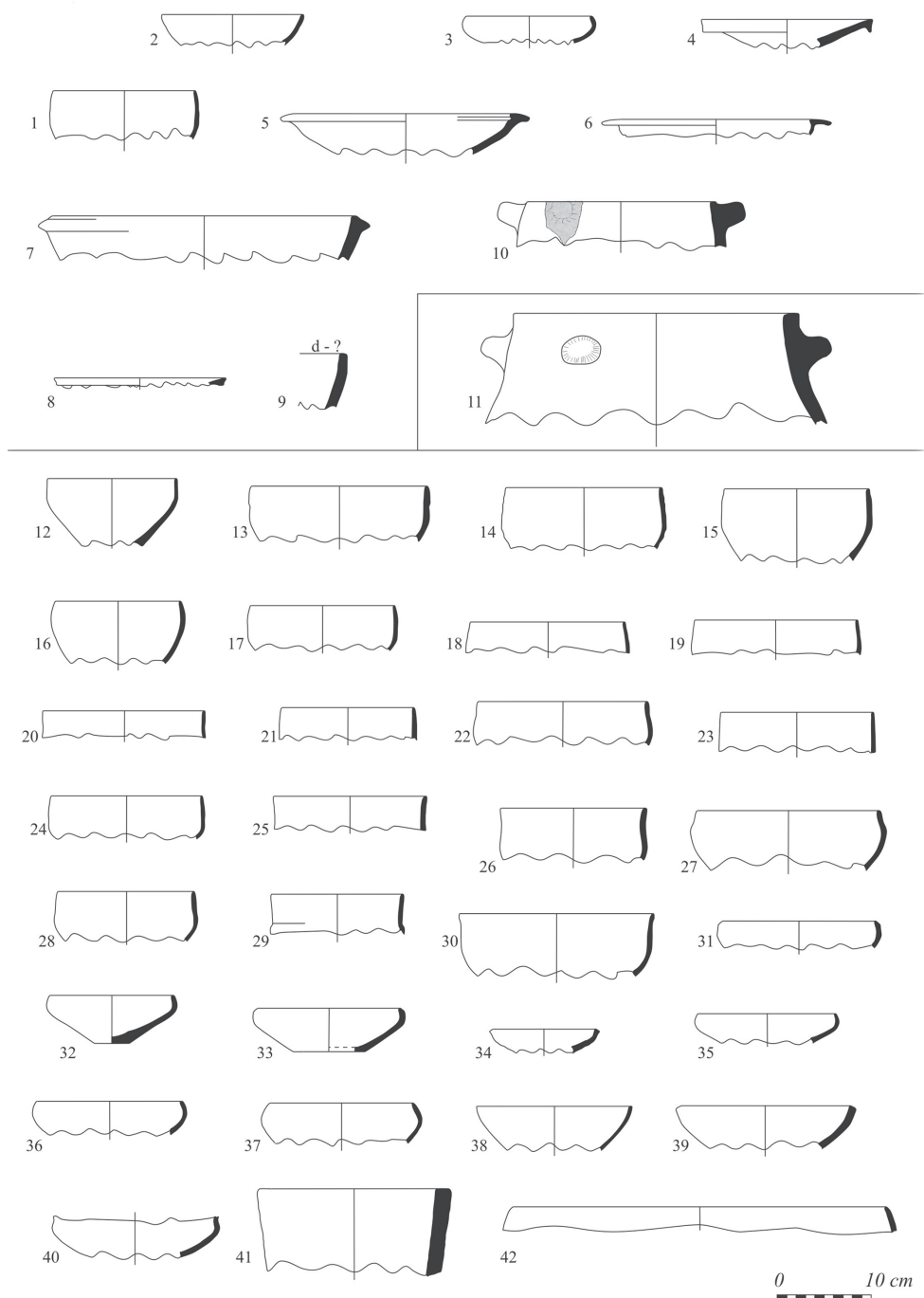

Рис. 44. Керамика этапа 1: 1–10 – из башни 5; 11 – из башни 6; 12–42 – из двора крепости Курганзол (сектор III).

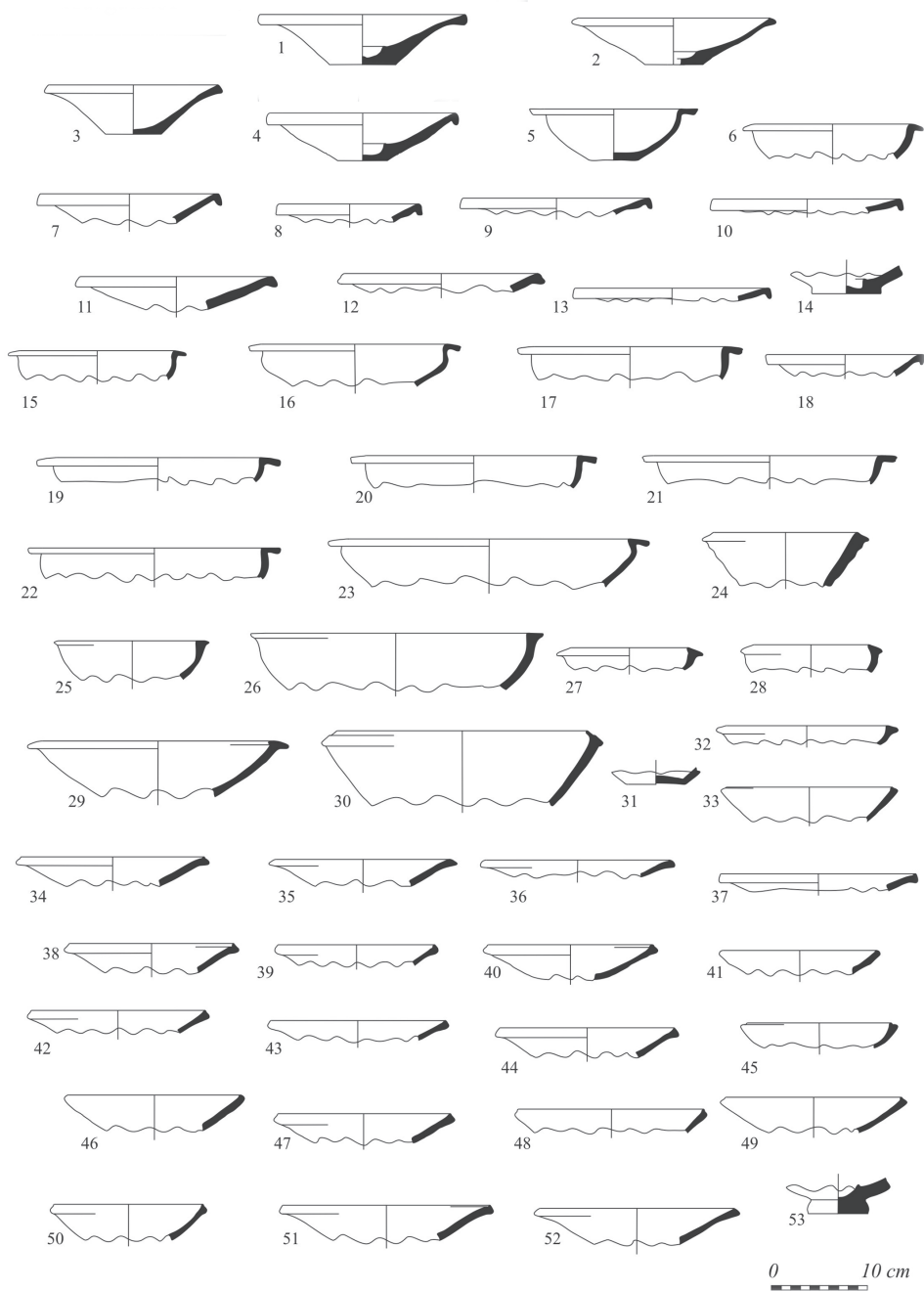

Рис. 45. Керамика этапа 1 из двора крепости Курганзол (сектор III).

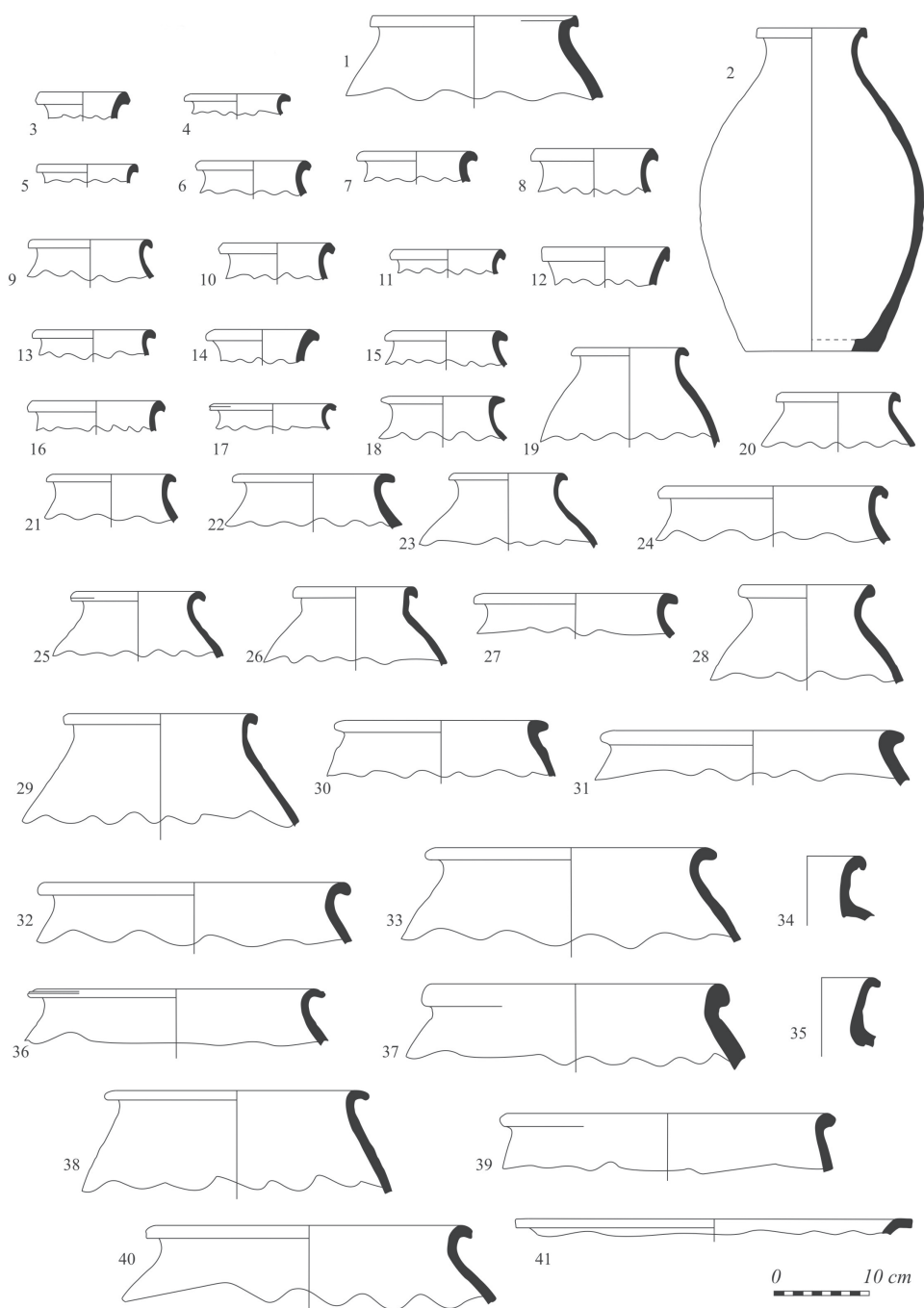

Рис. 46. Керамика этапа 1 из двора крепости Курганзол (сектор III).

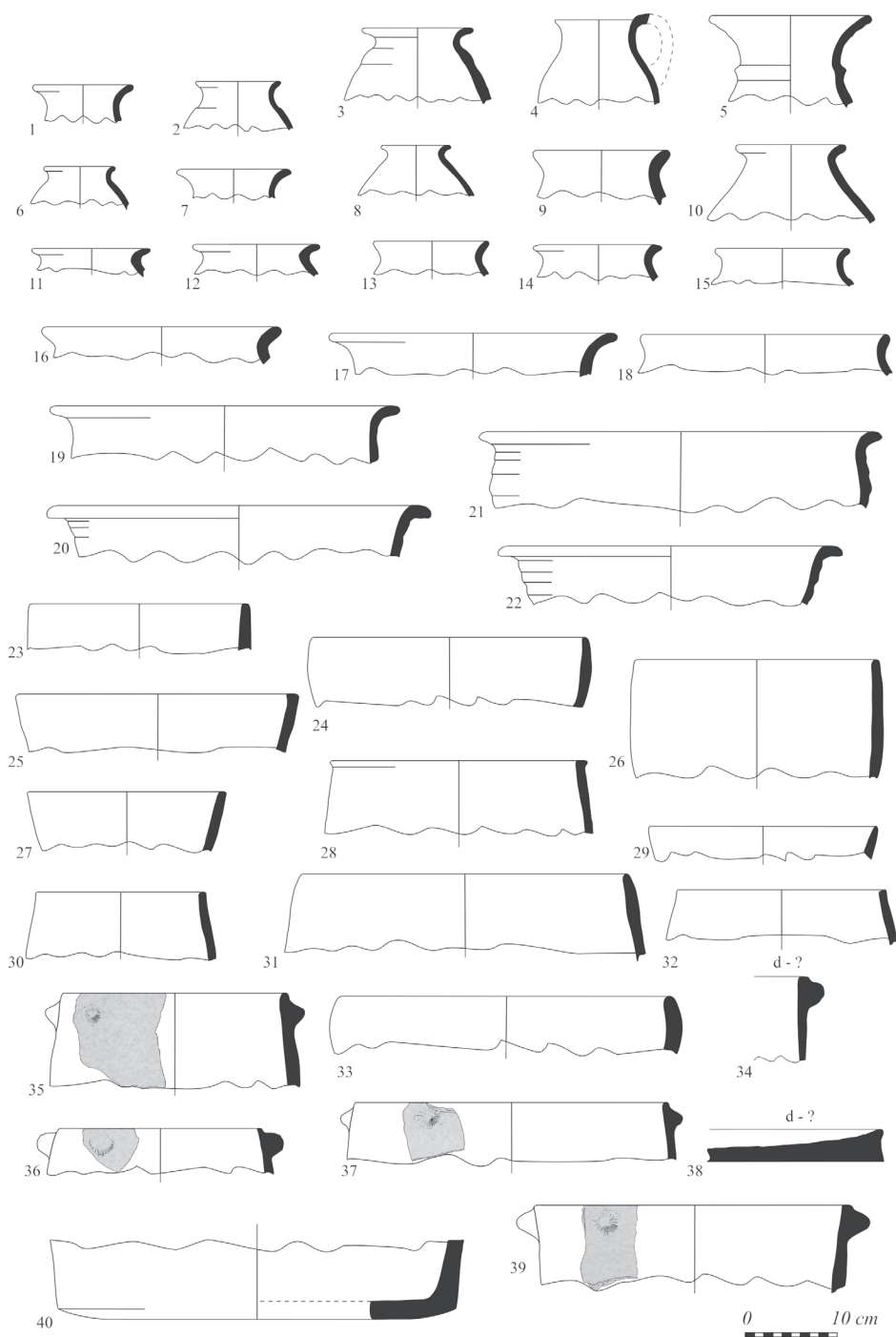

Рис. 47. Керамика этапа 1 из двора крепости Курганзол (сектор III).

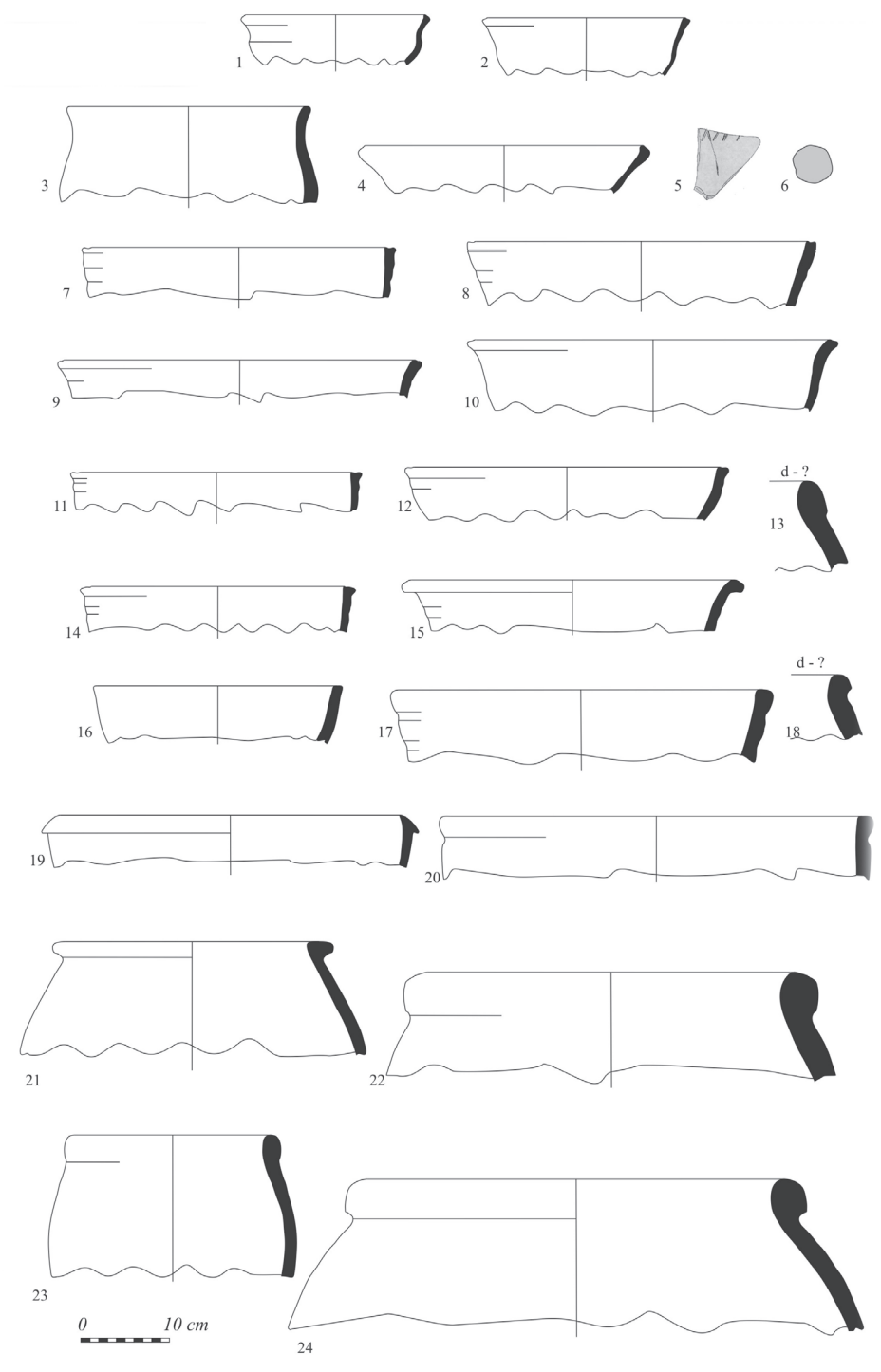

Рис. 48. Керамика этапа 1 из двора крепости Курганзол (сектор III).

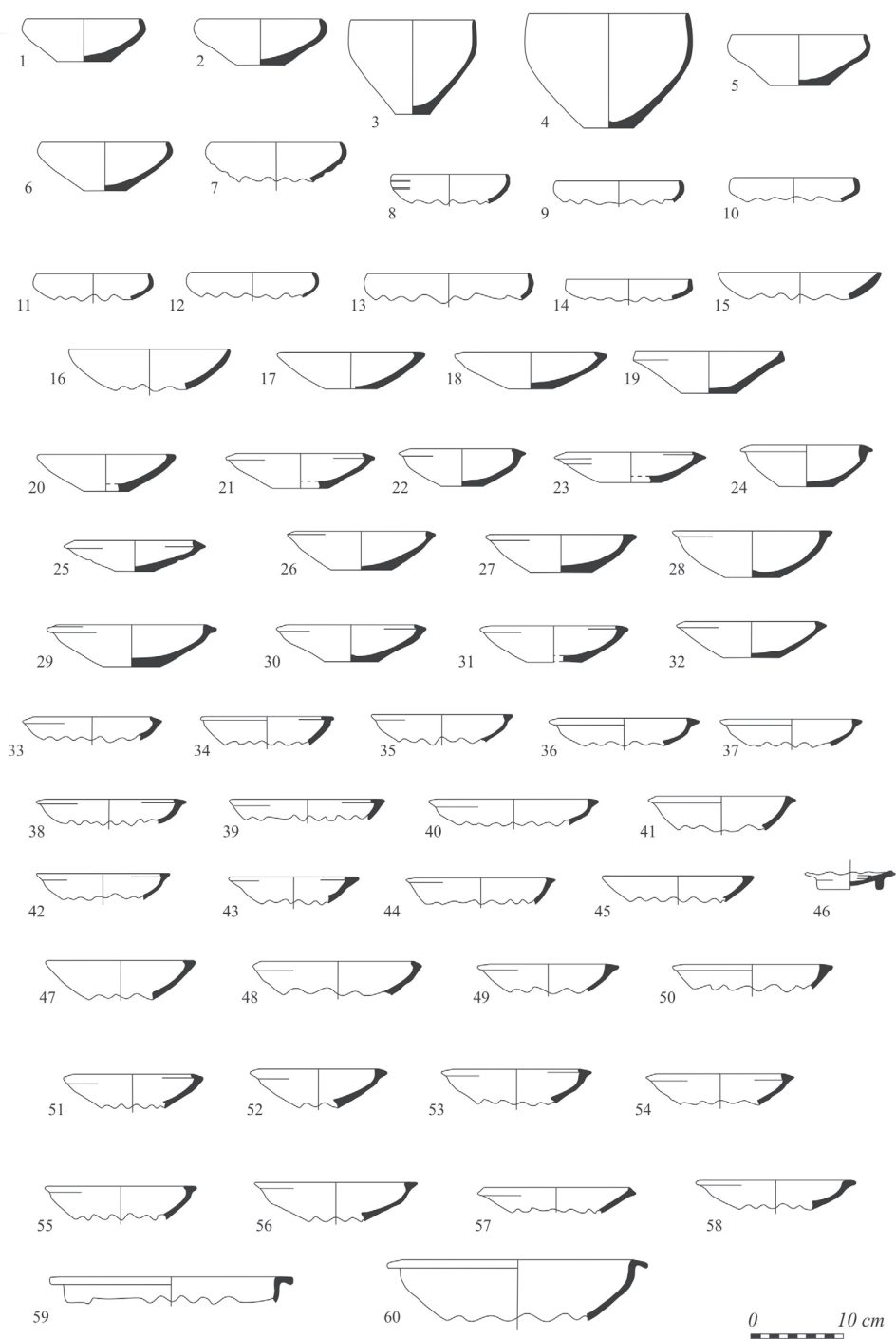

Рис. 49. Керамика этапа 1 из двора крепости Курганзол (сектор IV).

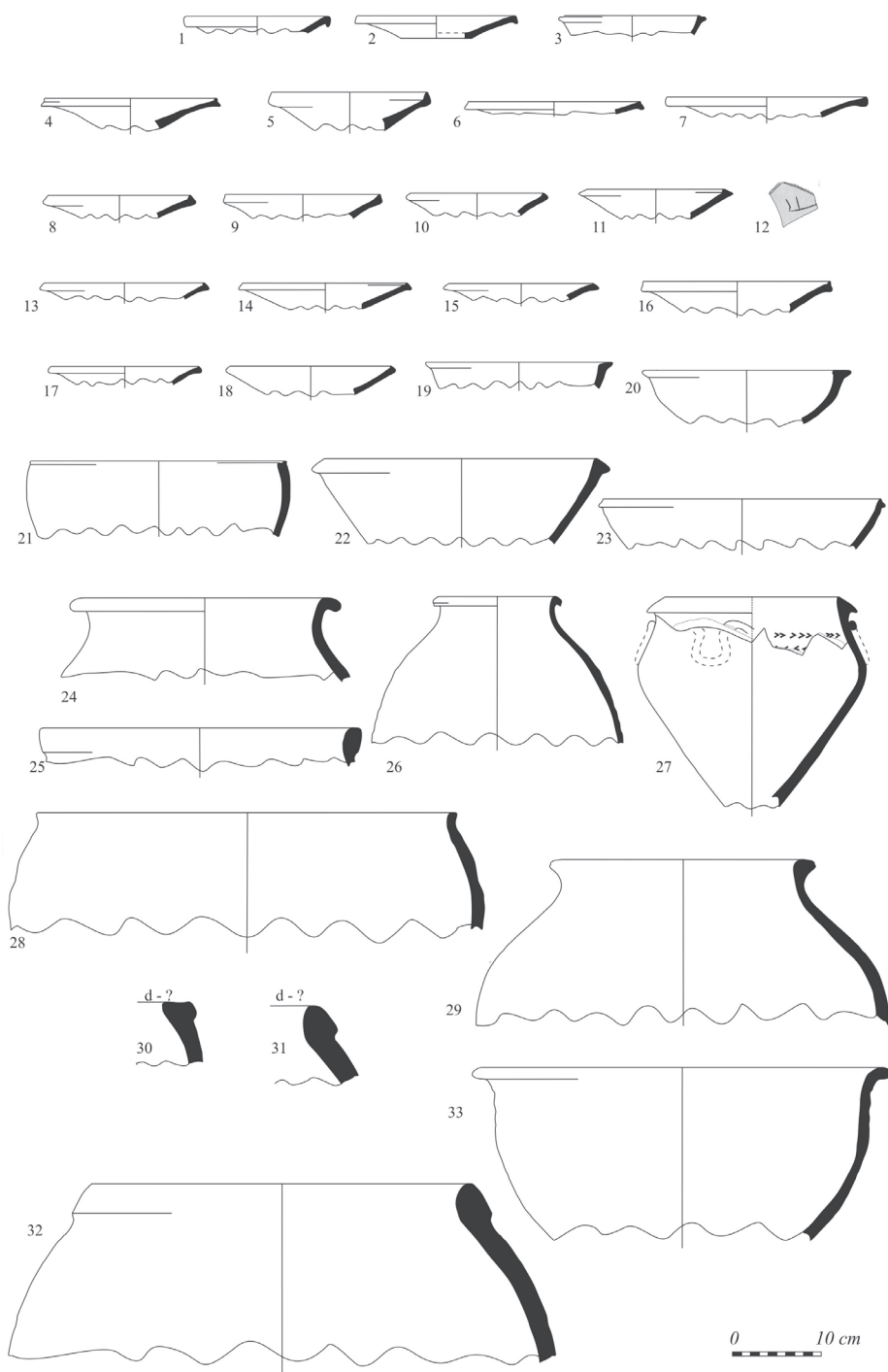

Рис. 50. Керамика этапа 1 из двора крепости Курганзол (сектор IV).

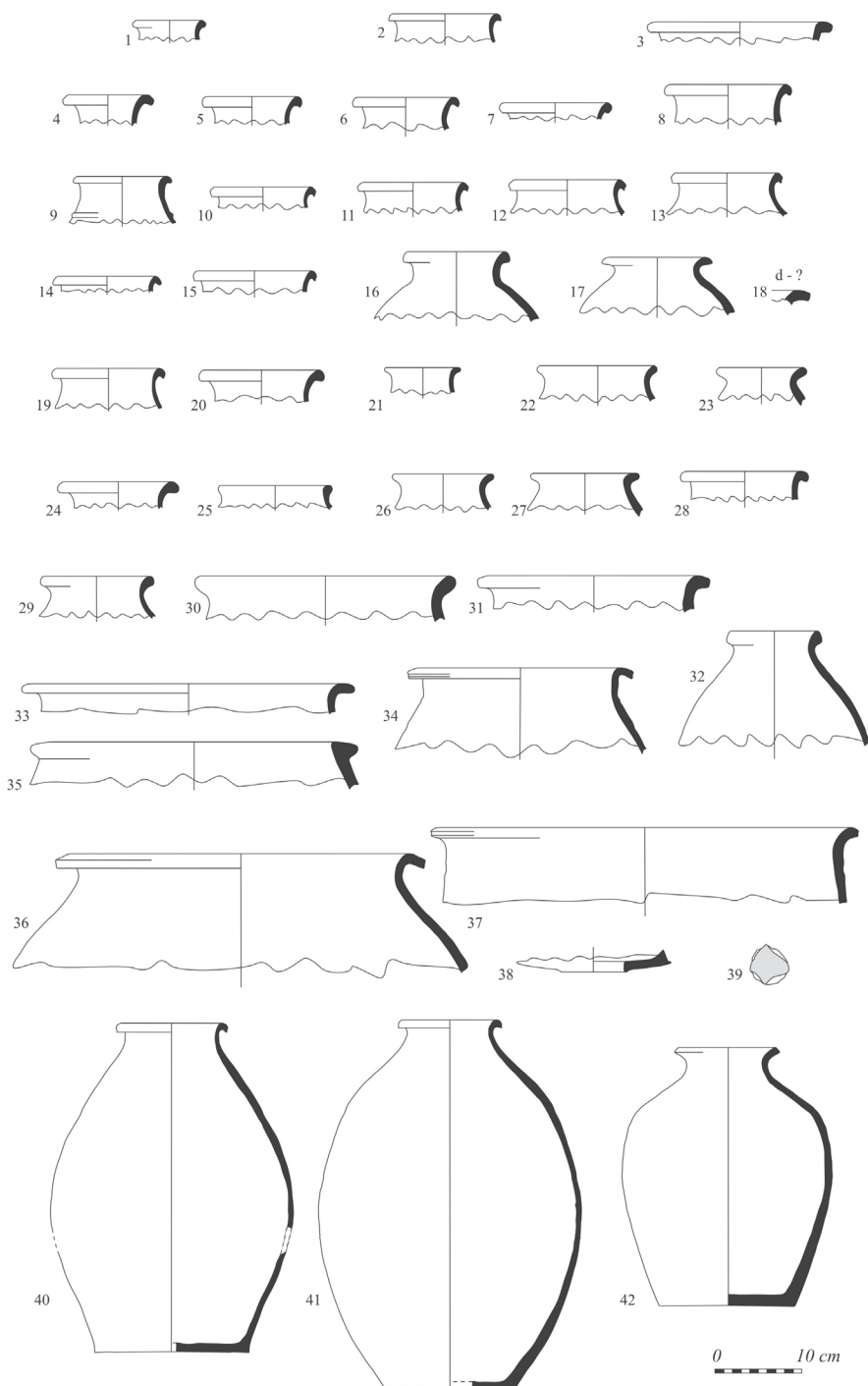

Рис. 51. Керамика этапа 1 из двора крепости Курганзол (сектор IV).

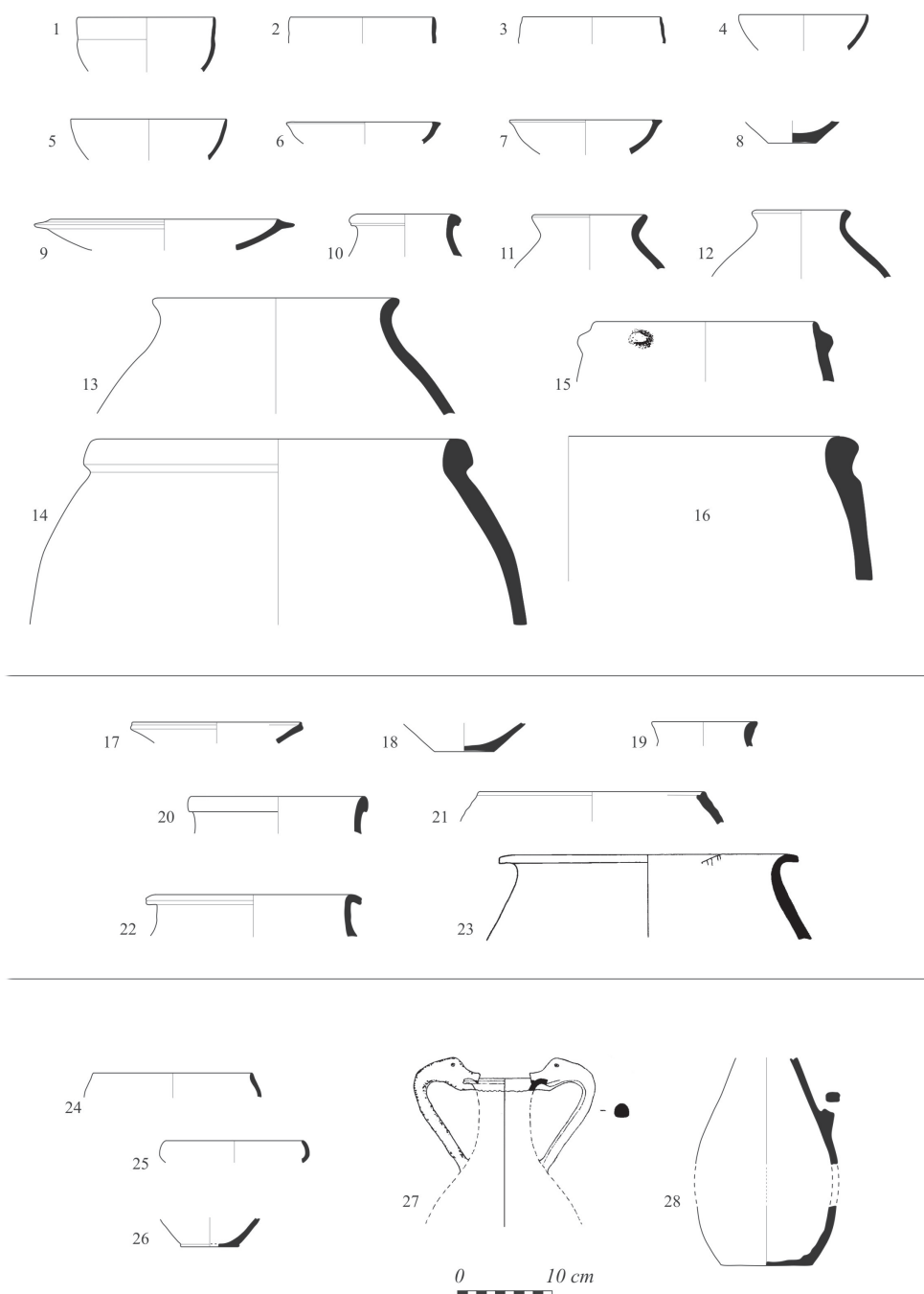

Рис. 52. Керамика этапа 1: 1–16 – из пом. 1; 17–23 – из ямы в пом. 2; 24–28 – из ямы 6 во дворе крепости Курганзол.

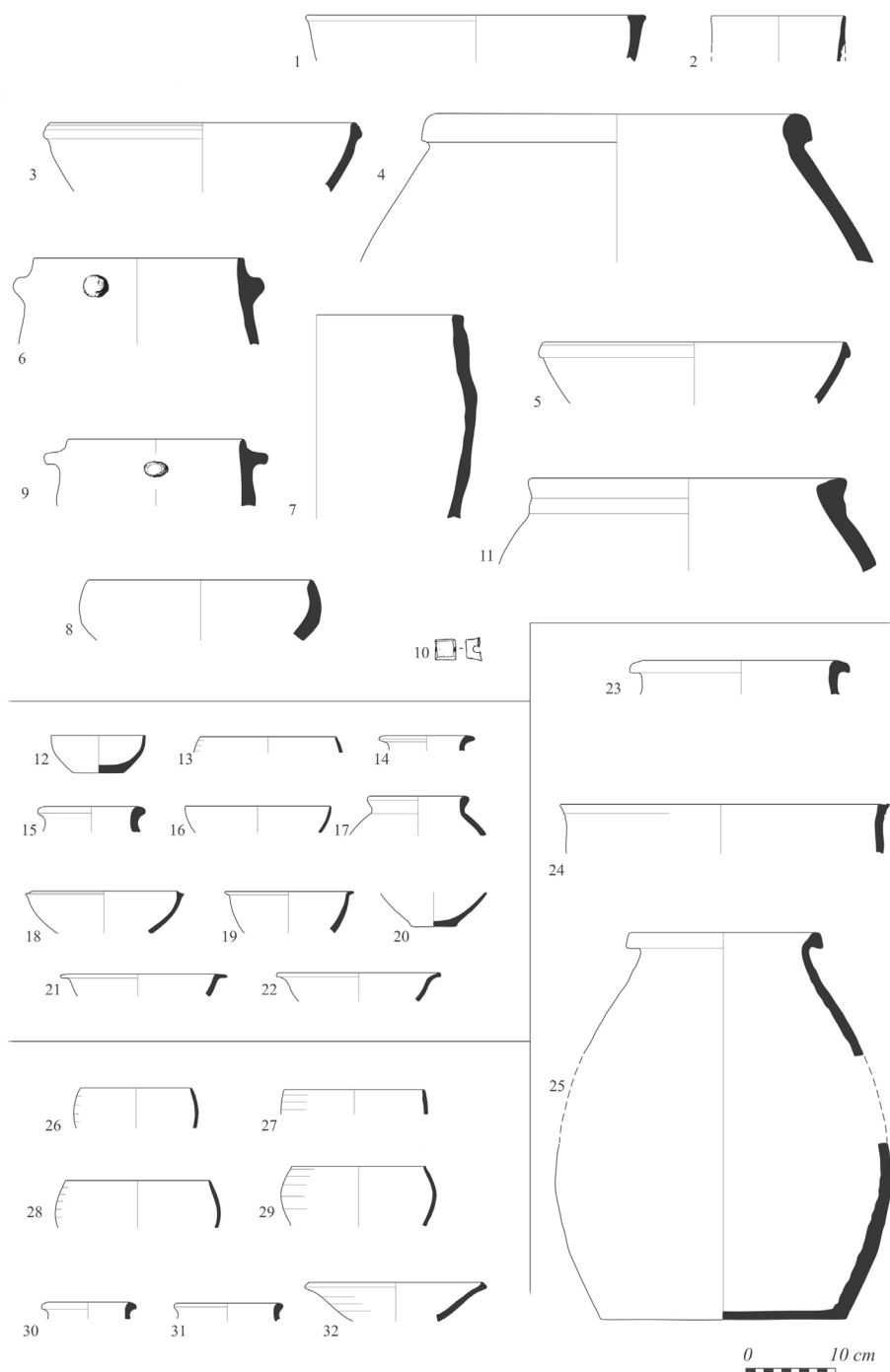

Рис. 53. Керамика этапа 1: 1–11 – из двора (сектор I); 12–22 – из пом. 2; 23–25 – из пом. 3; 26–32 – из входного тамбура крепости Курганзол.

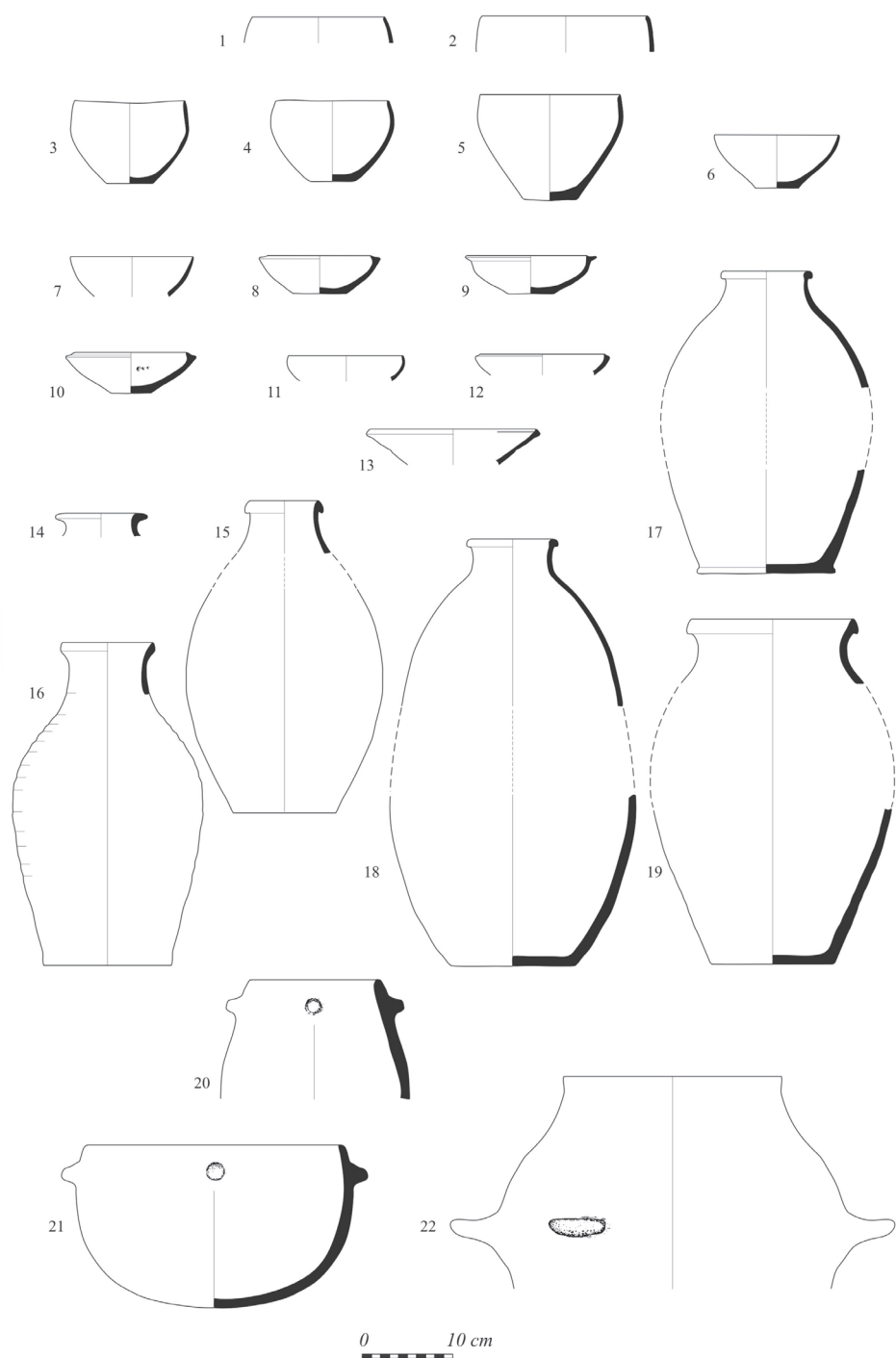

Рис. 54. Керамика этапа 1 из помещения 3.

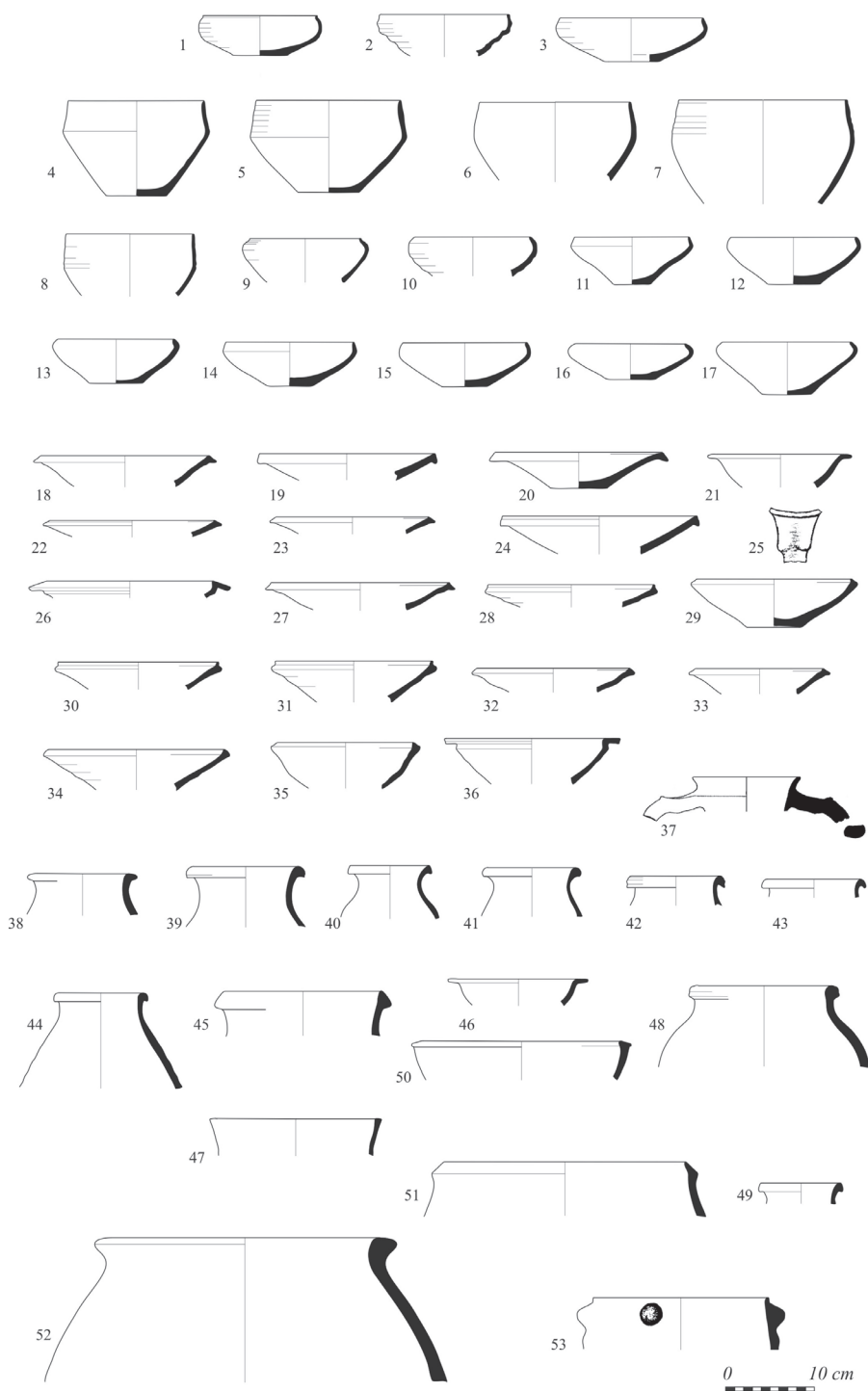

Рис. 55. Керамика этапа 1 из помещения 4 (с ванной).

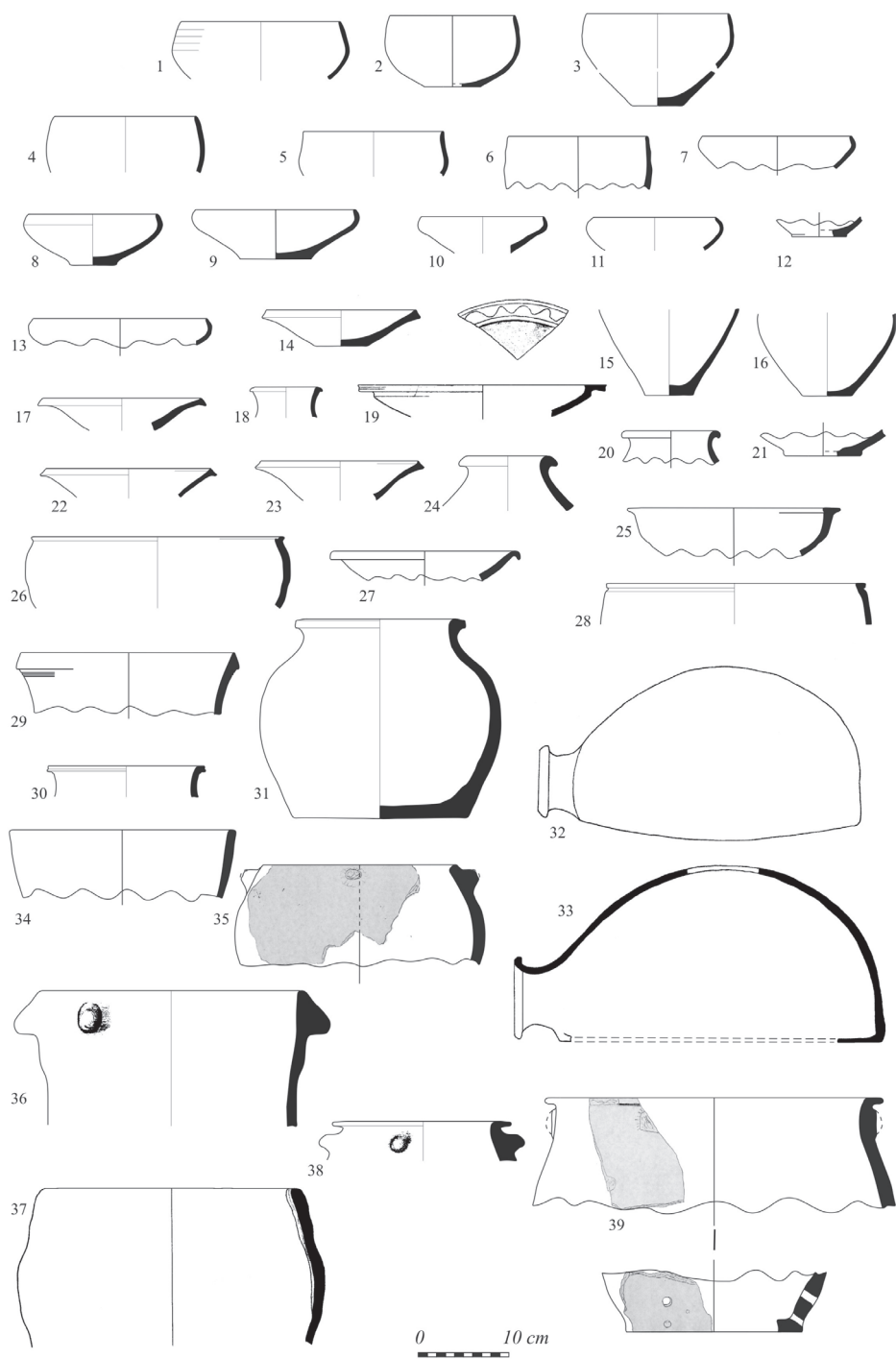

Рис. 56. Керамика этапа 1 из караульного помещения 5.

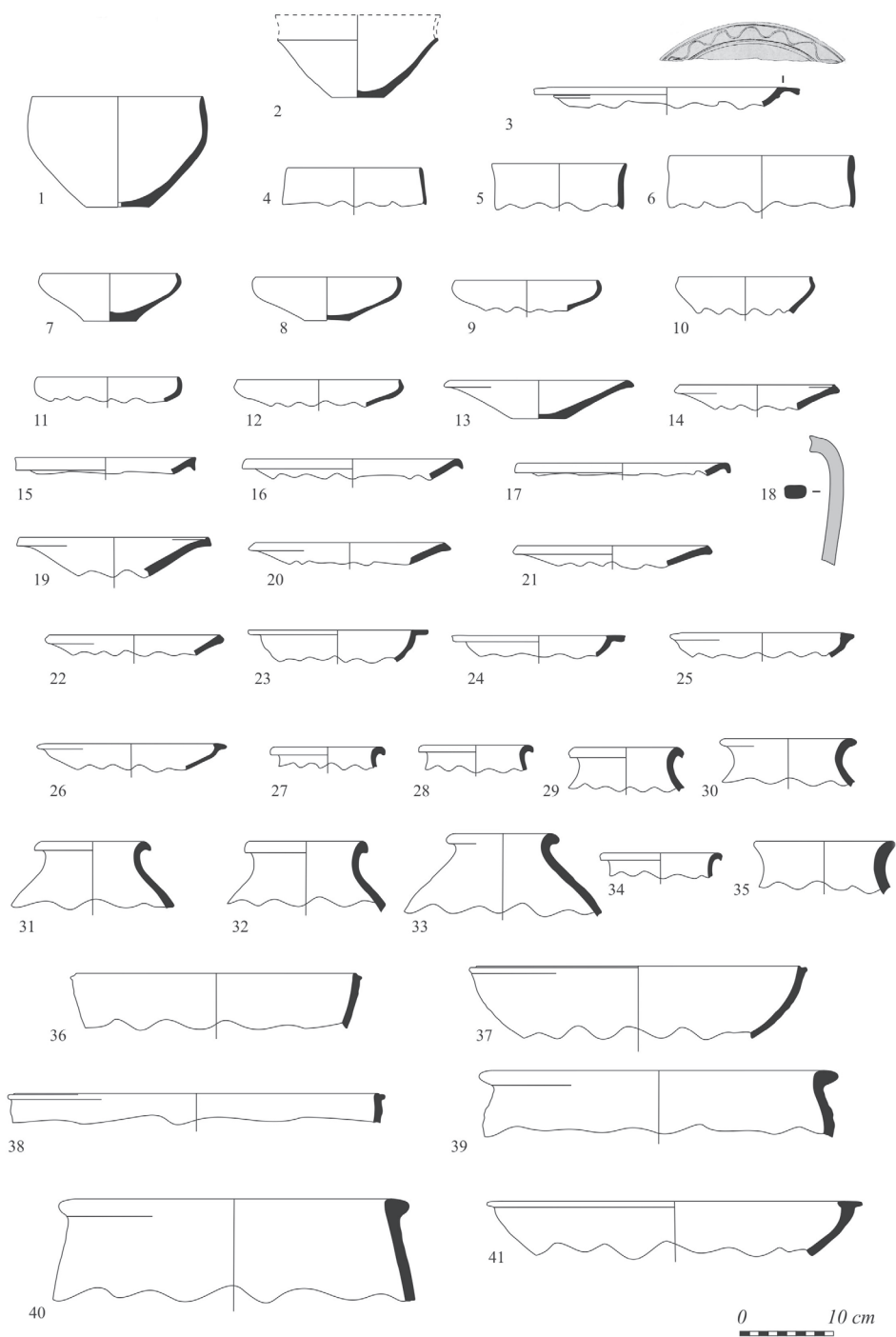

Рис. 57. Керамика этапа 1 из помещения 6.

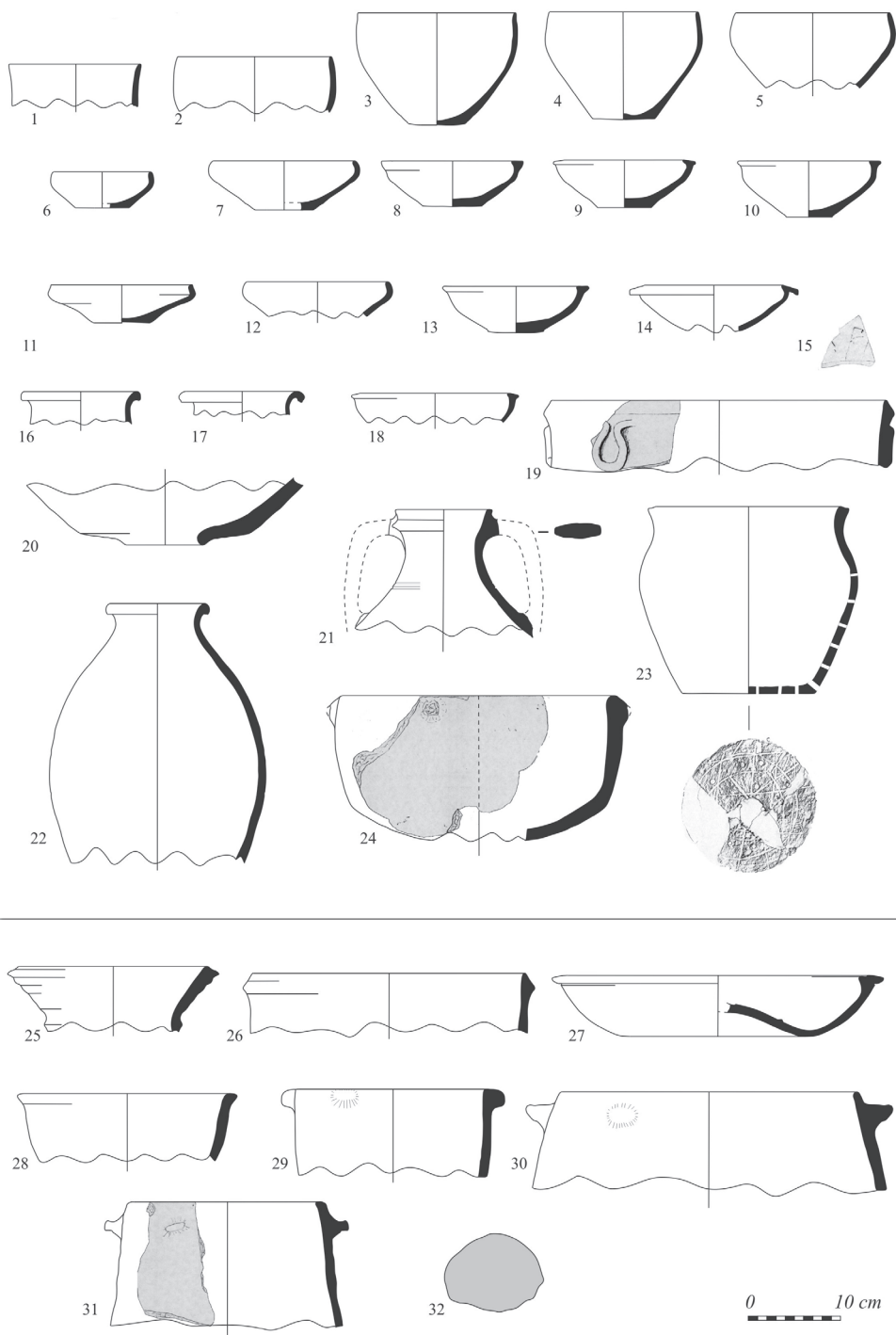

Рис. 58. Керамика этапа 1 из помещения 6. 1–24 – из ямы 9 в пом. 6.

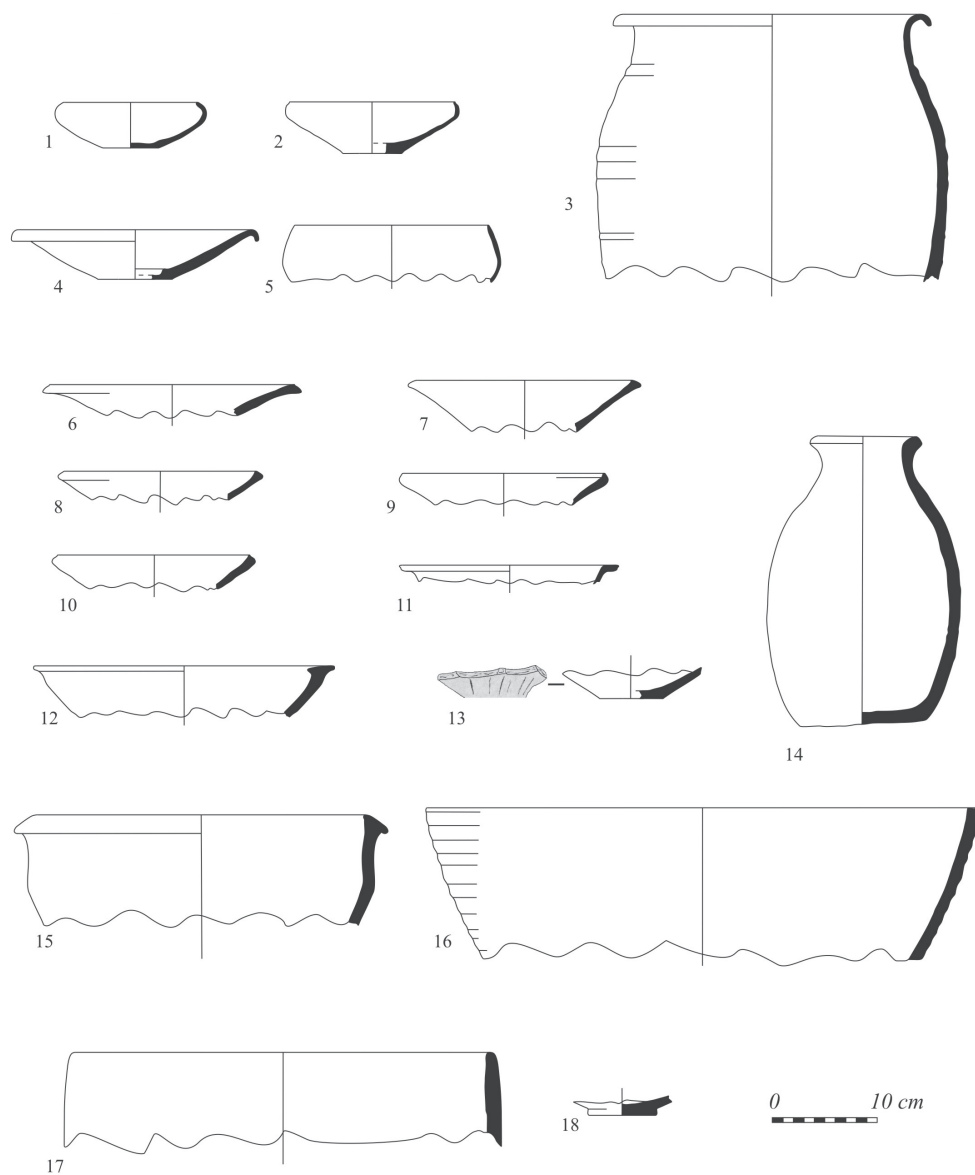

Рис. 59. Керамика этапа 1 из лаза в погреб.

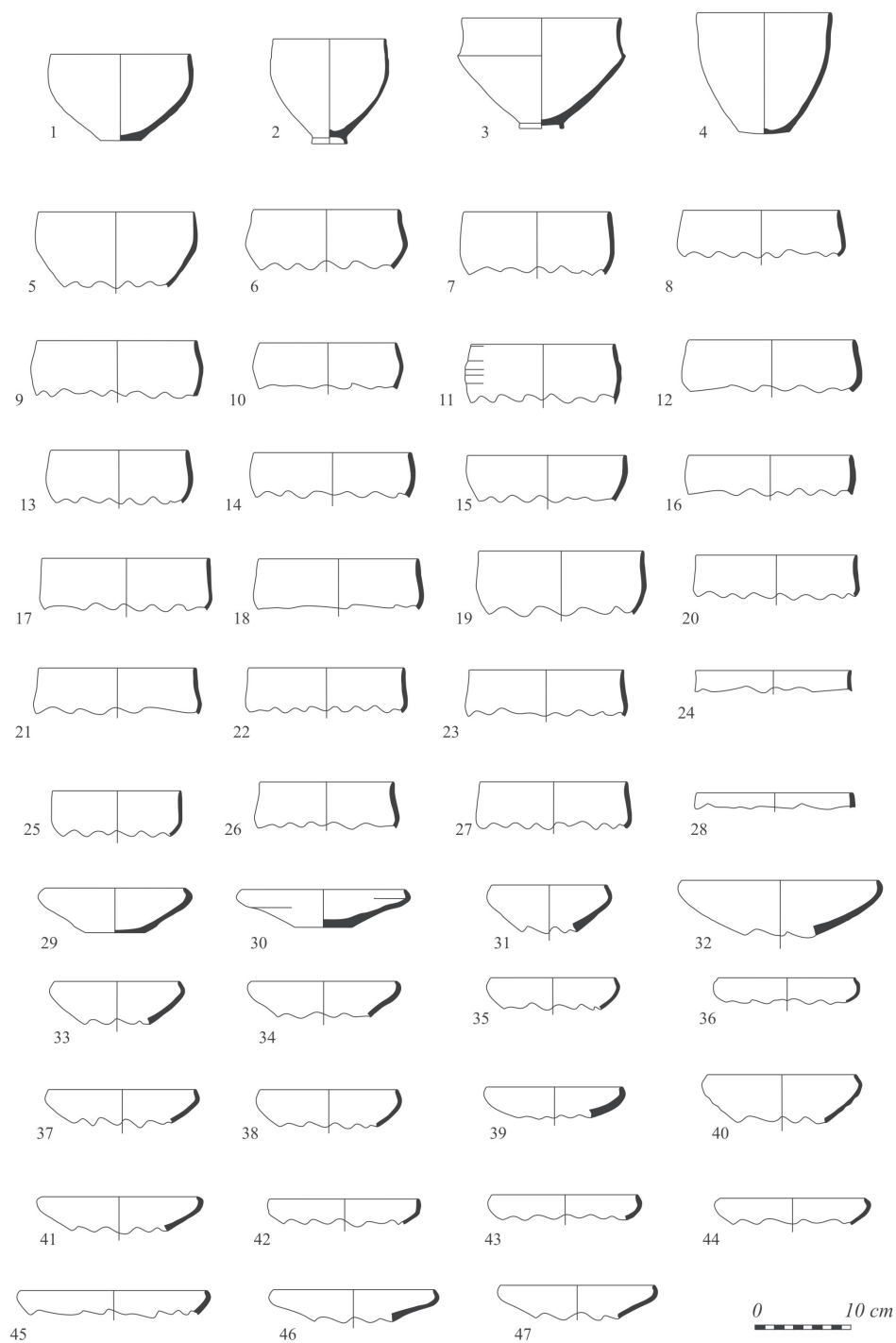

Рис. 60. Керамика этапа 1 из погребя (помещение 7).

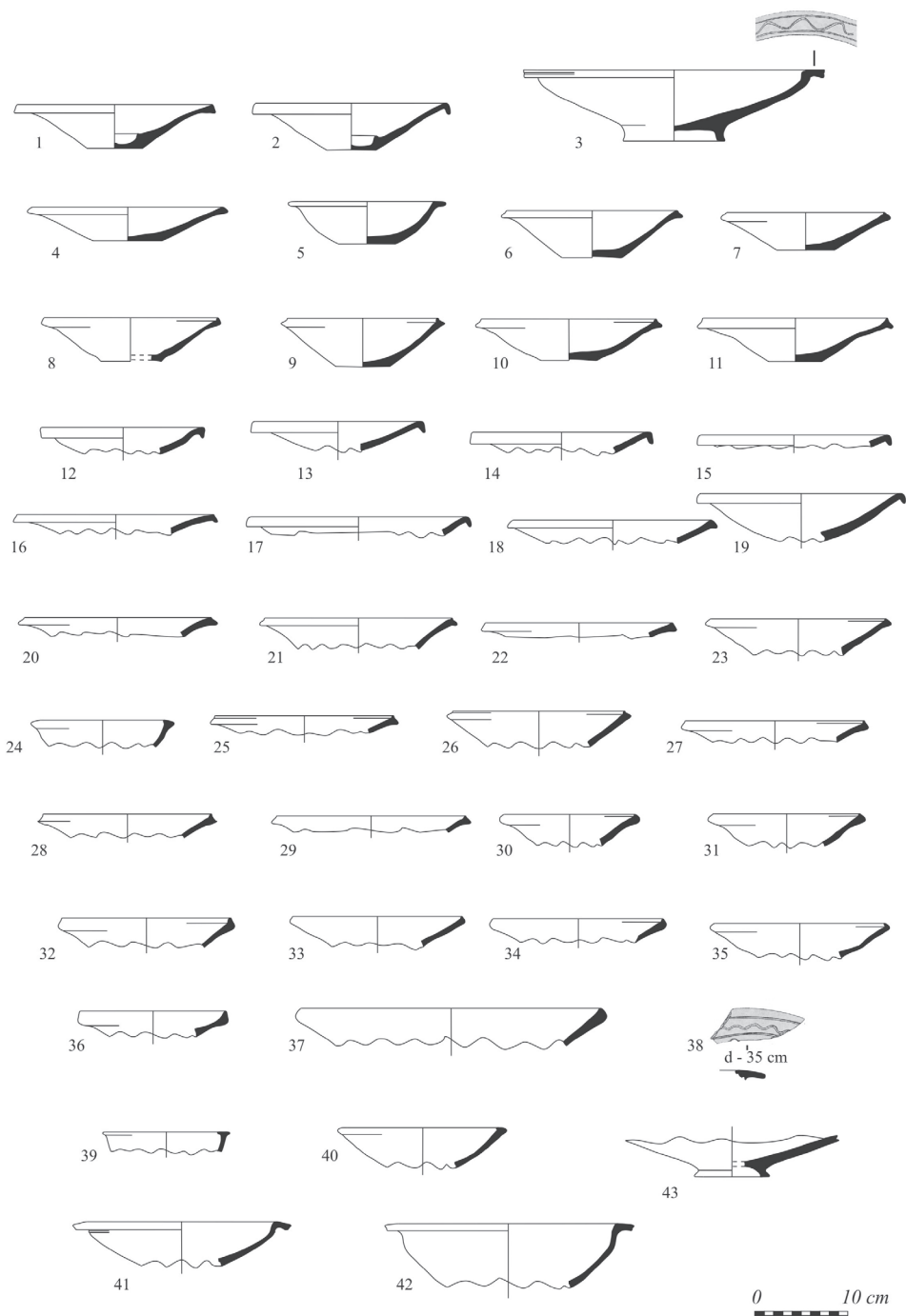

Рис. 61. Керамика этапа 1 из погребя (помещение 7).

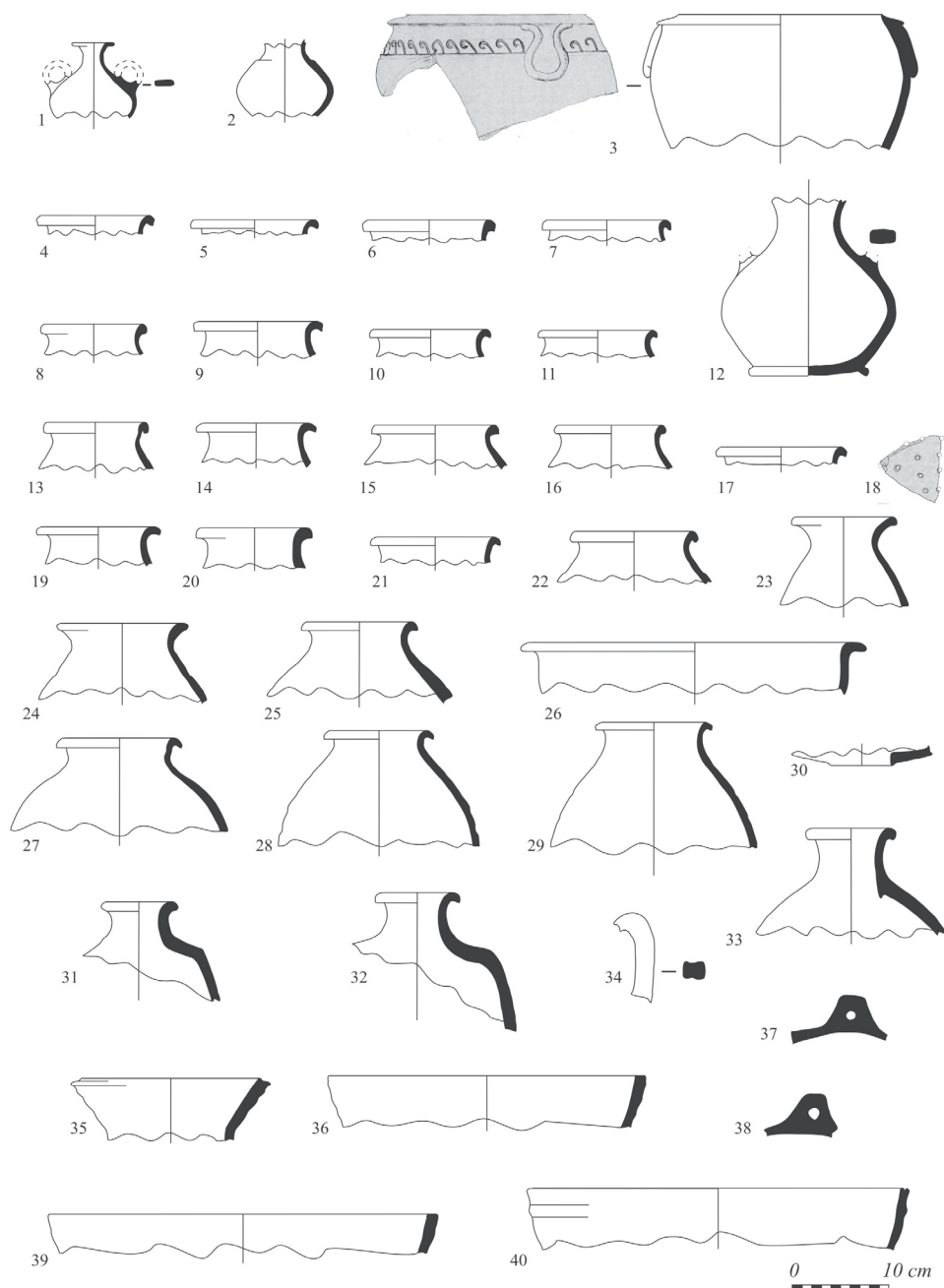

Рис. 62. Керамика этапа 1 из погребя (помещение 7).

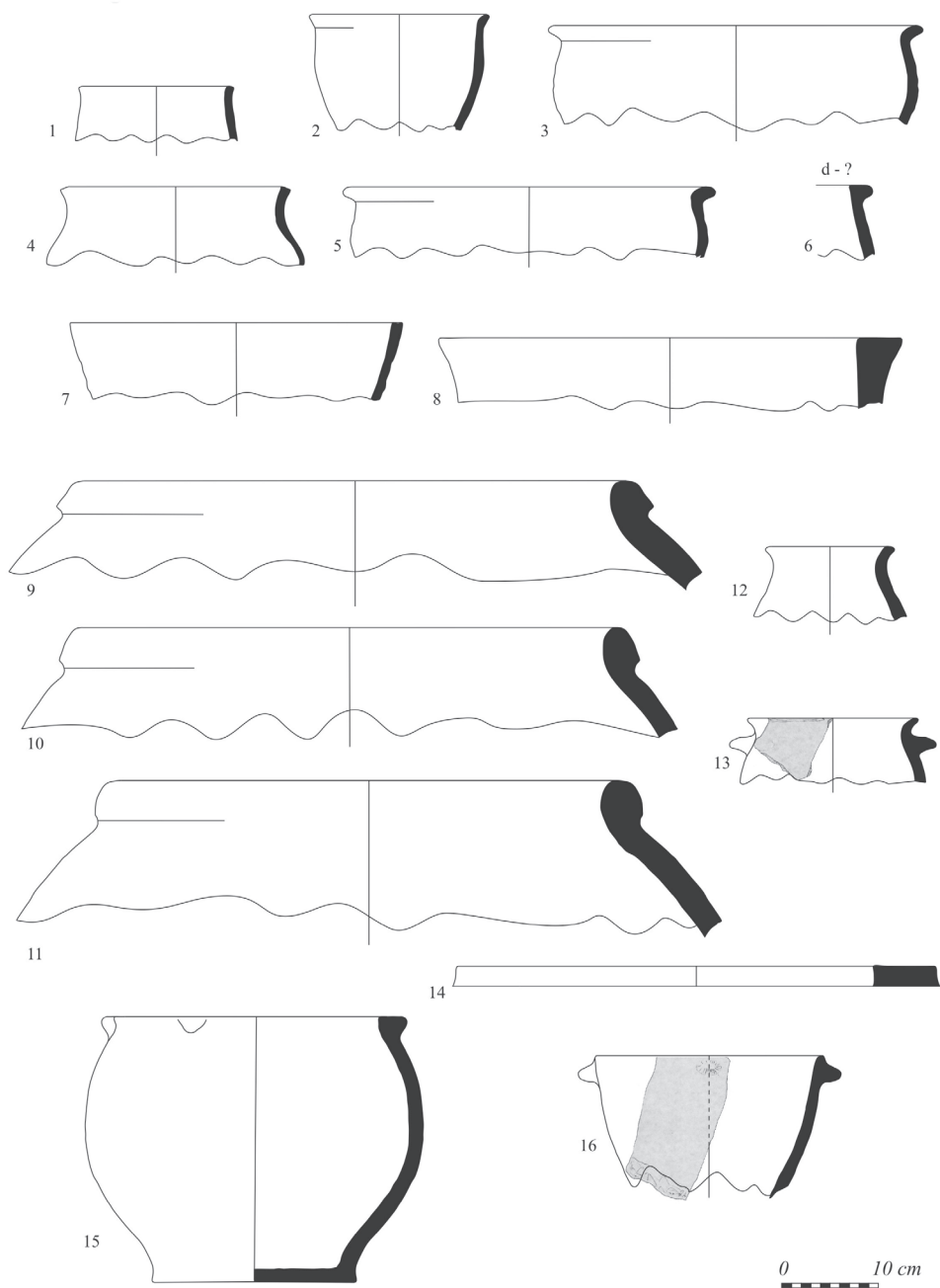

Рис. 63. Керамика этапа 1 из погребя (помещение 7).

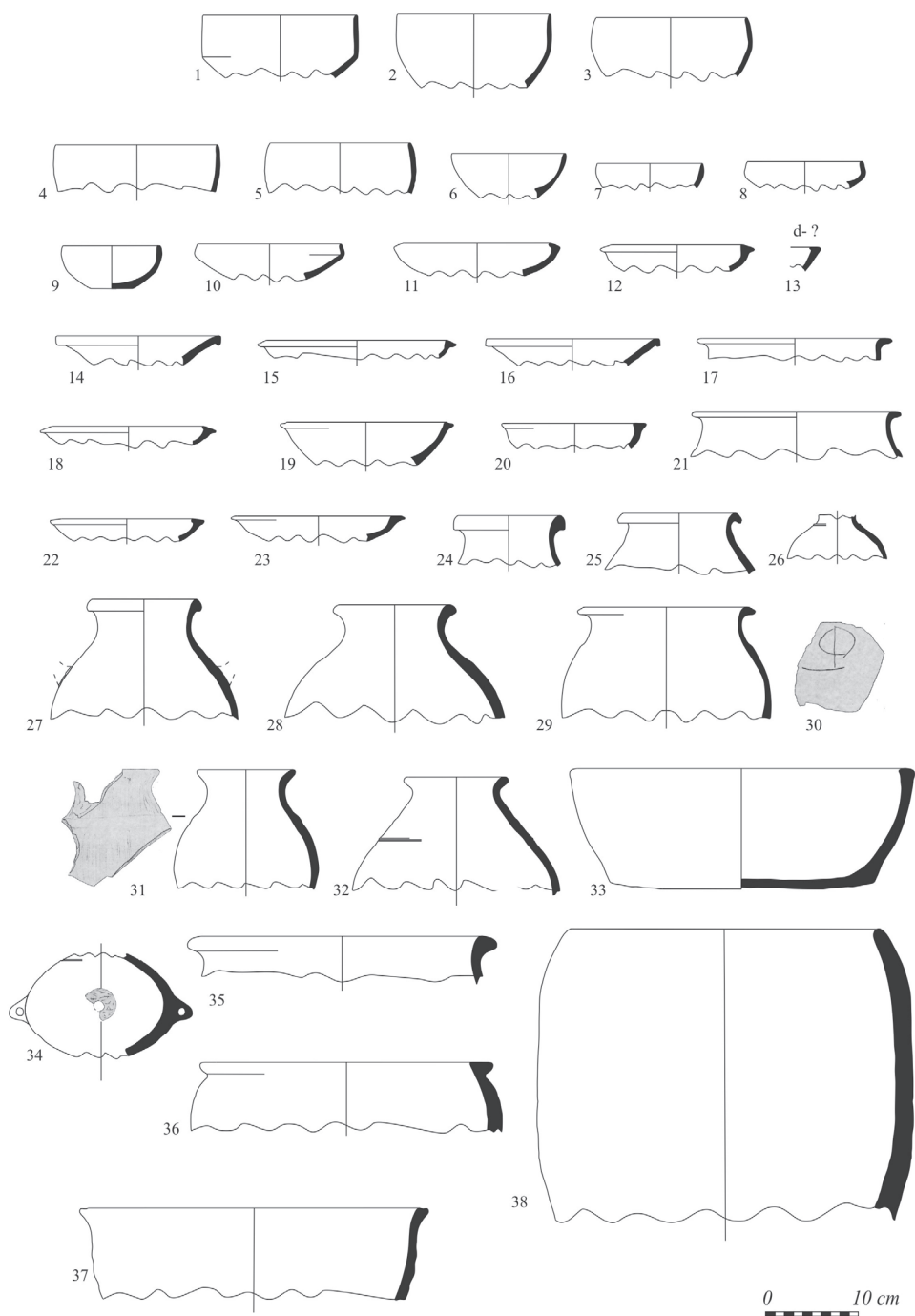

Рис. 64. Керамика этапа 1 из помещения 8.

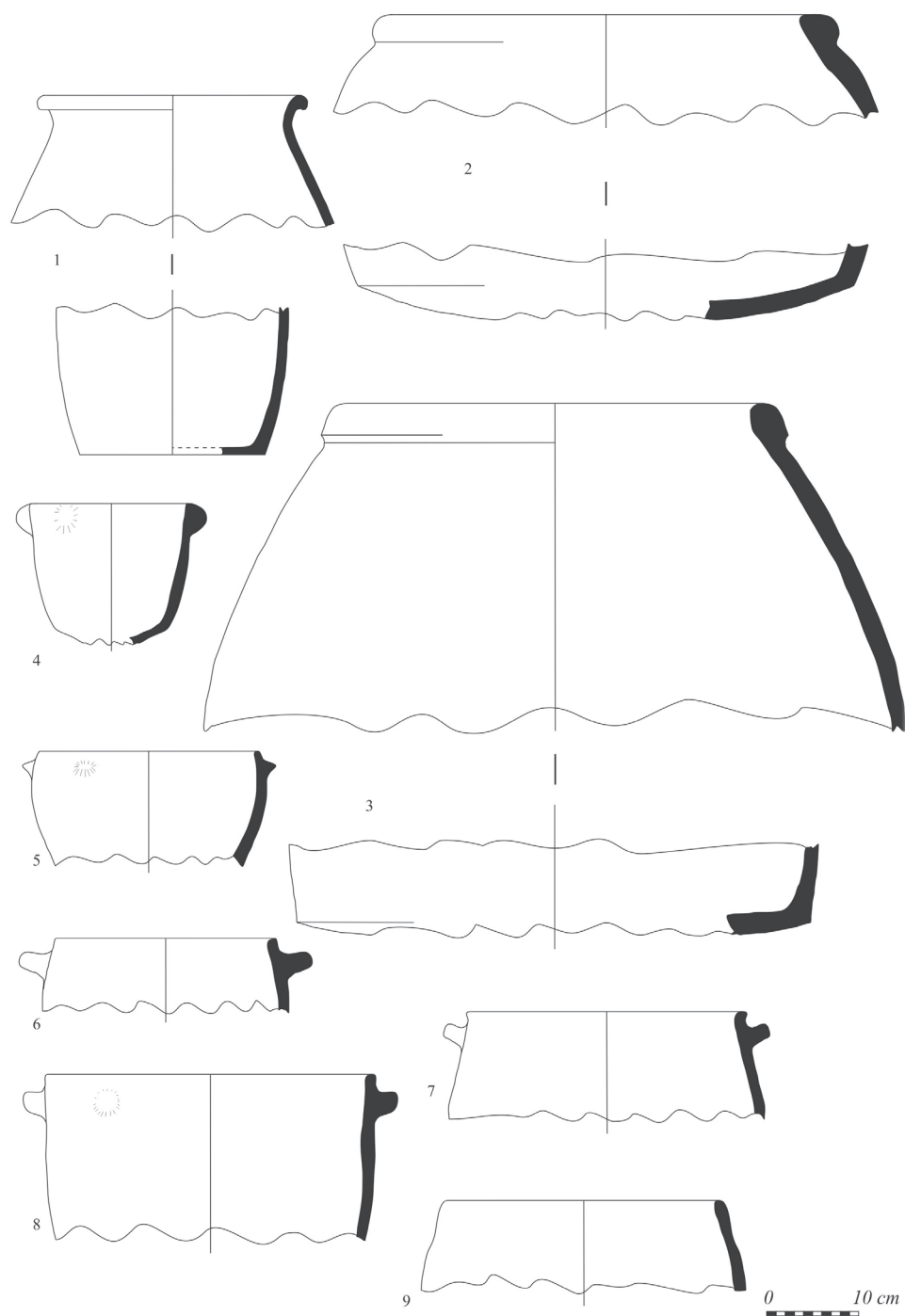

Рис. 65. Керамика этапа 1 из помещения 8.

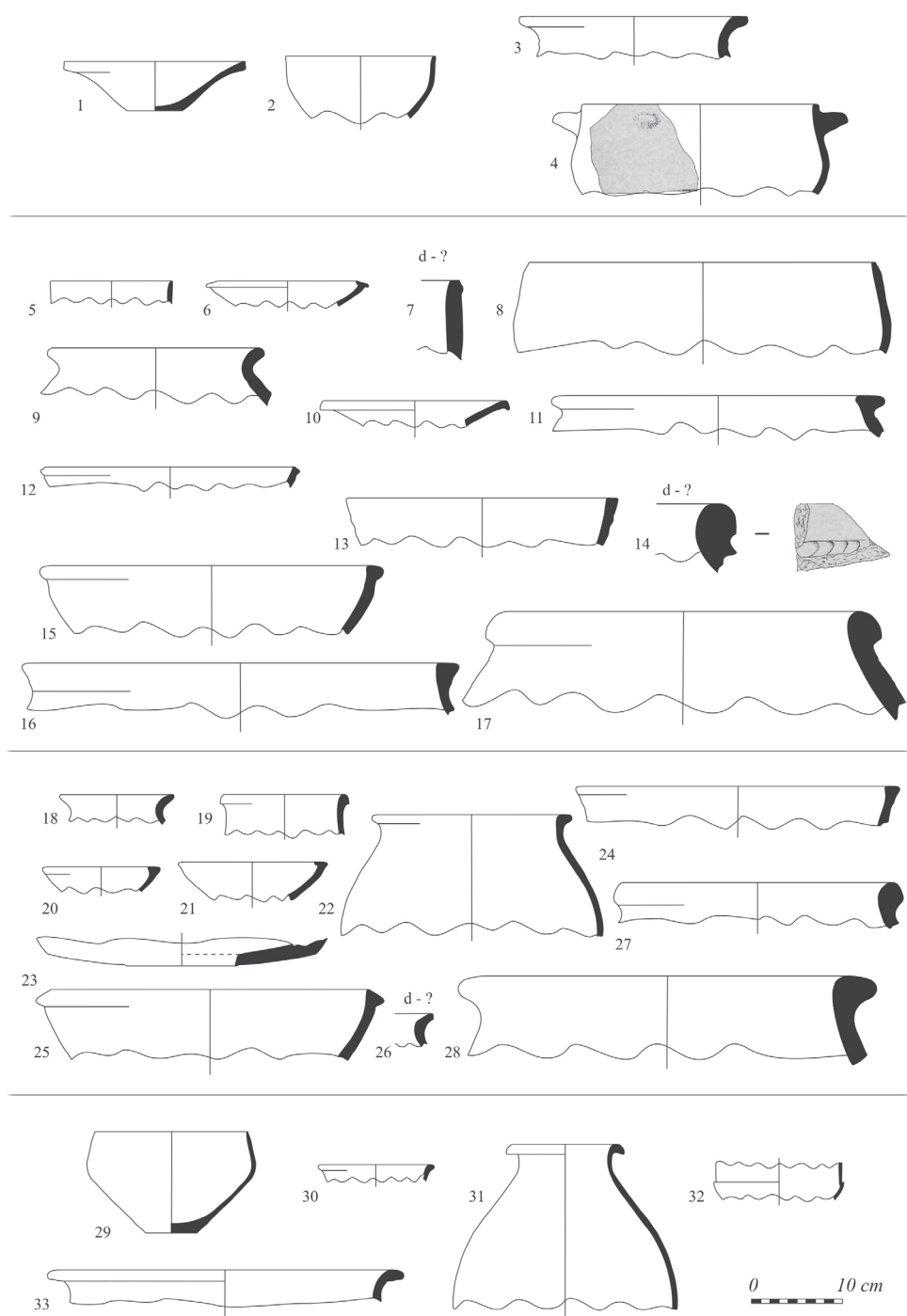

Рис. 66. Керамика этапа 1: 1-4 – из ямы 8 в пом. 6; 5-17 – из пом. 9; 18-28 – из пом. 10; 29-33 – из ямы в пом. 10.

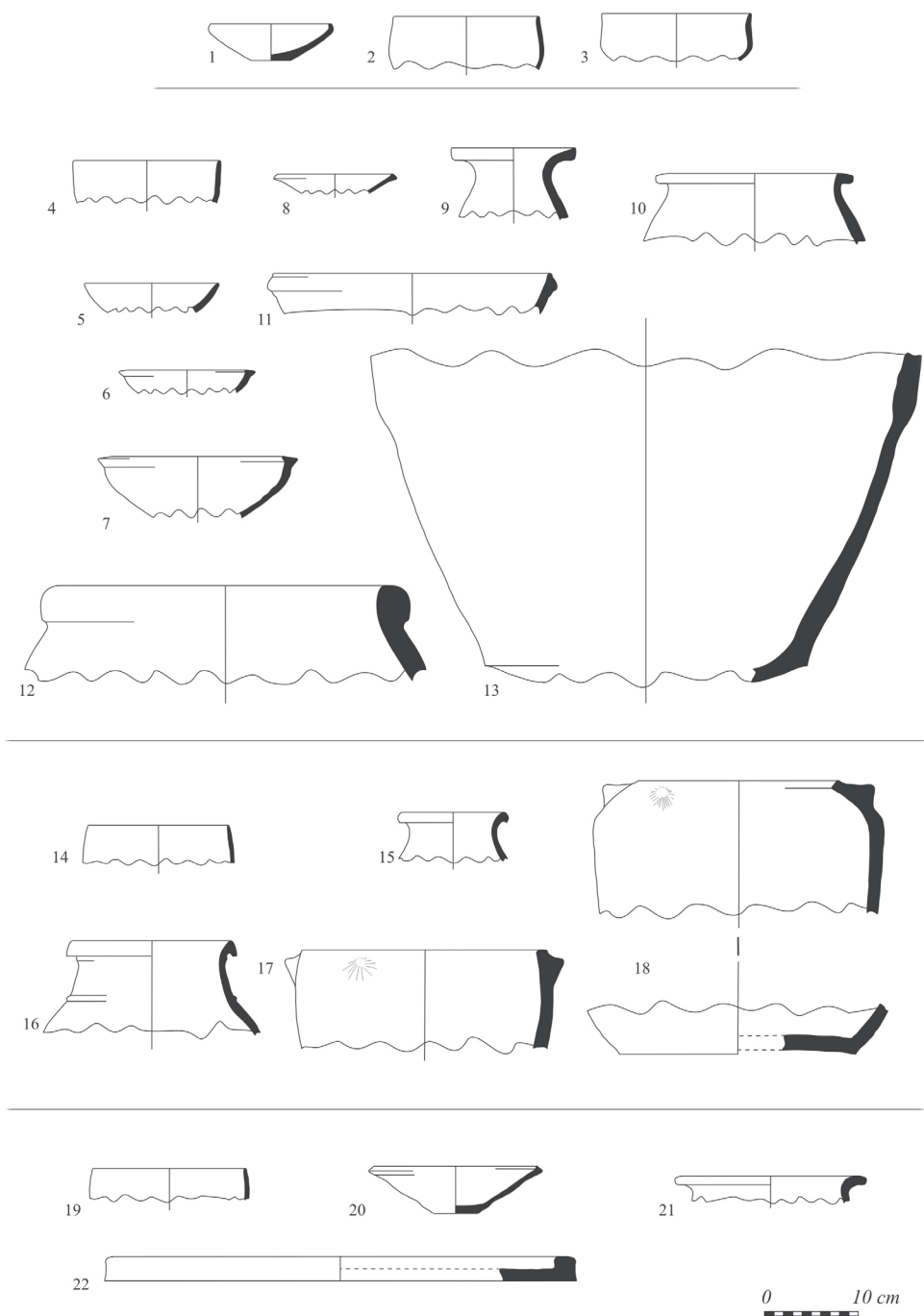

Рис. 67. Керамика этапа 1: 1–3 – из башни 1; 4–13 – из башни 2; 14–18 – из башни 4; 19–22 – из входа в крепость Курганзол.

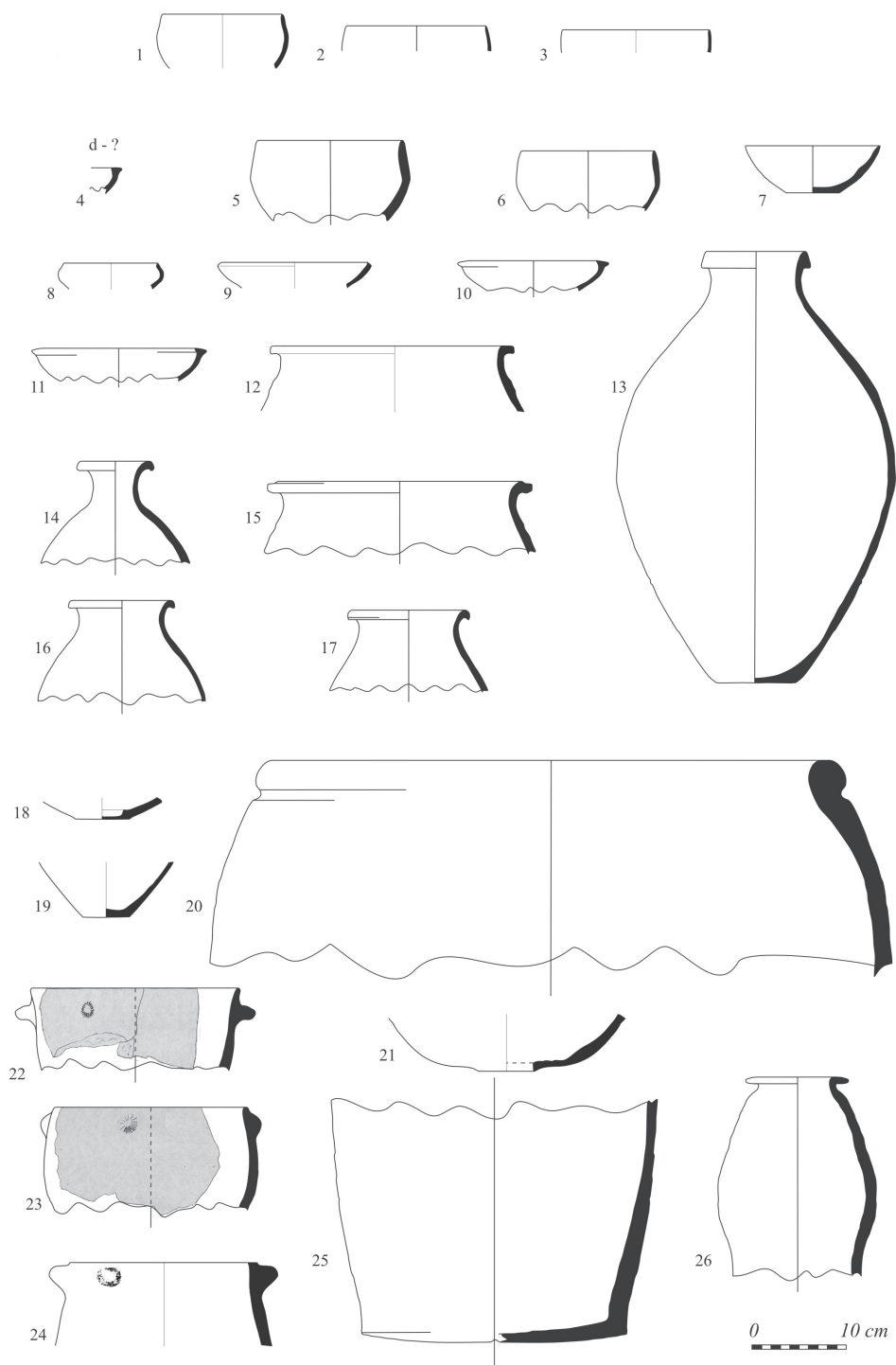

Рис. 68. Керамика этапа 1 из башни 3.

ЭТАП 2

На этом этапе в спешном порядке был сделан ремонт стен и проходов в башни. Видимо, стремлением ускорить процесс восстановления крепости объясняется отсутствие внутренней застройки на этапе 2 (рис. 69). Уровень пола 2 лежит наклонно поверх разрушенных стен первого этапа, завала и слоев пожара. Там, где было необходимо, предварительно производились нивелировочные работы – подрезали верхушки стен, местами подсыпали гальку (рис. 27, 4). Нижние этажи башен 1, 2 и 3 больше не использовали, проходы в них замуровали, и, соответственно, закрыли нижнюю часть входа в крепость (рис. 29, 3). Для этого применялся хорошо известный по раскопкам других памятников эпохи эллинизма квадратный кирпич размером 40–41×40–41×15–16 см. Теперь в крепость можно было войти по крутому пандусу, для устройства которого использовали большие камни, обломки сырцовых кирпичей и глину. Внутри крепости, в частности, перед входом и над остатками стен помещений 4–5 тоже уложили камни, затем толстый слой глины вместе с обломками сырца, за счет чего в северной части крепости, между башнями 1 и 4 образовался подъём уровня пола 2, который наподобие пандуса полого понижается к югу. Так был решен вопрос с 2-метровым перепадом высот, образовавшимся после забутовки нижних этажей северных башен и входного проёма.

В результате реконструкции на этапе 2 открытое внутреннее пространство крепости составляет теперь почти 700 м², и здесь появляется 10 ям: как для бытовых отходов, так, вероятно, и для хранения продуктов. Конфигурация и размеры их различны, глубина колеблется от 1 до 1,5 м.

В яме № 1, прорубившей заполнение пом. 1 предыдущего этапа, найдены фрагменты 20 сосудов (рис. 77): 2 венчика кубков; венчик полусферической чаши; 2 венчика блюдец; фрагмент чаши с Т-образным венчиком; фрагмент чаши с Г-образным венчиком; нижняя часть кубка или чаши на плоском донце; венчик кувшинчика зеленоватого цвета с округло-квадратной в сечении ручкой; 4 венчика узкогорлых кувшинов; 2 венчика крупных кувшинов с широкой горловиной; поддон кратера; 3 венчика тагора; венчик хумча. Из прочих находок: 2 пряслица из стенок станковых сосудов.

В яме № 2 фрагментов керамики меньше, максимум от 9 сосудов (рис. 79, 22–30): венчик кубка; нижняя часть кубка на плоском донце; венчик чаши с загнутой закраиной; 3 фрагмента чаш с Т-образным венчиком, одна из них – археологически целая; венчик кувшина; венчик горшка; венчик тагора.

В яме № 3 собраны фрагменты 23 сосудов, из них 3 лепные (рис. 80, 1–23): венчик кубка; нижняя часть кубка на плоском донце; 3 венчика чаш с загнутой закраиной; венчик блюда; 2 фрагмента чаш с Т-образным венчиком; фрагмент чаши с Г-образным венчиком; венчик большой открытой чаши с S-образным профилем; 3 венчика кувшинов; верхняя часть кувшина с венчиком; 3 венчика широкогорлых горшков; 2 венчика хумча; 3 венчика лепных котлов с шишковидными ручками; фрагмент кубура. Из прочих находок: необожжённое грунзило пирамидальной формы.

Яма № 4 пробила угол входа в погреб пом. 7 предыдущего этапа, находок в ее верхней части не было, как и в **ямах № 5 и № 6**.

В прямоугольной **яме № 7**, прорубившей северный край бассейна 1 этапа, обнаружены фрагменты приблизительно 69 сосудов, из которых только один

лепной (рис. 78; 79, 1–21): 15 венчиков кубков; дисковидное донце кубка на кольцевом поддоне; 3 венчика полусферических чаш; 4 венчика чаш с загнутой закраиной; 11 фрагментов чаш с Т-образным венчиком; 10 венчиков блюдец; 17 плоских донце сосудов малых форм, одно из них дисковидное, другое – дисковидное на кольцевом поддоне с выемкой внутри; 7 венчиков кувшинов; 5 плоских донце крупных кувшинов; тулово фляги с двумя ручками; 9 венчиков тагора; венчик хумча; венчик хума; венчик лепного котла.

В **ямах № 8, № 9 и № 10** находки отсутствуют. Можно предположить, что они, как и ямы 5–6, предназначались для хранения припасов.

На полу 2 **сектора I** были собраны фрагменты не менее 100 сосудов, из них 4 лепные (рис. 70–71): археологически целый кубок; 23 венчика кубков; чаша с загнутой закраиной; 7 венчиков чаш с загнутой закраиной; археологически целое блюдо; 7 венчиков блюдец; 2 чаши с Т-образным венчиком; 5 фрагментов чаш с Т-образным венчиком; чаша с Г-образным венчиком на кольцевом поддоне; 3 фрагмента чаш с Г-образным венчиком; дисковидное донце; 2 плоских донца с выемкой внутри; донце на вогнутом дисковидном поддоне, с выемкой внутри; нижняя часть кубка или кувшина на плоском поддоне; 15 венчиков кувшинов; венчик широкогорлого кувшина; профилированная ручка кувшина; 2 венчика горшков; донце кувшина или горшка; венчик кратера; фрагмент стенки кратера с наlepным валиком в виде буквы Ω; тулово фляги; наlepная ручка фляги; 4 венчика тагора; 5 венчиков хумча; венчик хума; 6 венчиков лепных котлов. Из прочих находок: терракотовая поделка – «солонка»; 2 пряслица из стенок станковых сосудов.

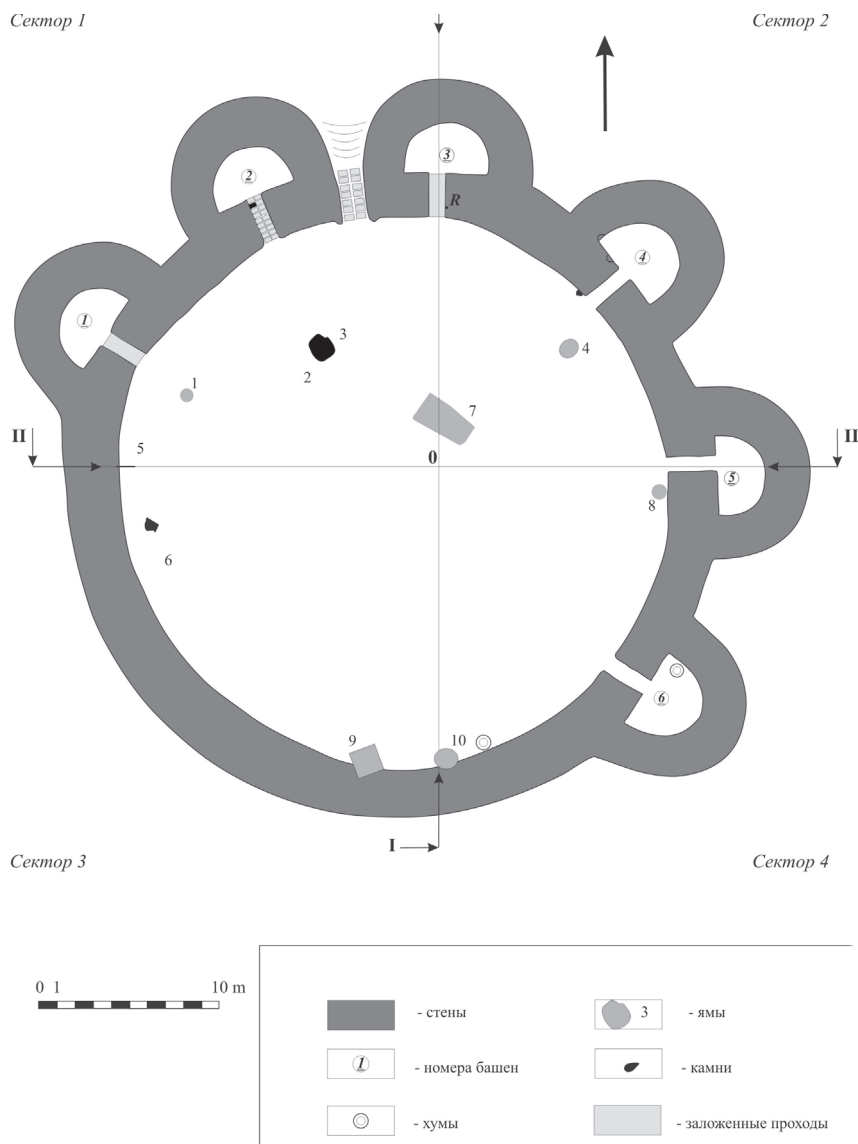
В **секторе II** найдены фрагменты не менее 34 сосудов, из них 5 лепных (рис. 72): 4 венчика кубков; 2 венчика чаш с загнутой закраиной; 4 венчика блюдец; 8 фрагментов чаш с Т-образным венчиком; 14 плоских донце сосудов малых форм, в том числе одно дисковидное; 8 венчиков кувшинов; 6 плоских донце кувшинов; 17 стенок одного кувшина черного цвета; стенка кувшина с темно-красным ангобом снаружи; 2 венчика тагора; венчик хума; венчик и донце одного лепного горшка; 4 венчика лепных котлов с шишковидными ручками. На полу у входа в башню 4 лежал обломок зернотерки.

В **секторе III** обнаружены фрагменты, как минимум, 136 сосудов, в числе которых 18 лепных (рис. 73–75): археологически целый кубок; 15 венчиков кубков, один из которых покрыт красным ангобом; 7 венчиков чаш с загнутой закраиной, одна из них серого цвета; археологически целая чаша с Т-образным венчиком; 14 фрагментов чаш с Т-образным венчиком, один из них серый; 7 фрагментов чаш с Г-образным венчиком; 19 венчиков блюдец; 61 донце сосудов малых форм, два из них серые, одно – черное; 2 черно-серых плоских донца малых форм; 2 дисковидных донца малых форм; 2 плоских донца блюдец с выемкой внутри; 47 венчиков кувшинов; стенка кувшина с псевдоросписью в виде кружочков (рис. 103, 4); горловина кувшина с темно-красным ангобом снаружи; 2 ручки кувшинов, одна – плоская прямоугольная в сечении, другая – круглая с красным ангобом; 24 донца кувшинов, одно из них дисковидное, другое – серого цвета; 4 венчика горшков или хумча; 5 венчиков кратеров; 8 венчиков тагора; плоская крышка; придонная часть фляги с ручкой; донце фляги; венчик и донце хума; венчик другого хума; 5 донце крупных форм; 2 фрагмента глиняных труб – кубуров; фрагмент горловины лепного сосуда, покрытого светлым ангобом, по нему следы черной краски; 8 стенок лепного

сосуда с отпечатком ткани на внутренней стороне (рис. 98, 4); 16 венчиков лепных сосудов наподобие котлов, с шишковидными ручками; донце лепного котла. Из прочих находок: обломок терочника; 2 фишки из стенки станкового сосуда; керамическая подставка в виде катушки (рис. 93, 4); стенка керамической квадратной или прямоугольной коробки.

В **секторе IV** найдены фрагменты не менее 33 сосудов, в том числе 4 лепных (рис. 76): археологически целый большой кубок; венчик кубка; 3 венчика чаш с загнутой закраиной; фрагмент чаши с Т-образным венчиком; 7 венчиков блюдца; 10 плоских донца сосудов малых форм, одно из них черное;

Рис. 69. План крепости Курганзол. Этап 2.

плоское донце кубка или небольшого кувшина; дисковидное донце кубка или кувшина; 12 венчиков кувшинов; 2 стенки кувшина с потеками черной краски; плоское донце крупного кувшина; 23 донца сосудов средних и крупных форм; 2 венчика тагора; 2 венчика хумов и плоское дно с вмятинами у основания; 2 венчика лепных чаш или тагора; 2 венчика лепных горшков. Из прочих находок: оселок из красного песчаника (рис. 90, 2, справа).

БАШНИ КРЕПОСТИ 2 ЭТАПА

Башня 1. Нижний этаж забутован, на второй этаж можно было войти по пандусу. Здесь найдены фрагменты 24 сосудов, в том числе 6 лепных (рис. 81): археологически целый кубок; венчик кубка; плоское донце кубка; полусферическая чаша; черная чаша с загнутой закраиной; фрагмент венчика с загнутой закраиной; венчик блюда; археологически целая чаша с Г-образным венчиком; 3 плоских донца малых форм; археологически целый кувшин; 9 венчиков кувшинов; 40 плоских донца кувшинов; археологически целая тагора; лепная воронка; лепной горшочек; лепной горшок зеленого цвета; 2 лепных полусферических тагора, одна из которых, возможно, была с отверстием в центре днища; лепной котел с 4 ручками-налепами. Из прочих находок: каменная крышка (рис. 87, 10; 99, 4, справа).

Башня 2 функционирует только по второму этажу. Здесь найдены фрагменты всего 3 сосудов (рис. 82, 1): археологически целая чаша с загнутой закраиной; плоское донце кувшина и нижняя часть тулова кувшина, без венчика.

Башня 3. Нижний этаж закрыт, вход по пандусу. На полу башни обнаружены фрагменты 18 сосудов, 2 из которых – лепные (рис. 80, 24–43): кубок; 4 чаши с загнутой закраиной; 2 венчика чаш с загнутой закраиной; 3 чаши с Т-образным венчиком; фрагмент чаши с Т-образным венчиком; 2 венчика блюд; 2 плоских донца чаш; венчик кувшина; плоское донце кувшина; 3 стенки кувшина черного цвета; венчик горшка; стенка фляги; венчик хумча; 2 венчика и донце лепных котлов. Из прочих находок: каменный терочник (темно-серый известняк); 2 пряслица из стенок станковых сосудов (рис. 93, 1).

Башня 4 осталась двухэтажной, вход в нее по первому этажу был расчищен до уровня 1 пола, в камере новый уровень пола (пол 2) поднят на 30 см. Здесь найдены фрагменты не менее 15 сосудов, в числе которых 5 лепных (рис. 82, 5–20): 4 венчика кубков; чаша с Т-венчиком; 2 венчика блюд; 3 плоских донца чаш; 3 венчика и 72 стенки кувшинов; 14 фрагментов поддона одной фляги; плоское донце и 2 стенки одного хума; фрагмент лепной чаши с Г-образным венчиком; лепной венчик и плоское донце горшка; лепная ложка (рис. 93, 5); 2 венчика и 33 стенки лепных котлов. Прочие находки: фишка из стенки станкового сосуда; зернотерка (в виде куба) (рис. 90, 4); терочник (рис. 90, 6).

Башня 5, как и башня 4, от огня не пострадала. Вход в нее был расчищен, края проёма снаружи надстроены квадратными кирпичами, внутри камеры пол поднят на 30 см. Хумы предыдущего этапа забутовали, в северной части поверх одного из них соорудили очаг. В мощном завале над полом сохранились остатки обрушившегося межэтажного перекрытия – фрагменты истлевших деревянных брусков, треугольных в сечении (4×4×4 см). В завале найдены один археологически целый кувшин (рис. 83, 20) и 2 фрагмента нижней части

тулова другого, вероятно, стоявшие прежде на полу второго этажа. Здесь же обнаружены 2 каменных ядра (рис. 89, 2).

На полу нижнего этажа найдены фрагменты минимум 26 форм, в числе которых 5 лепных (рис. 83): целый кубок; венчик большого кубка; 8 венчиков кубков; плоское донце кубка; целая полусферическая чашечка; венчик чаши с загнутой закраиной; 2 фрагмента чаш с Т-образным венчиком; плоское донце чаши; археологически целое блюдо; археологически целый привозной маленький кувшин с прочерченными по сырой глине линиями и орнаментом пуансоном; 3 археологически целых больших кувшина; венчик кувшина; горловина кувшина черного цвета, превращенная в воронку; стенка кувшина с красным ангобом и лощением; 5 серых стенок кувшина; носик-налеп кувшинчика; фрагмент горловины амфоры; фрагмент цедилки; венчик тагора; днище фляги; целый лепной горшок с двумя ручками и двумя налепами по форме печатей; лепной сосуд с отверстием на дне, внутри обмазан ганчем, снабжен двумя ручками; лепной котел на плоском донце с 4 ручки-налепами; венчик, плоское донце и 5 стенок лепного котла; 18 фрагментов стенок и плоское донце одного лепного сосуда.

Прочие находки: фишка из стенки станкового сосуда; оселок из серого известняка (рис. 90, 1, слева); зернотерка из серого песчаника (рис. 90, 5); 10 пирамидальных грузил из необожженной глины (рис. 92).

Башня 6 на первом этапе не горела, поэтому, как и в башнях 4 и 5, на этапе 2 её нижний этаж по-прежнему функционировал. В северном углу на полу стоял целый хум, рядом лежал квадратный сырцовый кирпич размером 40×40×15 см. Под завалом обрушившегося перекрытия и стен башни обнаружены фрагменты, как минимум, 26 сосудов, в том числе 8 лепных (рис. 84–85): археологически целый кубок; венчик кубка; венчик полусферической чаши; 3 венчика чаш с загнутой закраиной; фрагмент чаши с профилированным S-образным венчиком; чаша с Т-образным венчиком; чаша с Г-образным венчиком; плоское донце чаши; археологически целый крупный горшок; венчик и донце кувшина желтого цвета на плоском, слегка вогнутом поддоне; воронка желтого цвета; археологически целый кувшин; сосуд наподобие тагора с отверстием в донце; 2 плоских донца кувшинов; 4 стенки маленького кувшинчика грушевидной формы; 2 археологически целых горшка; целый хум; лепной светильник цилиндрической формы; 2 лепных горшка с ручками; венчик лепного горшка; венчик и стенки лепного горшка; 2 раздавленных лепных котла; венчик и донце лепного котла. Из прочих находок: три каменных ядра.

Вход в крепость на этапе 2 остался на прежнем месте, но уже без наружных предвратных пилонов, которые теперь оказались под пандусом. Проём первого этажа заложен квадратными сырцовыми кирпичами, поэтому пандус поднят на высоту 2 м. На его поверхности найдено 7 фрагментов минимум 3 сосудов (рис. 82, 2–4): археологически целая чаша с загнутой закраиной; венчик кувшинчика серого цвета; плоское донце кувшина; 3 стенки кувшина; донце сосуда цилиндрической формы.

Продолжительность 2 этапа была недолгой: и на этот раз Курганзол был вновь разрушен, сожжён и уже никогда больше не возрождался. Слои разрушения прослеживаются во всех частях крепости, а горелая прослойка, разделяющая этапы 2 и 3, фиксируется по всей крепости.

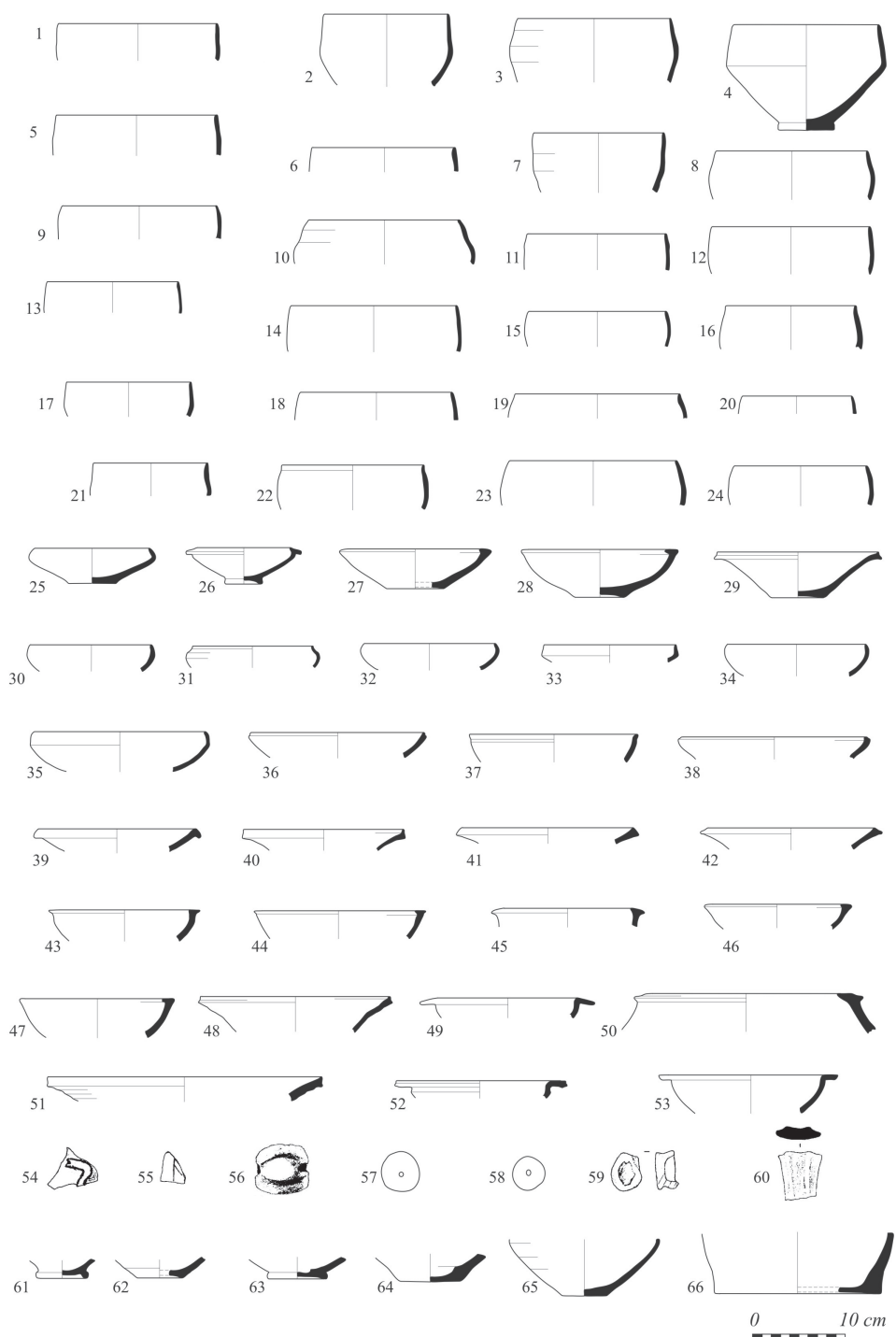

Рис. 70. Керамика этапа 2 из сектора I крепости Курганзол.

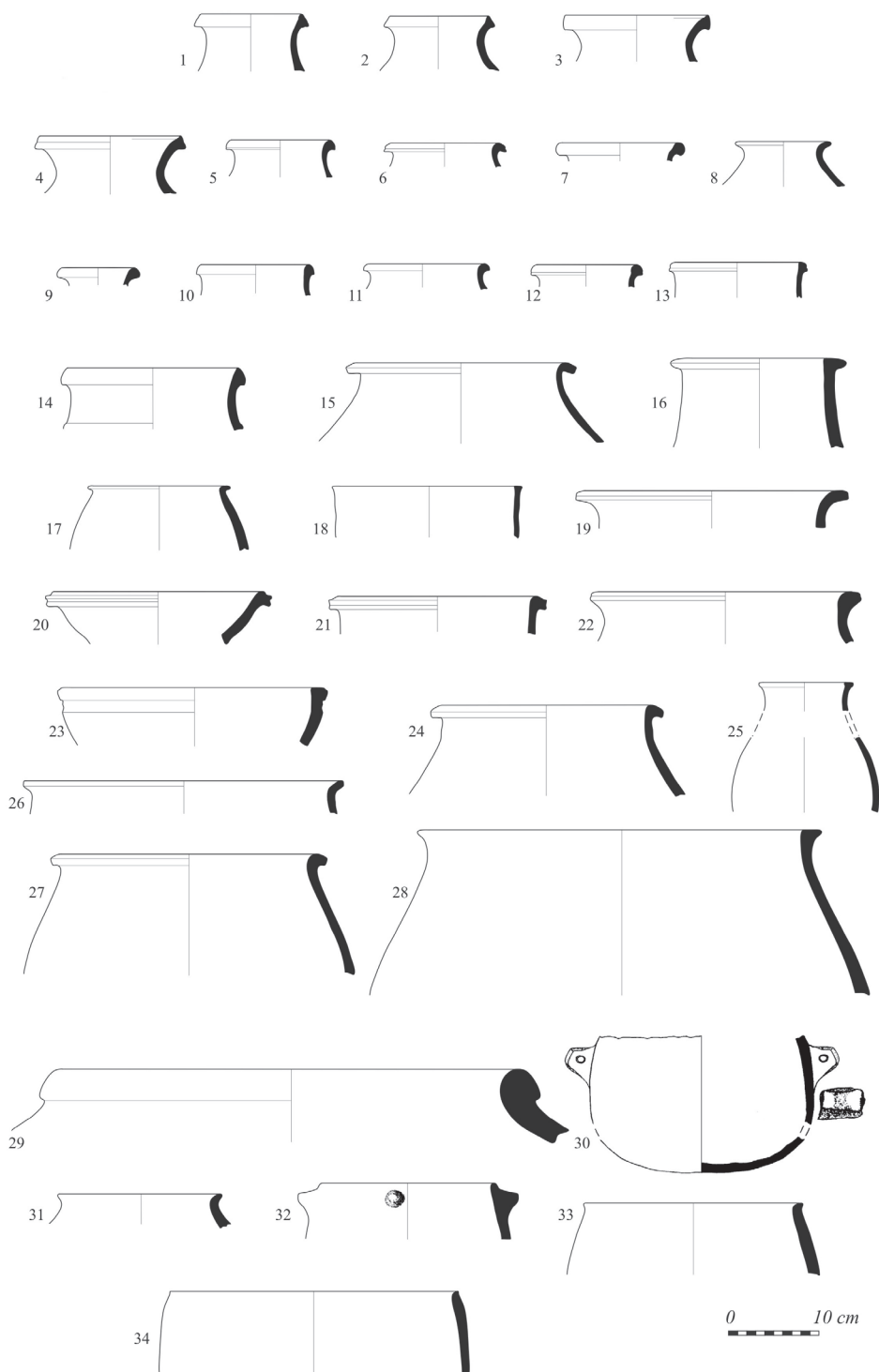

Рис. 71. Керамика этапа 2 из сектора I крепости Курганзол.

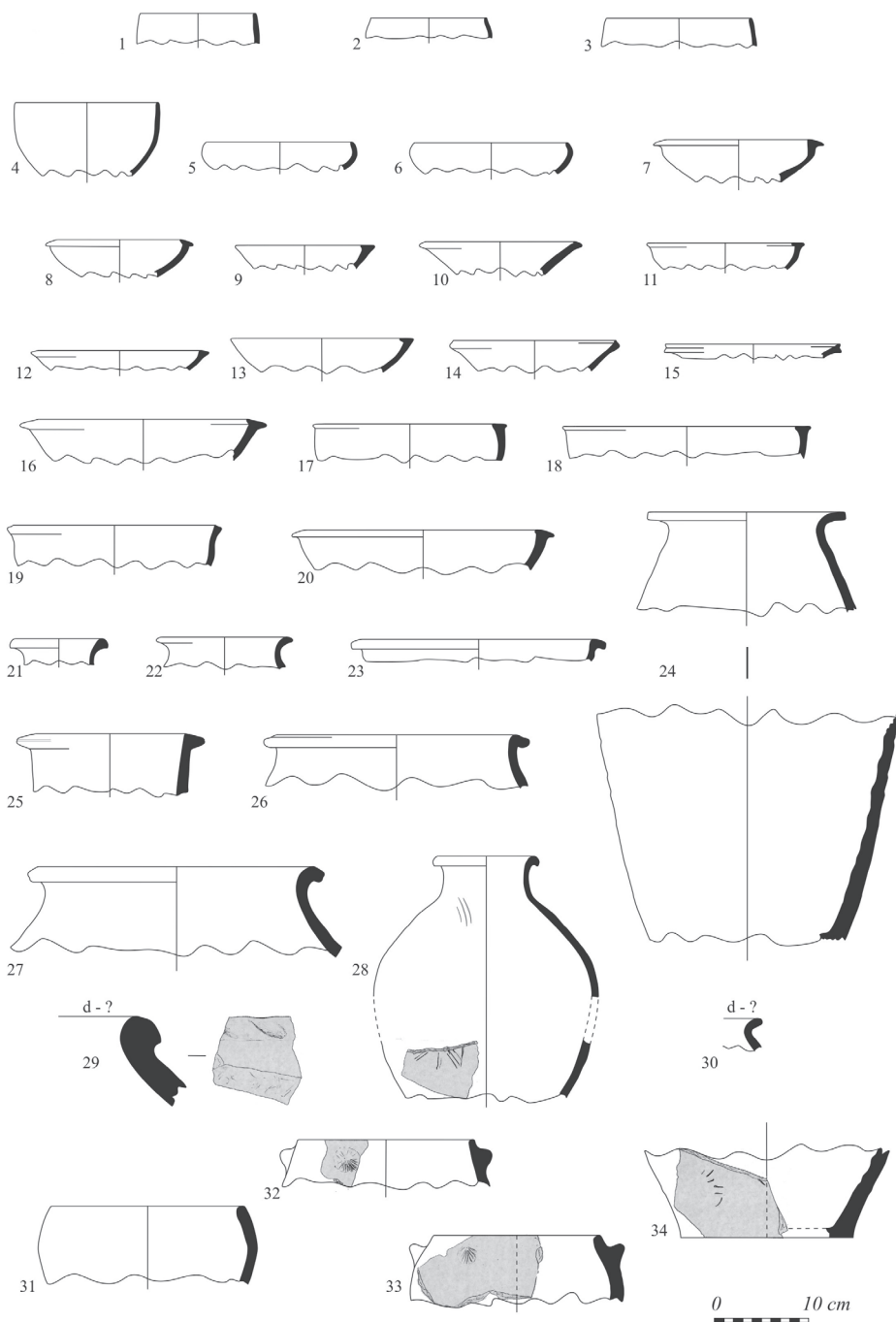

Рис. 72. Керамика этапа 2 из сектора II крепости Курганзол.

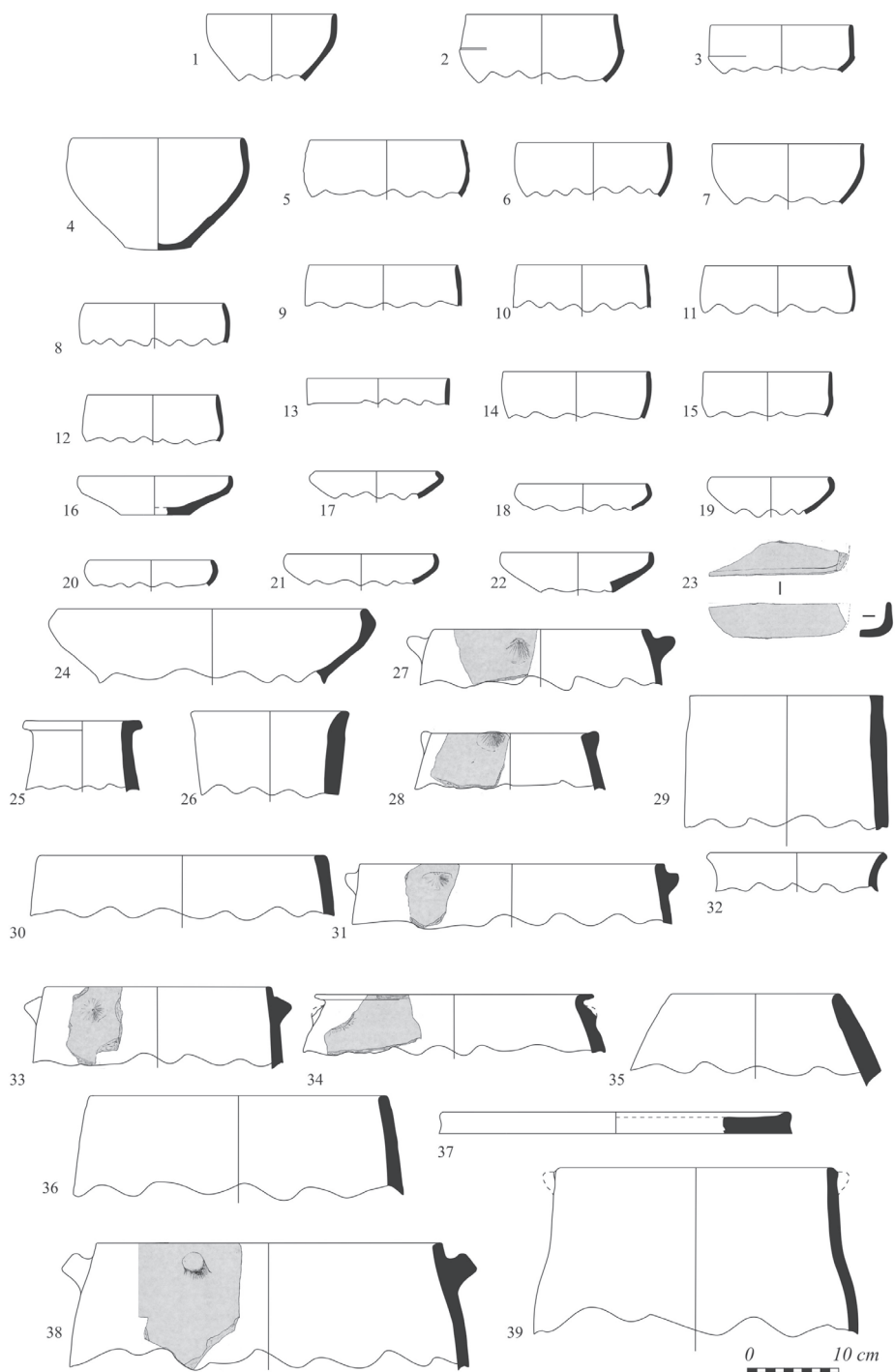

Рис. 73. Керамика этапа 2 из сектора III крепости Курганзол.

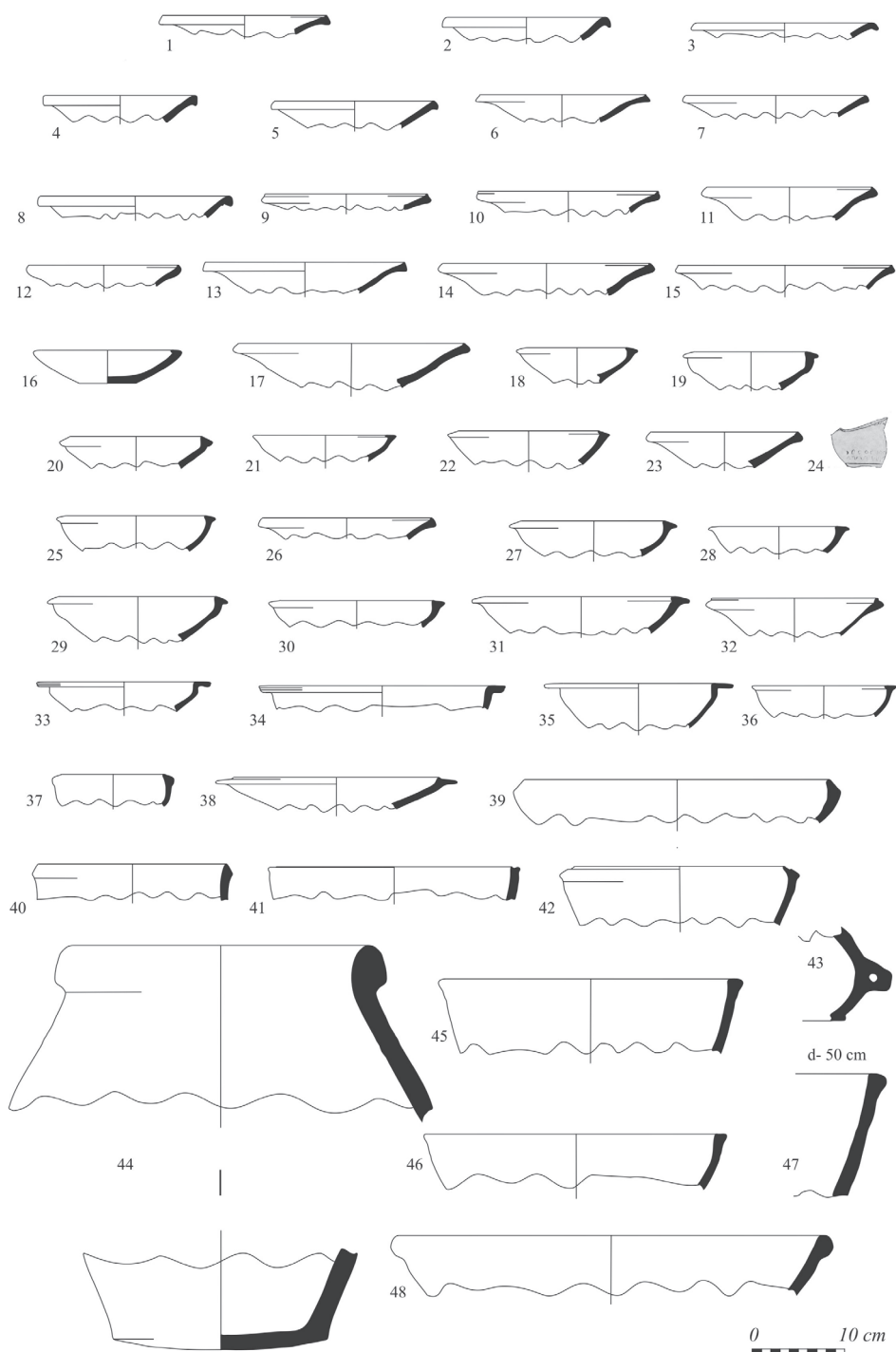

Рис. 74. Керамика этапа 2 из сектора III крепости Курганзол.

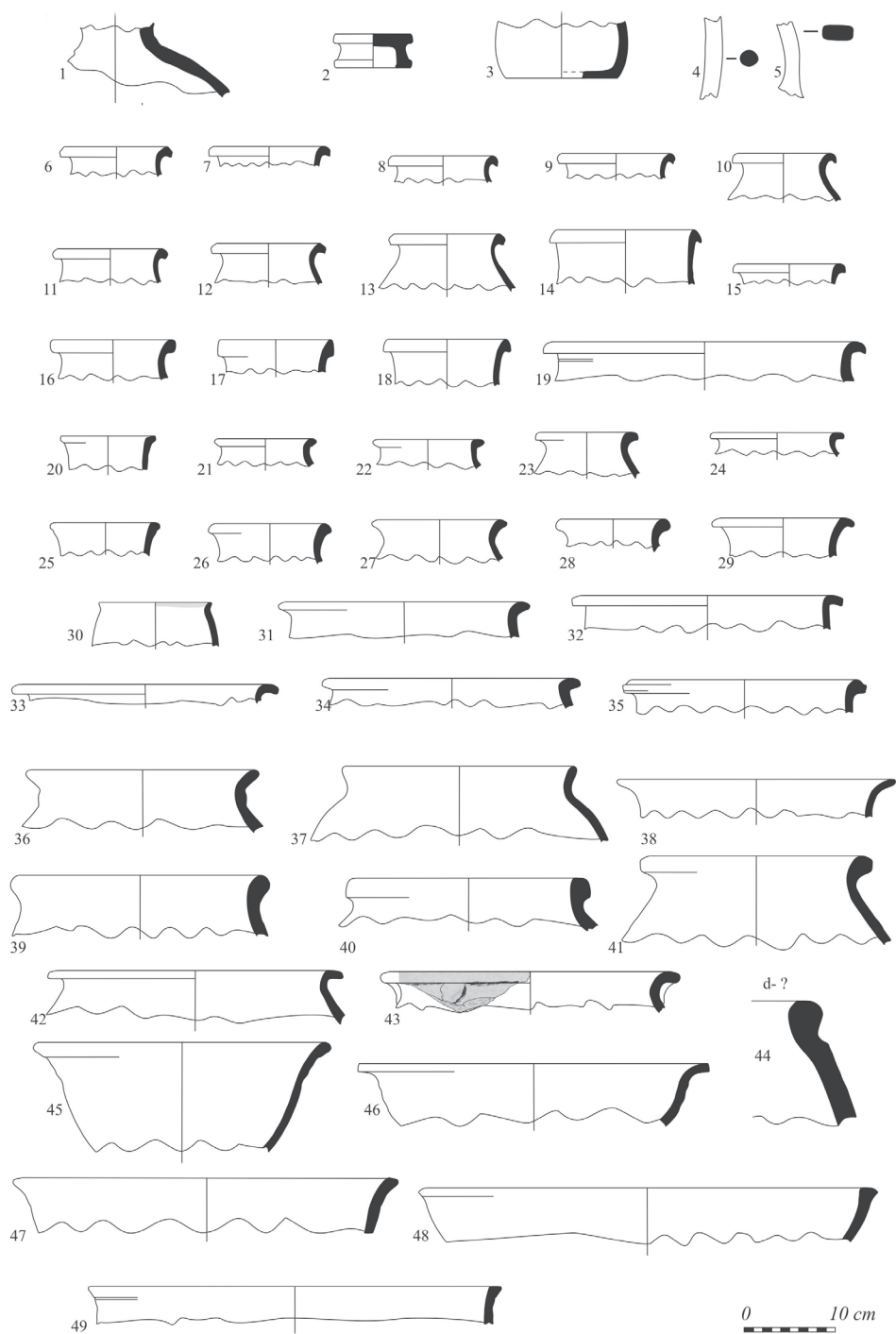

Рис. 75. Керамика этапа 2 из сектора III крепости Курганзол.

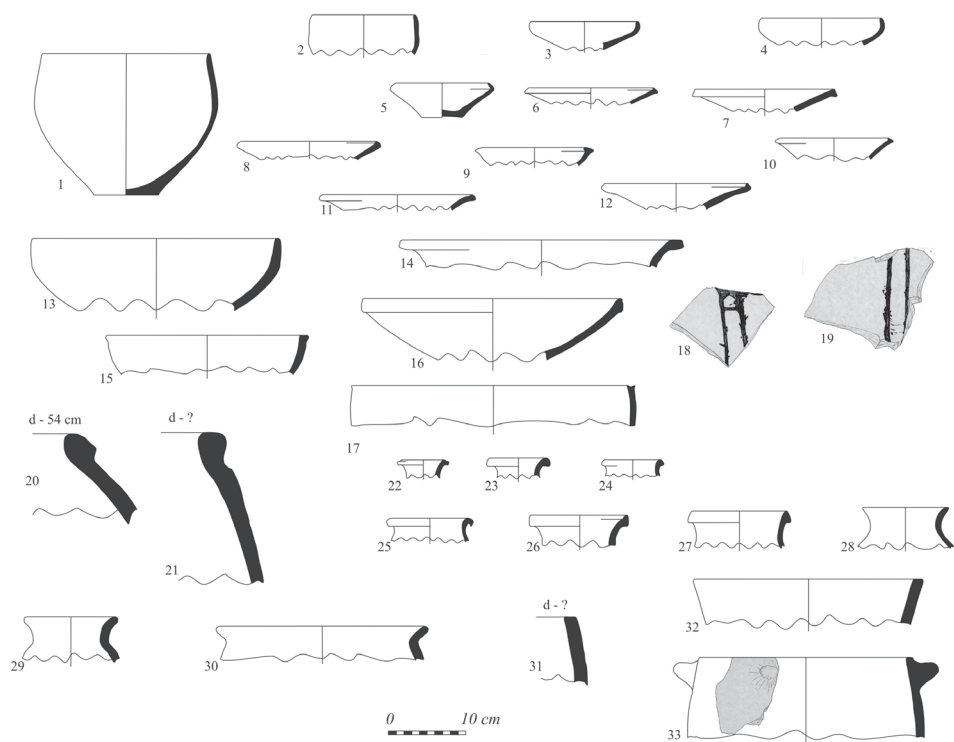

Рис. 76. Керамика этапа 2 из сектора IV крепости Курганзол.

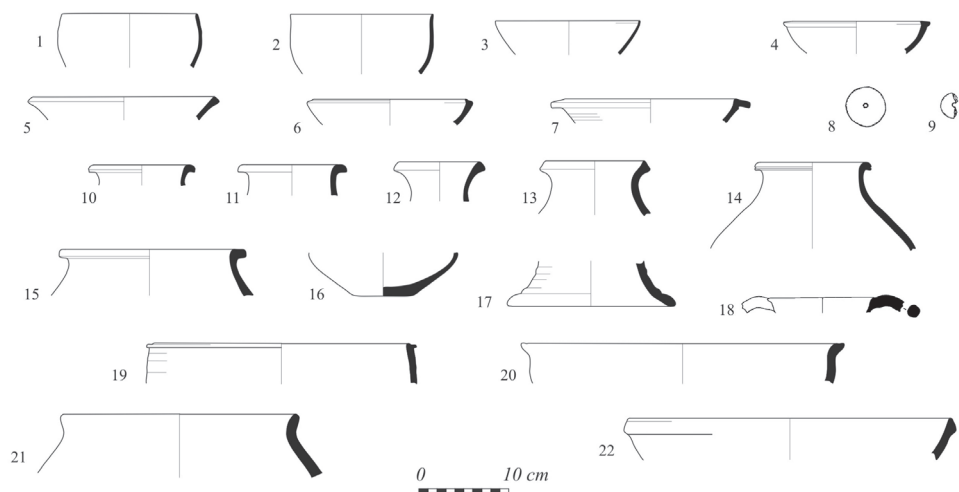

Рис. 77. Керамика этапа 2 из ямы 1.

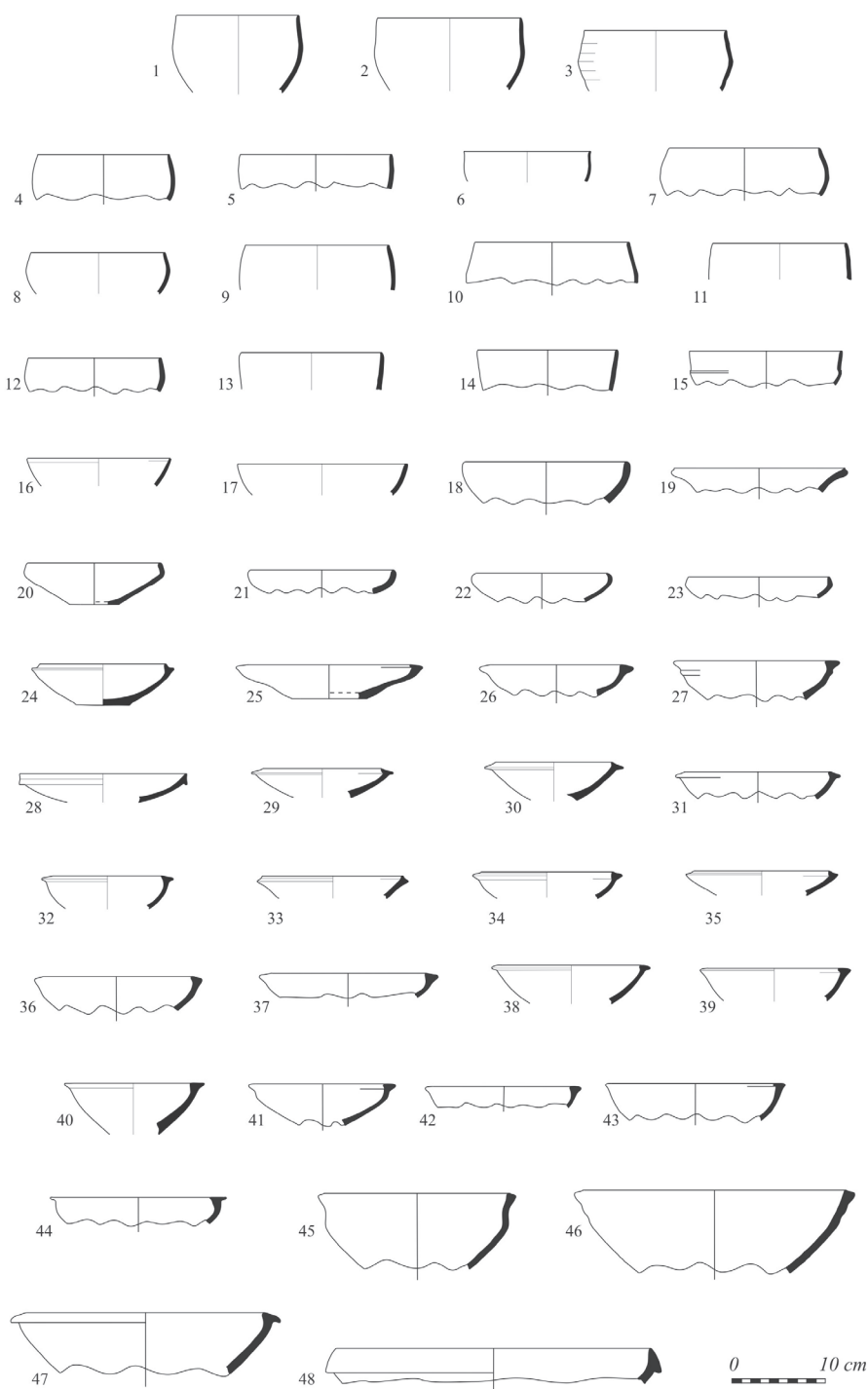

Рис. 78. Керамика этапа 2 из ямы 7.

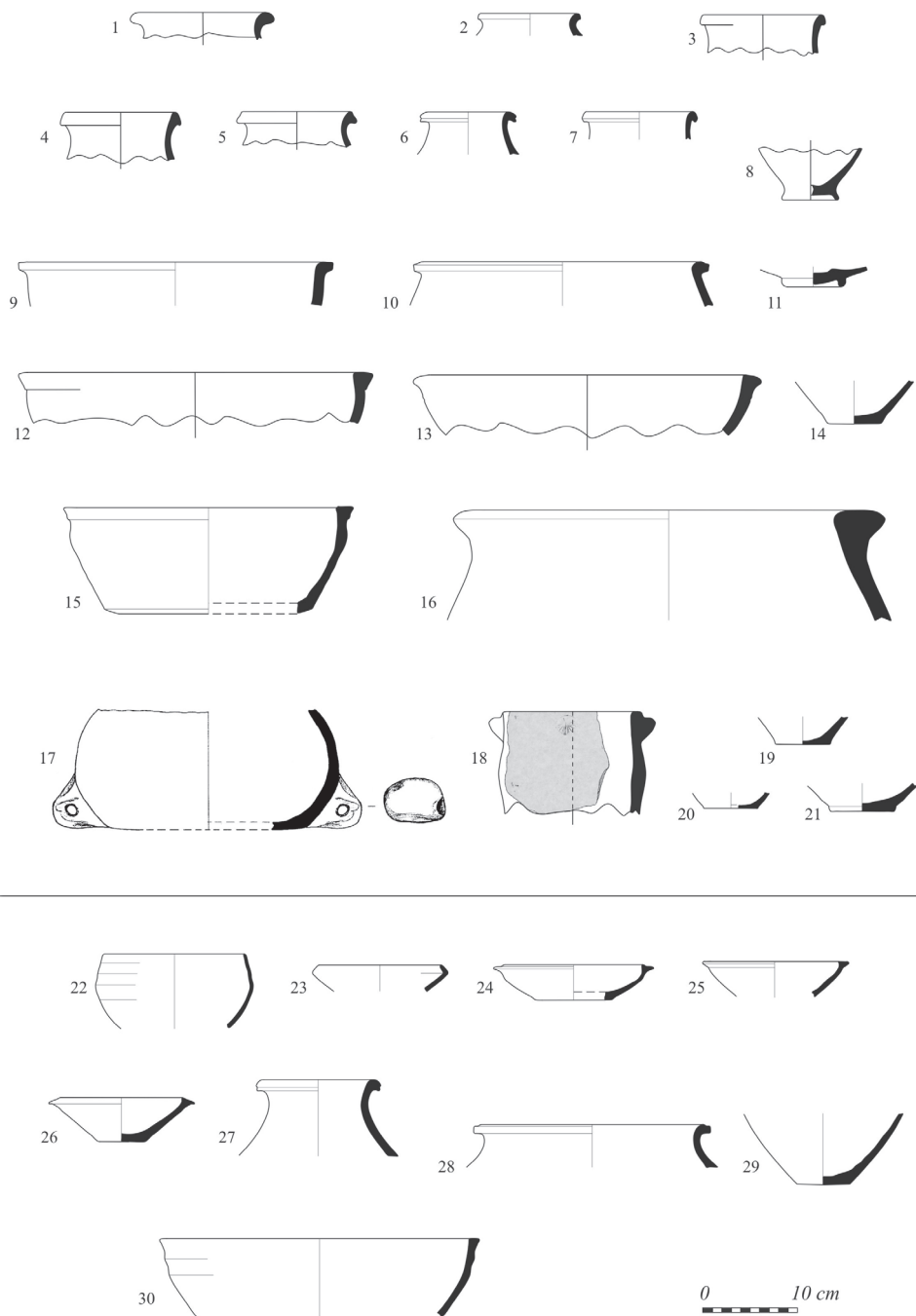

Рис. 79. Керамика этапа 2: 1–21 – из ямы 7; 22–29 – из ямы 2.

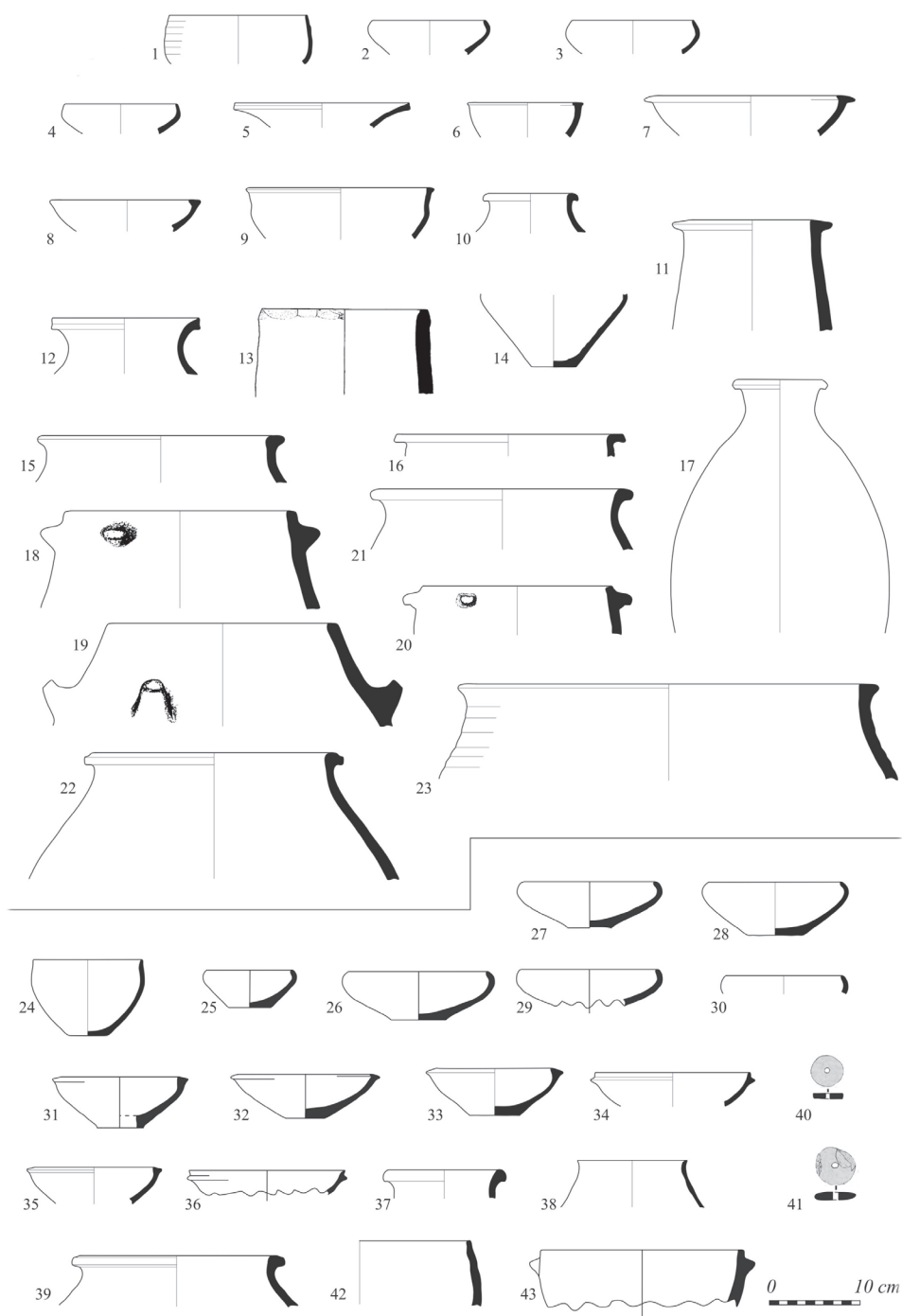

Рис. 80. Керамика этапа 2: 1-23 – из ямы 3; 24-43 – из башины 3.

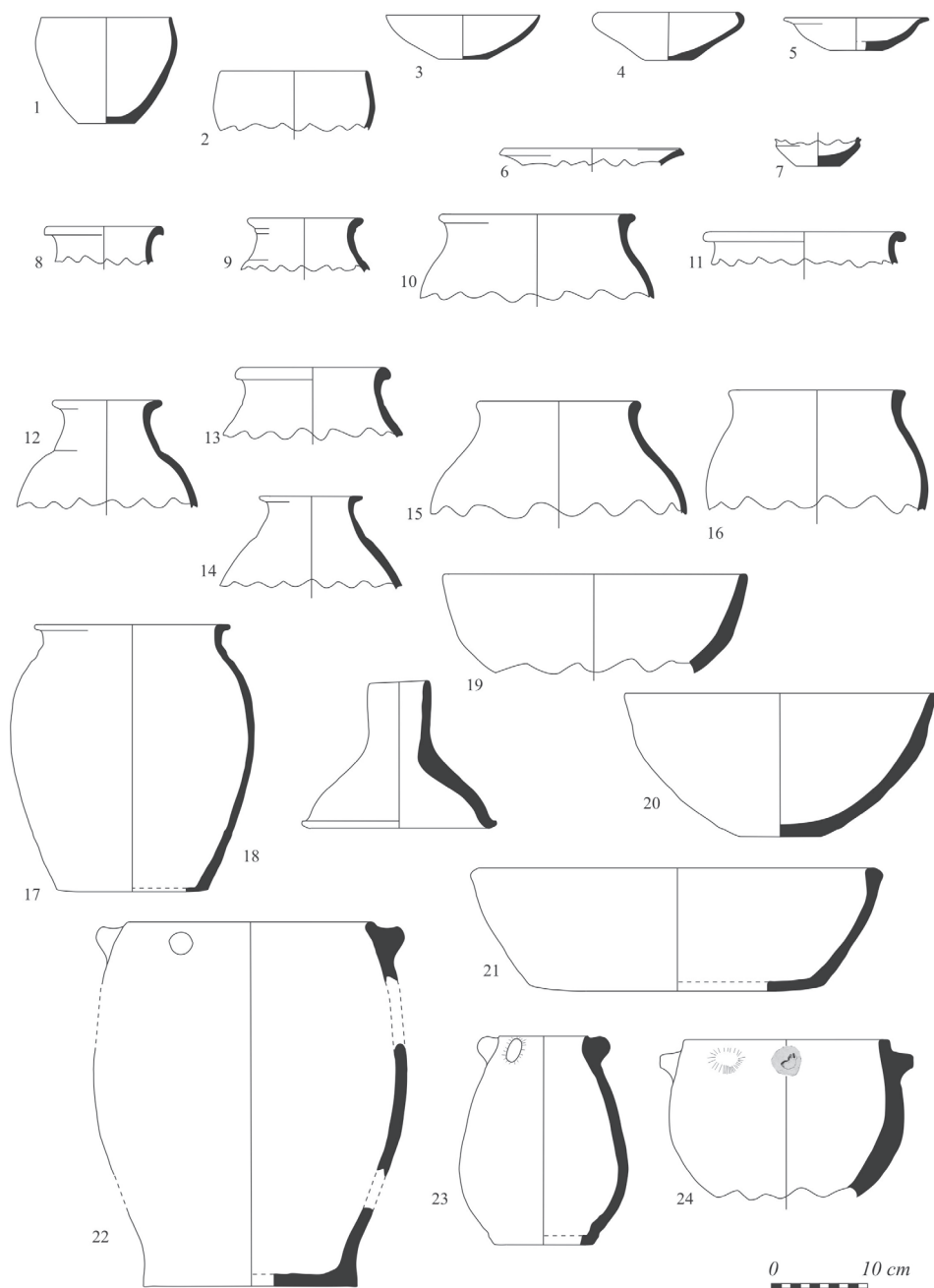

Рис. 81. Керамика этапа 2 из башины 1.

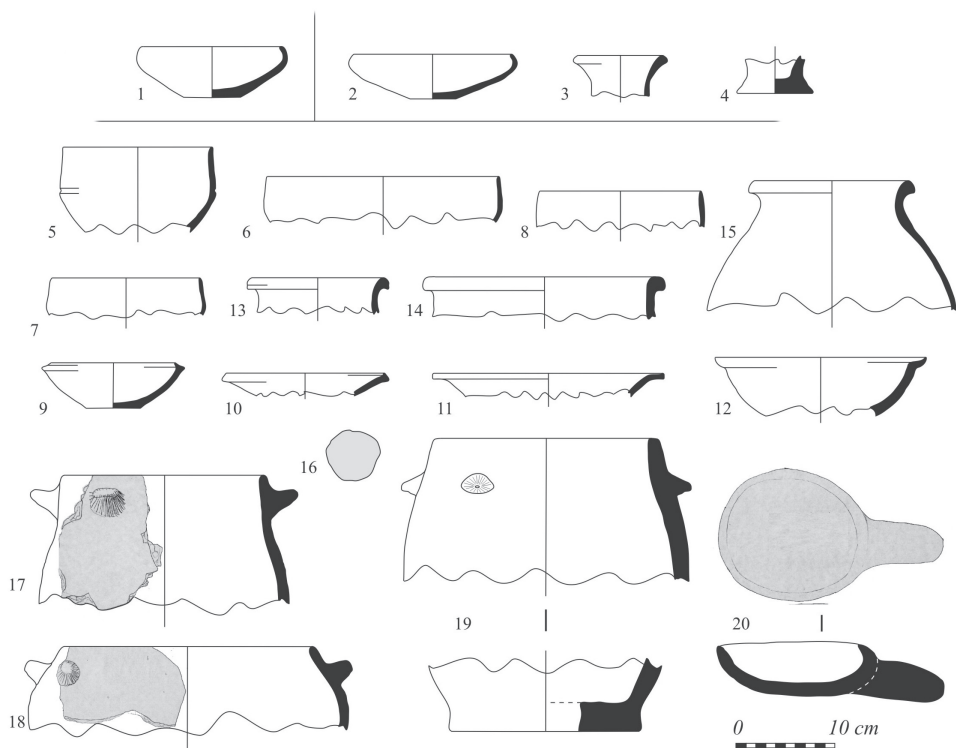

Рис. 82. Керамика этапа 2: 1 – из башни 2; 2–4 – входной проём; 5–20 – башня 4.

Лепной сосуд с отверстием на дне

Лепная ложка.

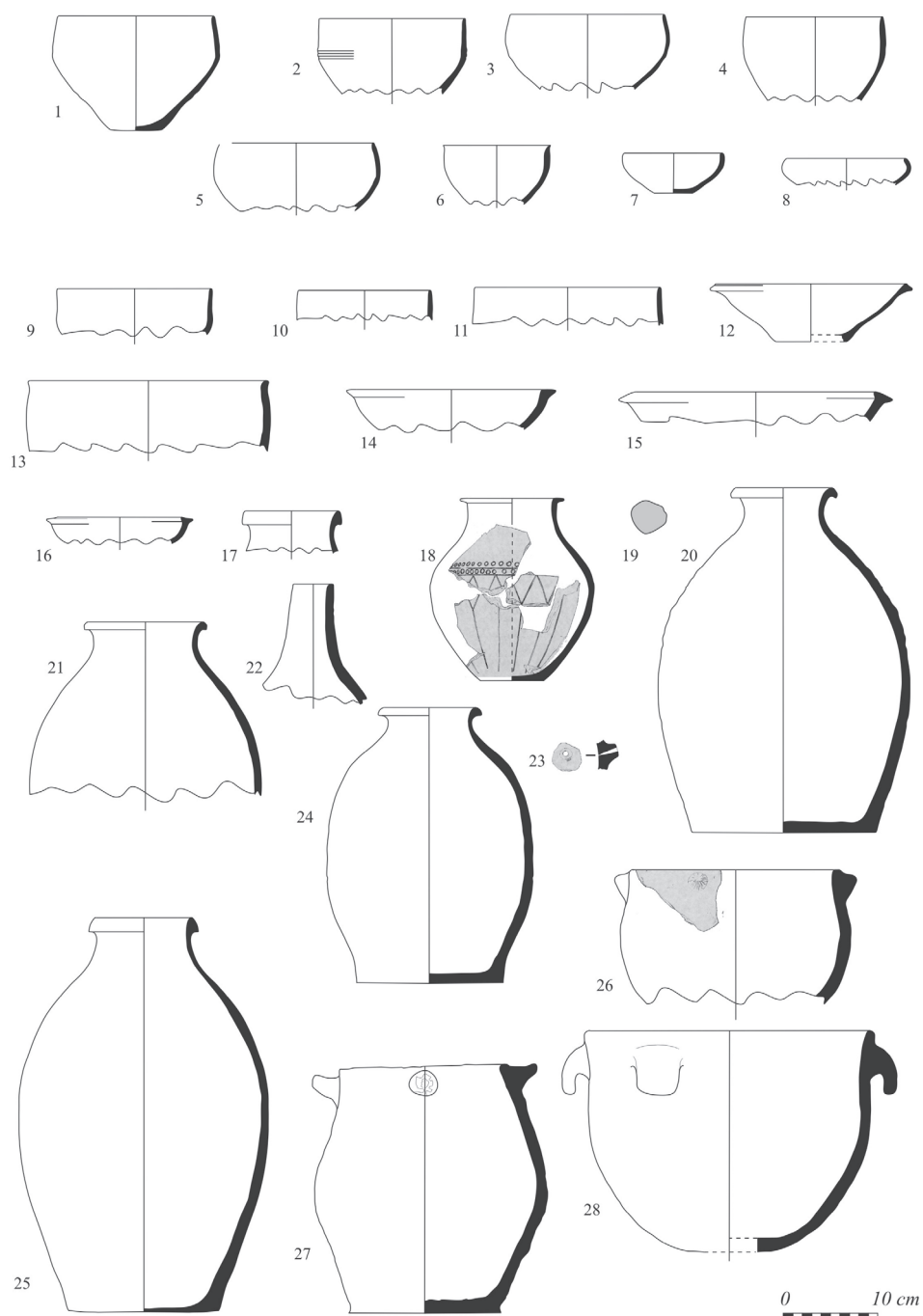

Рис. 83. Керамика этапа 2 из башни 5.

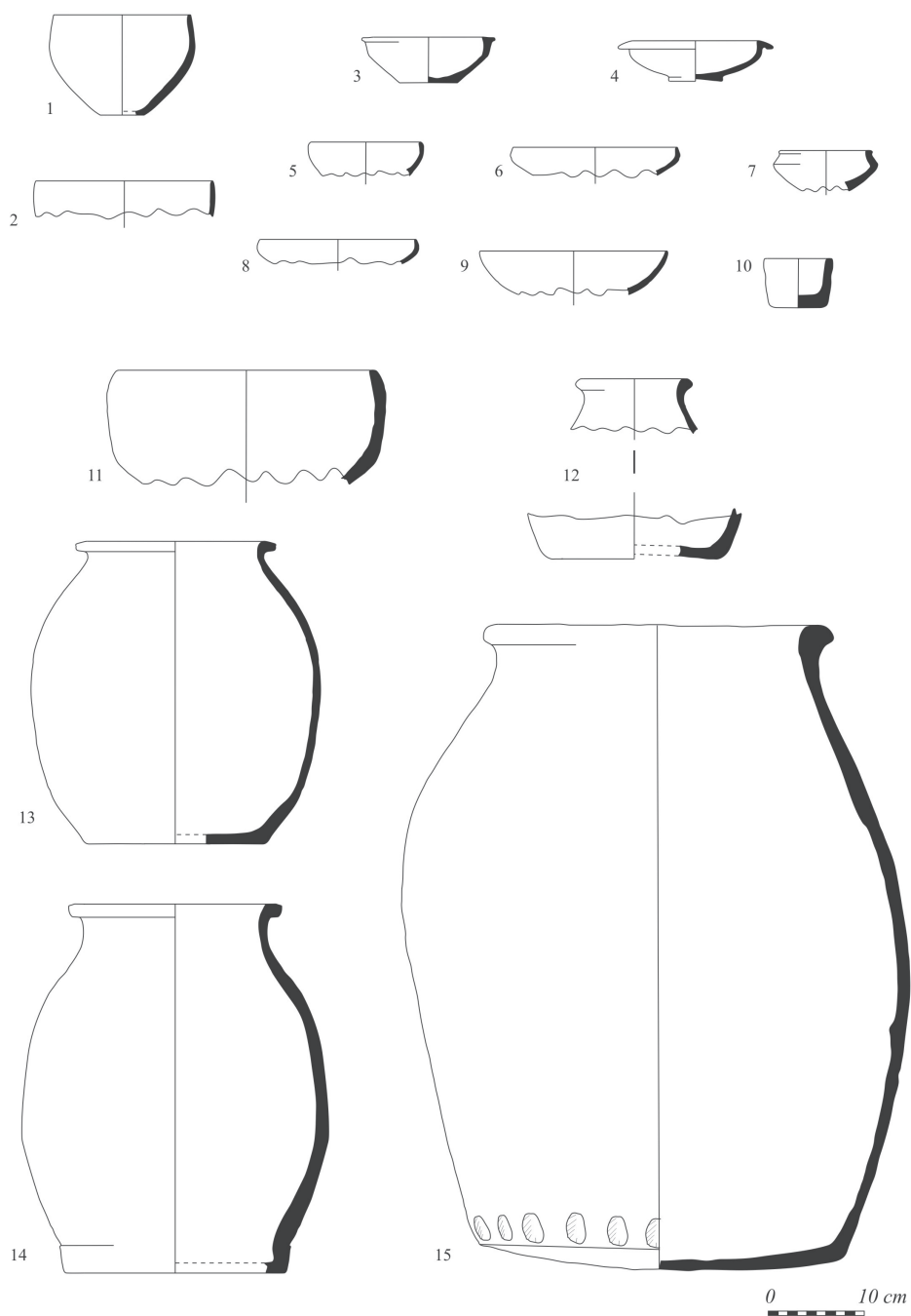

Рис. 84. Керамика этапа 2 из башии 6.

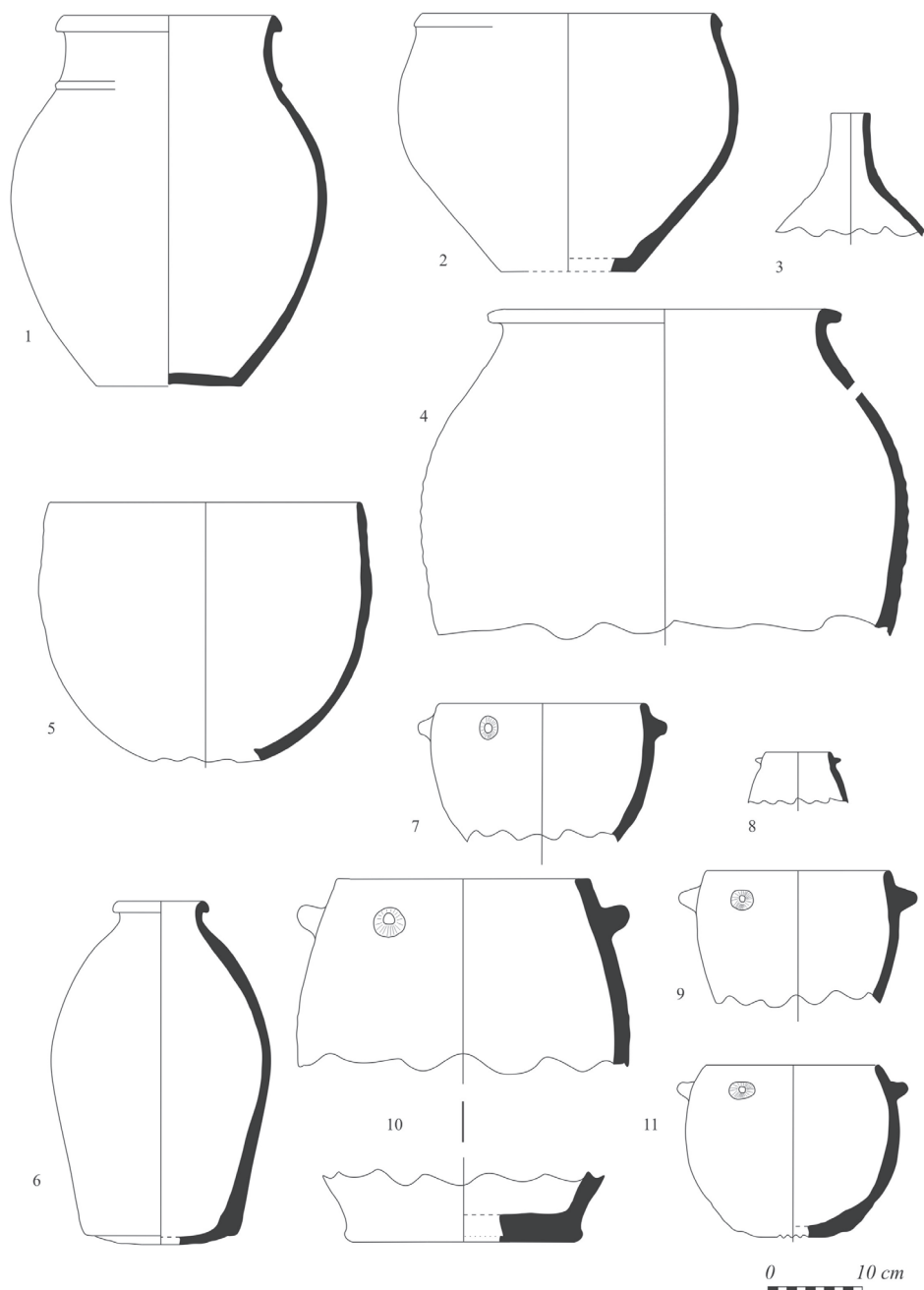

Рис. 85. Керамика этапа 2 из баини 6.

ЭТАП 3

К этапу 3 условно отнесен перекрывающий весь памятник пылевидный надувной слой 1 толщиной 0,5–1 м, залегающий поверх горелой прослойки и внутри, и снаружи крепости. Никакой внутренней застройки в это время не было, и какие-либо признаки постоянного обживания не обнаружены. В слое найдено относительно небольшое количество керамики II в. до н.э., ещё меньше – XVIII в. н.э. (рис. 86).

В **секторе I** были собраны фрагменты 9 сосудов, из них 1 лепной (рис. 86, 1–10): 2 венчика бокалов или чаш с отогнутым венчиком; венчик чаши с загнутой закраиной; фрагмент чаши с Т-образным венчиком; венчик и донце кувшинов; 2 плоских донца кувшинов на песчаной подсыпке; 2 красноангобированных фрагмента сосудов средних форм, один из них с линейно-волнистым орнаментом; 2 округлых поддона (фляг?); 8 стенок сосудов малых форм, из них 2 – с темно-красным ангобом и лощением снаружи; 205 стенок сосудов средних форм; 9 стенок сосудов крупных форм; венчик и донце лепного котла; ручка лепного сосуда; 8 фрагментов керамики XVIII в., в том числе один глазурованный. Из прочих находок: фрагмент керамического пряслица из стенки станкового сосуда; 5 кусков керамического шлака; овальная зернотерка; каменное ядро.

В **секторах II–III** найдены фрагменты 29 сосудов, из которых только один лепной (рис. 86, 11–39): фрагмент ножки бокала; венчик бокала или чаши с отогнутым венчиком; 4 венчика кубков; 4 венчика с загнутой закраиной; 2 венчика блюдца; 13 венчиков кувшинов; черно-коричневая стенка кувшина; 7 фрагментов стенок кувшинов со следами темно-красного ангоба, в том числе узкая горловина миниатюрного сосуда; фрагмент стенки кувшина с боковым носиком-налепом, но без отверстия; фрагмент горловины узкогорлого кувшина; фрагмент стенки кувшина с волнистым орнаментом; фрагмент горловины кувшина с плоской, двухчастной в сечении ручкой; 22 фрагмента плоских донца сосудов малых и средних форм; 4 фрагмента дисковидных донца кувшинов; 179 стенок сосудов малых и средних форм; 2 венчика тагора; фрагмент донца фляги; фрагмент венчика хумча; венчик и 43 стенки хума; 12 стенок лепного котла, одна из них – с овальной ручкой-налепом. Из прочих находок: 2 каменных терочника (рис. 90, 1).

В **секторе IV** были собраны фрагменты более 5 сосудов, один из которых лепной (рис. 86, 40–44): 2 венчика блюдца, одно из них – серого цвета; плоское донце блюдца, с выемкой внутри; плоское донце кубка; венчик кувшина серого цвета; 4 донца кувшинов, в том числе одно серое дисковидное; ручка кувшина, уплощенно-овальная в сечении; донце фляги; 31 стенка сосудов средних форм; 16 стенок и плоское донце одного хума; венчик лепной чаши; донце лепного горшка; 3 стенки лепных котлов.

Всего в единственном слое этапа 3, датируемом II в. до н.э., были обнаружены фрагменты 43 форм, из них 3 лепные, т.е. приблизительно 7 %. На этом этапе появляются чаши с отлогими стенками, широким устьем и желобком на внутренней закраине венчика (рис. 86, 3–4, 18). Такие сосуды находили при раскопках Старого Термеза в слоях четвертого этапа¹⁹ и в округе

19 Пидяев, 1991, с. 214, рис. 2, 26; с. 216, рис. 4, 29–31.

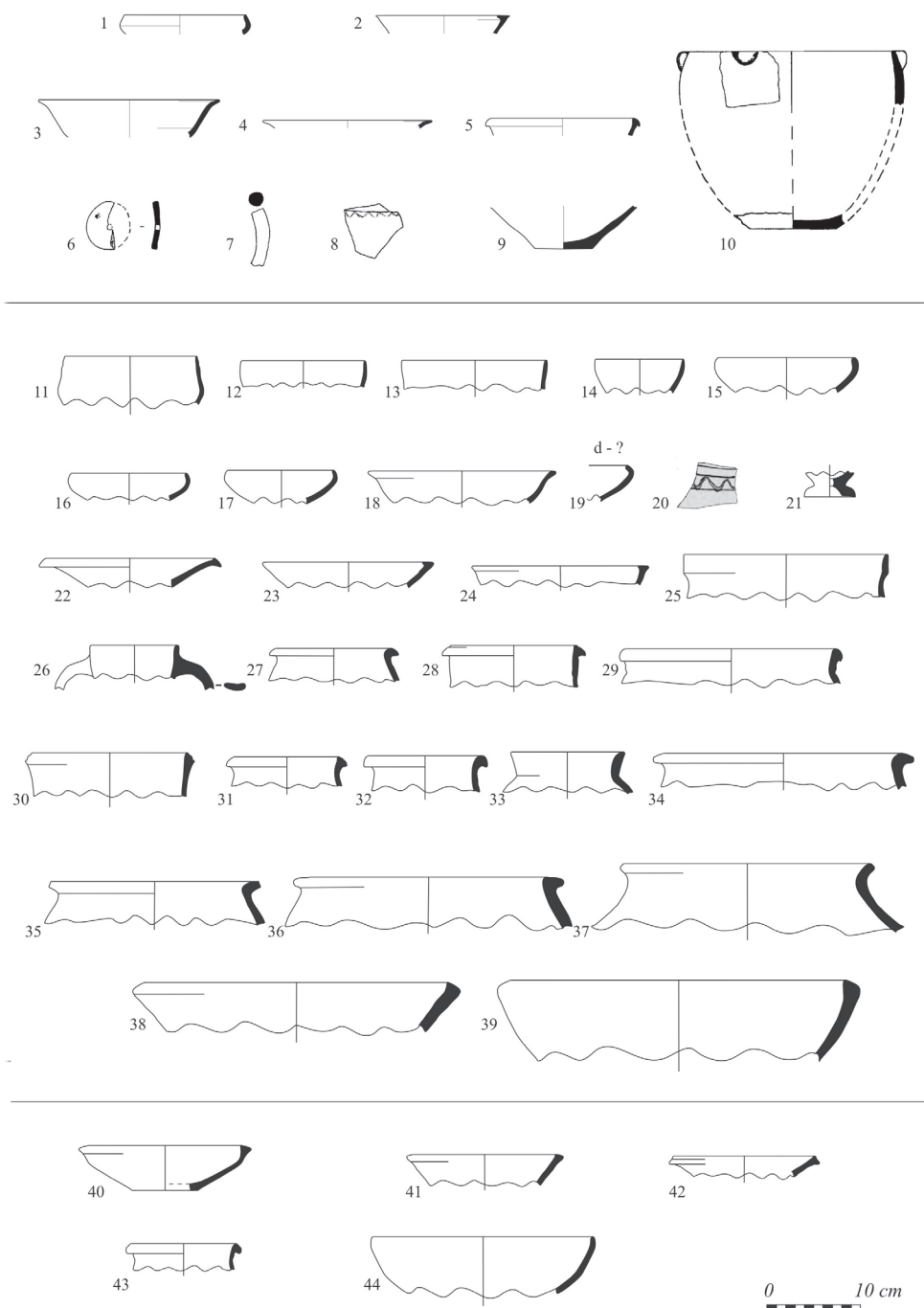

Рис. 86. Керамика этапа 3: 1–10 – из сектора I; 11–39 – из секторов II и III; 40–44 – из сектора IV крепости Курганзол.

Кампыртепа²⁰. Есть они и в Северном Афганистане: Дильберджине греко-бактрийского времени²¹ и Джигатепе, тоже греко-бактрийского времени, первого этапа²². В том же слое Джигатепе была найдена монета греко-бактрийского царя Антимакха Теоса, правившего в начале II в. до н.э.²³ Г. А. Пугаченкова соотносит с первым этапом греко-бактрийского времени Джигатепе также находки монет Евтидема (230–200 гг. до н.э.) и обломок терракотовой плитки с греческой надписью²⁴. Второй половиной II в. до н.э. исследователи датируют появление бокалов, ножка которого также была найдена в Курганзоле (рис. 86, 21). Соответственно, этап 3, когда, повторимся, крепости уже не существовало, датируется в пределах II в. до н.э.

НАХОДКИ ИЗ РАСКОПОК КРЕПОСТИ КУРГАНЗОЛ

Всего на раскопках Курганзола было найдено около 16 000 фрагментов керамики, из которых к этапу 1 относится приблизительно 10 000 (900 лепных); к этапу 2 – 5 000 (300 лепных); к этапу 3 – 600 фрагментов (20 лепных). Следовательно, если вычислять удельную долю лепных сосудов по общему количеству фрагментов, включая венчики, донца и стенки сосудов, то на этапе 1 лепные сосуды составляли 10 % комплекса, на этапе 2 – 6 %, на этапе 3 – 3 %.

В слоях крепости, относящихся к 1 этапу, насчитывается 1376 сосудов (рис. 42–68), из них 121 – лепной, т.е. приблизительно 9 %: 237 кубков, 16 полусферических чаш, 129 чаш с загнутой закраиной, 102 чаши с Т-образным венчиком, 74 чаши с Г-образным венчиком, 216 блюдца, 2 амфоры, 291 кувшин, 34 горшка, 13 кратеров, 58 тагора, 18 фляг, 27 хумча, 32 хума, 6 крышек, лепная чаша, 3 лепных тагора, 35 лепных горшков и 82 лепных котла.

Для этапа 2 имеется 531 сосуд (рис. 70–85), в том числе 63 лепных, т.е. около 12 %: 84 кубка, 8 полусферических чаш, 42 чаши с загнутой закраиной, 55 чаш с Т-образным венчиком, 16 чаш с Г-образным венчиком, 56 блюдца, 1 амфора, 124 кувшина, 17 горшков, 7 кратеров, 2 воронки, 30 тагора, 7 фляг, 10 хумча, 8 хумов, 1 крышка, лепной светильник, лепная ложка, лепная воронка, лепная чаша, 4 лепных тагора, 15 лепных горшков и 40 лепных котлов.

Главный вывод, который можно сделать по итогам предварительного анализа комплекса керамики из крепости Курганзол, заключается в том, что материалы этапов 1 и 2 совершенно идентичны (см. сводные таблицы I–XVI).

В керамике Курганзола этапов 1 и 2 имеются кубки наподобие чаш вытянутых пропорций (табл. I), уплощенно-полусферические чаши (табл. II) и чаши с загнутым внутрь венчиком (табл. III). Хорошо известны в эллинистических комплексах чаши с Т-образным в сечении венчиком (табл. IV) и чаши или миски с Г-образным профилем (табл. V), блюдца и тарелки с венчиками различных очертаний, в том числе так называемые «рыбные блюда» (табл. VI).

20 Болелов, 2001, с. 27, рис. 2, 3–6.

21 Кругликова, 1986, с. 39, рис. 32, 8; с. 69, рис. 63, 4.

22 Пидаев, 1984, с. 116, рис. 2, 28.

23 Пидаев, 1984, с. 115; Кастальский, 1940, с. 340.

24 Пугаченкова, 1979, с. 74–75.

Впервые в Средней Азии появляются специфические сосуды для смешивания вина – кратеры, которые характерны только для эпохи эллинизма (табл. VII), и узкогорлые кувшины вытянутых пропорций (табл. VIII–IX). Горшков немного (табл. X), для хранения продуктов обитатели крепости предпочитали крупные сосуды – хумы (табл. XIII–XIV), которые были вкопаны в пол специально выделенного для этих целей помещения.

В отличие от предыдущего периода, открытые сосуды наподобие тазиков – тагора – видоизменяются и по форме напоминают, скорее, те же эллинистические чаши, только увеличенные до больших размеров (табл. XI).

Видимо, именно грекам надо приписать изобретение выючных фляг, фрагменты которых во множестве найдены на раскопках Курганзола (табл. XII). Две из них оказались почти целыми (рис. 56, 32, 33), горловины их были запечатаны ганчем, и для извлечения содержимого жители крепости аккуратно вырезали круглое отверстие верхней, выпуклой боковине (рис. 106). Коль скоро эти две фляги были предназначены для одноразового использования, в них, надо думать, возили не только воду. Вторая такая же ранняя, как на Курганзоле находка фляги, фрагмента горловины, есть в яме на цитадели Кампыртепа²⁵. Лепная посуда представлена такими же, как и в ахеменидский период, котлами на округло-плоском дне, с двумя или четырьмя круглыми и овальными ручками-упорами, а также горшками разных размеров и пропорций (табл. XV–XVI).

В целом, керамика этапов 1 и 2 идентична, единственное, похоже, отличие её в том, что навыки гончаров позднего этапа становятся, если можно так сказать, более уверенными, профессиональными. Это видно и по качеству формовки, и по однотонному черному цвету сосудов 2 этапа (на 1 этапе – неровный коричневато-серый) после обжига в непривычной для местных мастеров восстановительной среде.

В общих чертах керамика подобного, так называемого «айханумского типа» хорошо известна по раскопкам немалого количества памятников, расположенных на всей территории Средней Азии – от Мервского оазиса до Ходжента и от Афганистана до Сырдарьи. Аналоги можно видеть среди материалов из раскопок городища Гяур-кала в Мерве²⁶, городов и селений древней Бухары²⁷. Похожие сосуды были найдены на городище Кумушкент²⁸ и, конечно, на городище Афрасиаб, гончарная продукция которого выгодно отличается высоким качеством изготовления и оформления²⁹. Отдаленное сходство керамике из Курганзола наблюдается в комплексе посуды из верхнего слоя городища Коктепа в Самаркандском Согде³⁰. Намного ближе аналогии с посудой из раскопок памятников нижней и верхней Кашкадарьи – Еркурган и Подаятактепа³¹ и хорошо изученными материалами из Южного Таджикистана³². Такие же, как в Курганзоле, венчики кубков, кувшинов и хумов найдены при рас-

25 Мкртычев, Болелов, 2006, с. 61, рис. 3, 50.

26 Рутковская, 1958, с. 122, рис. 1; Кацурис, Буряков, 1963, с. 123, рис. 4; Ганбов, 2004.

27 Ахбаров, Усманова, 1978, рис. 1; Сулейманов, Ураков, 1977, с. 58; Мухамеджанов, Адылов, Мирза-ахмедов, Семенов, 1988, с. 149–152, рис. 1–4.

28 Пугаченкова, 1989, с. 39–44, рис. 15–16.

29 Шишкина, 1969, с. 230, рис. 3; Шишкина, 1975.

30 Исамиддинов, 2002, с. 111–113, рис. 108–113.

31 Исамиддинов, Сулейманов, 1984, с. 42–53; Омельченко, 2003, рис. 65; 2006, с. 139, рис. 2G.

32 Зеймаль Т.И., Зеймаль Е.В., 1988, с. 278–285, рис. 1–2; Седов, 1984, с. 171–174, рис. 1.

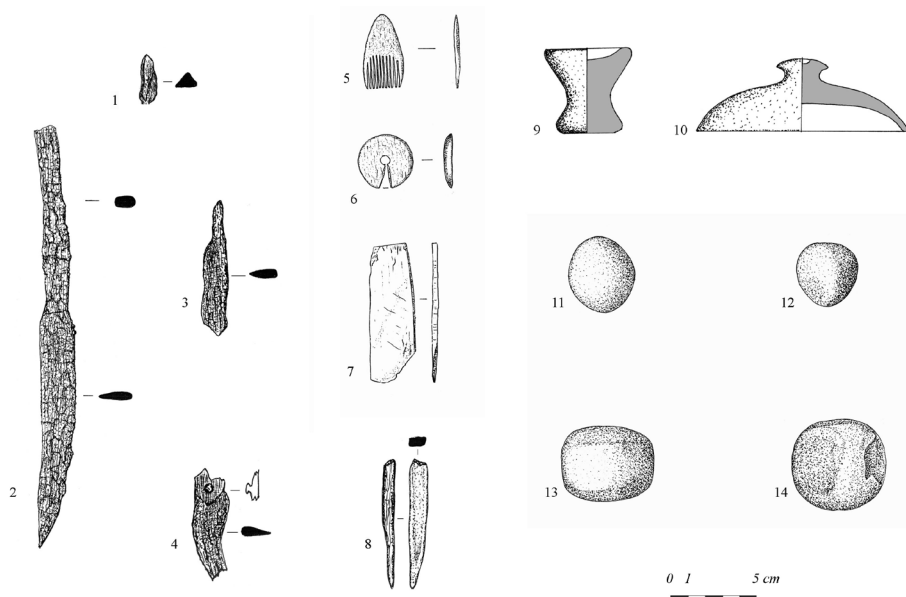

Рис. 87. Находки из раскопок крепости Курганзол: 1–4 – железо; 5–8 – кость; 9–14 – камень.

копках городища Нуртепа и на древнем поселении в Ходженте в Северном Таджикистане³³. Имеется явное сходство с небольшим комплексом «переходного периода» Джигатепе в Северном Афганистане³⁴, но прямые аналогии имеются только с материалами конца IV в. до н.э. из нижнего слоя цитадели Старого Термеза³⁵, керамикой раннего периода городища Айханум³⁶ и недавно открытым, ограниченным пока комплексом находок из ямы (землянки) на цитадели Кампыртепа³⁷.

Наряду с типичными для раннеэллинистического комплекса изделиями в Курганзоле имеются редкие, иногда просто уникальные сосуды. К первым относятся фрагменты Г-образных венчиков тарелок с волнистым орнаментом по верхней площадке. Они покрыты ярким красным ангобом и тщательно залощены (рис. 56, 19; 57, 3; 61, 3, 38). Точно такое же качество исполнения присуще фрагментированной сложнопрофилированной крышке с ручкой-навершием, вероятно, фигурной, зооморфной или антропоморфной (рис. 58, 27). Аналогичной по технике и отделке является ручка кувшина в виде головы гуся или лебедя, зажавшего в клюве закраину венчика (рис. 103, 1). В принципе, сосуд может быть реконструирован по аналогии с золотыми сосудами из Амударьинского клада и Хамадана (рис. 52, 27), с одной или, чаще, двумя зооморфными ручками³⁸, но само по себе изображение гуся – явление для Востока уникальное.

33 Негматов, Беляева, 1988, с. 25–27, рис. 2–3; Беляева, 1978, с. 45.

34 Пидаев, 1984, с. 112–114, рис. 1.

35 Пидаев, 1991, с. 213, рис. 1.

36 Lyonnet, 1997, с. 379–384, рис. 40–45.

37 Мкртычев, Болелов, 2006, с. 61, рис. 3, 41–54.

38 Genito, 2006, VIII–IX.

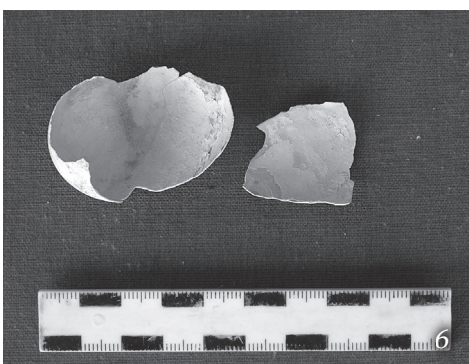
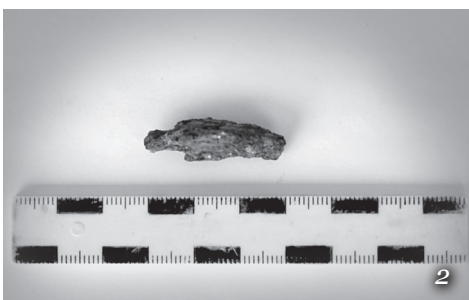

Рис. 88. Находки из раскопок крепости
Курганзол: 1–4 – железо; 5 – кузнечный железистый шлак; 6 – яичная скорлупа;
7–8 – кость.

Рис. 89. Каменные изделия из крепости Курганзол.

Не приходилось раньше видеть в эллинистических комплексах цедилку – подобие горшка открытой формы с отверстиями в стенках и донце (рис. 58, 23; 100, 5–6; 101, 1). Сосуд найден в яме № 9 в пом. 6 и, похоже, он являлся частью сервиза из приблизительно 8 предметов, отличительной чертой которых является черно-коричневый цвет черепка после обжига в восстановительной среде – первая попытка применения такой технологии. Перед обжигом стенки и донце цедилки орнаментировали прямыми и пересекающимися линиями, елочками, на боку в условной манере изобразили птицу.

Несколько странно среди эллинистической керамики смотрится фрагмент станкового сосуда с трафаретной росписью в виде кружочков (рис. 103, 4).

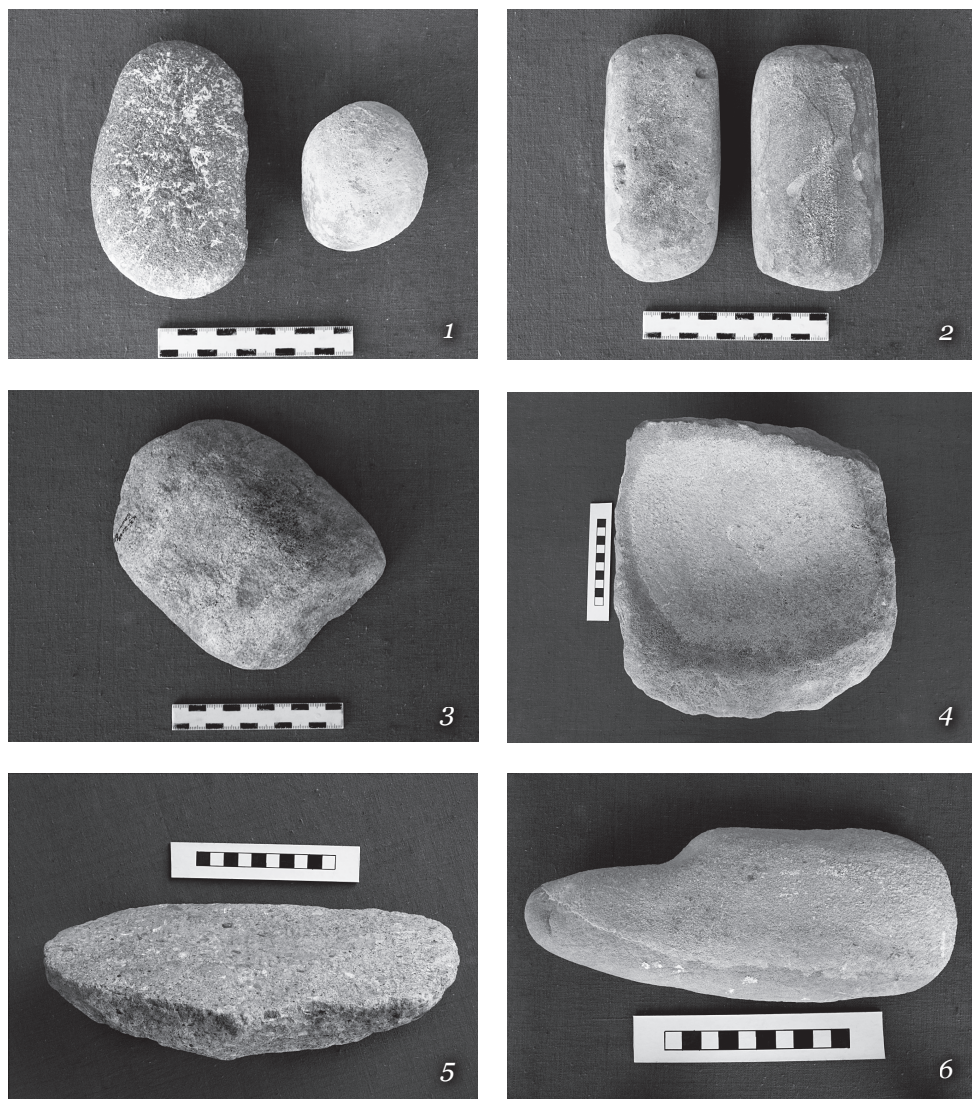

Рис. 90. Каменные зернотерки, терочки и оселки из крепости Курганзол.

Совершенно нетипичным для Средней Азии является археологически целый кувшин, найденный в башне 5 (рис. 83, 18; 100, 3). Он изготовлен на гончарном круге, цвет черепка яркий коричневато-желтый. Поверхность отполирована, орнаментирована линиями и двойным горизонтальным поясом из кружочков, нанесенных пуансоном по сырой глине. Сосуд, несомненно, привозной, может быть, из Южного Ирана, где традиция производства желтой керамики известна с древнейших времен.

Непонятно происхождение в комплексе керамики из крепости Курганзол группы изделий, которые резко выделяются в довольно стандартном для эпохи эллинизма наборе посуды и которые при всем желании нельзя назвать ни греческой, ни бактрийской. Прежде всего, это лепные горшки разных

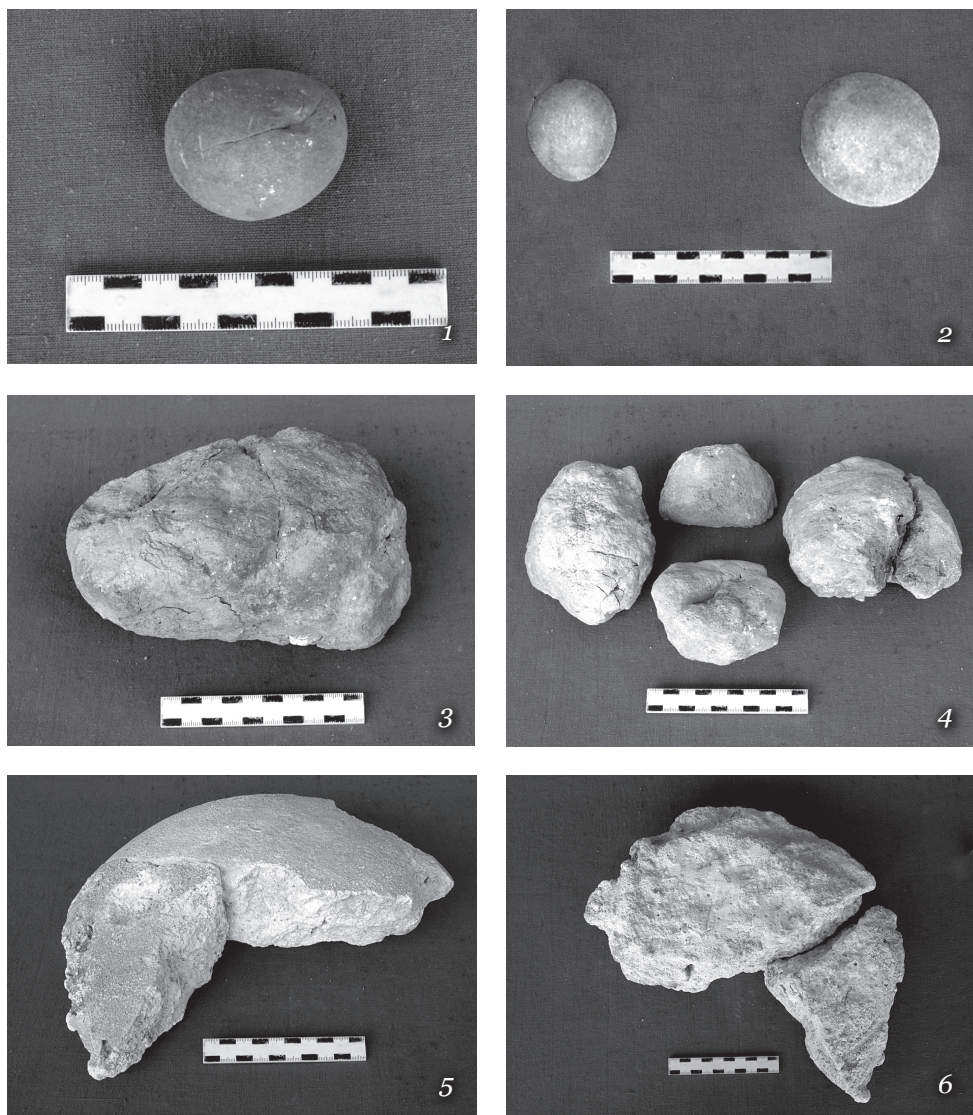

Рис. 91. Находки из крепости Курганзол: 1–2 – каменные ядра; 3–4 – «ядра», обожжённые докрасна комья глины с отпечатками ткани; 5–6 – фрагменты ганчевых дисков, извлеченных со дна крупных сосудов³⁹.

размеров, иногда с двумя вытянутыми шишковидными ручками, в одном случае – с двумя дисковидными налепами под венчиком наподобие глиняных печатей (рис. 83, 27; 100, 4; 102, 5). На некоторых фрагментах можно видеть отпечатки полотна простого плетения, использовавшегося для изготовления шаблона (рис. 98, 4).

Нельзя сказать, что сосуды такого типа не были известны, их часто находят в слоях памятников позднеахеменидского и раннеэллинистического периодов³⁹.

³⁹ Из последних находок см. Мокробродов, 2007, с. 155, рис. 3, 21–30.

Рис. 92. Сырцовые пирамидальные грузила из башни 5 крепости Курганзол.

На раскопках Подаятактепа, в Еркургане и поселении Курганча в Кашкадарье их находили в еще большем количестве, до 18 %. Датированное концом IV в. до н.э. поселение Курганча расположено возле Гузара, т.е. относительно недалеко от Курганзола, и может быть, поэтому лепная керамика из раскопок того и другого памятника практически идентична⁴⁰. Другое дело, что обычно подобные сосуды, да ещё в таком количестве, находят вместе с так называемыми цилиндроконическими банками, столь типичными для ахеменидского времени. В крепости Курганзол таковых не имеется,

если не считать хумов со слегка выпуклыми поддонами (рис. 47, 40; 65, 2, 3; 67, 13; 68, 25; 74, 44; 84, 15, он же на рис. 102, 6; 85, 6). Можно также упомянуть о находке во дворе крепости фрагмента «манжетовидного венчика», но он слишком мал, чтобы судить о форме всего сосуда (рис. 50, 25).

Конечно, в конце IV в. до н.э. где-то уже могла появиться керамика эллинистического облика, где-то по-прежнему изготавливали цилиндроконические банки, типичные для ахеменидского времени, где-то сосуществовали и те, и другие. Похоже, эллинистическая керамика впервые появляется только там, где жили греки, как в крепости Курганзол или на городище Афрасиаб, но в целом традиция производства цилиндроконических сосудов в Согдиане и Бактрии не могла пресечься мгновенно. В качестве примера можно назвать блестящее исследование «закрытого» археологического комплекса второй половины IV в. до н.э. в том же Самарканде⁴¹.

В отличие от лепных горшков, некоторые формы из крепости Курганзол, как лепные, так и станковые, имеют более узкую специфику и встречаются значительно реже. Необычен лепной светильник цилиндрической формы (рис. 84, 10) и некое изделие из обожжённой глины, которое мы условно назвали «солонкой» (рис. 70, 59). Абсолютно такая же «солонка» была обнаружена в слое 24 стратиграфического разреза на цитадели Кампыртепа⁴².

На полу башни 4 возле зернотерки или ступки необычной квадратной формы найден плохо обожжённый глиняный черпак (рис. 82, 20; 93, 5). Рядом лежали каменный терочник и фрагмент лепной чаши с Г-образным венчиком – плохой имитации известных эллинистических мисок (рис. 104, 2, справа). В соседней башне 5 обнаружена воронка, сделанная из горлови-

40 Хасанов, 1991, с. 58, рис. 1.

41 Иваницкий, 1992, с. 39–40.

42 Сверчков, Восковский, 2006, с. 40, рис. 11, 14.

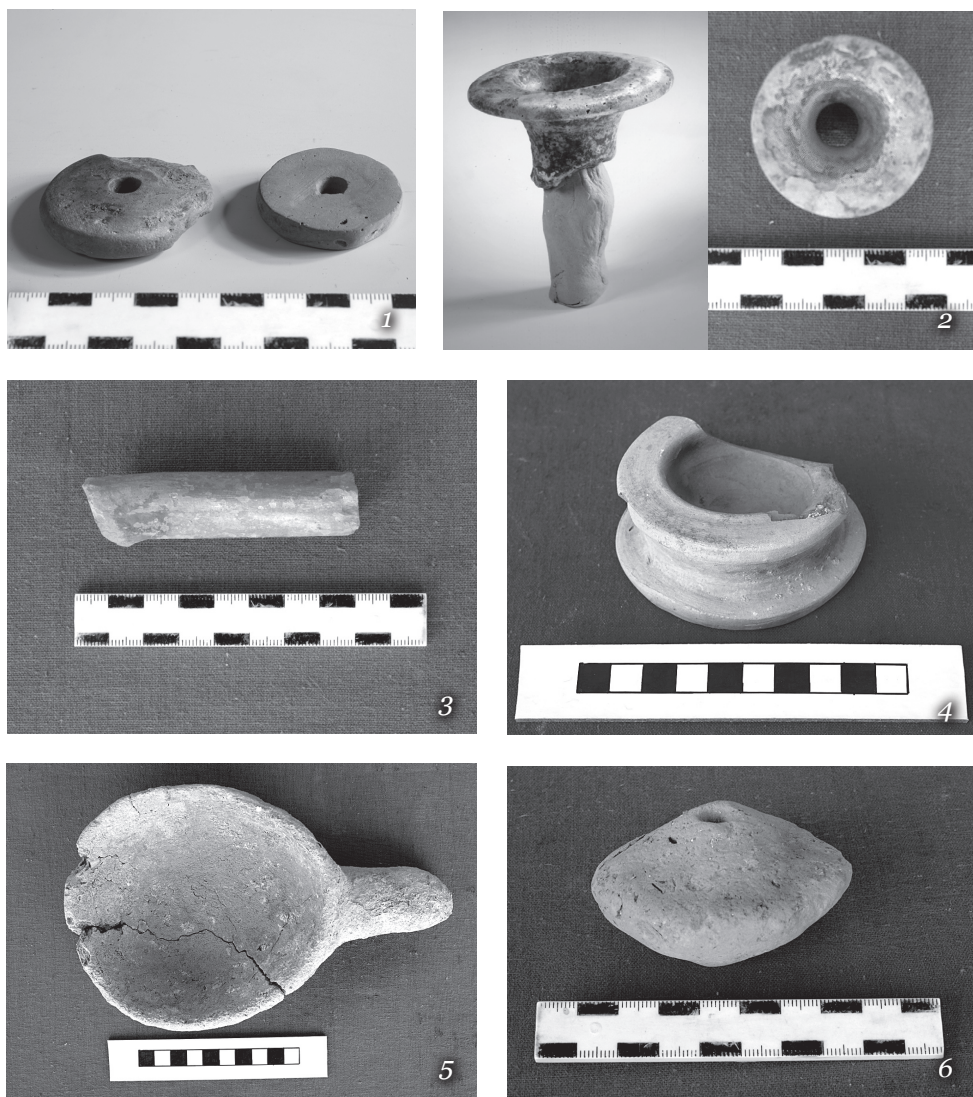

Рис. 93. Находки из раскопок крепости Курганзол: 1 – керамические пуговицы или «пряслица»; 2 – горловина импортного миниатюрного керамического сосудика; 3–4 – фрагменты керамических сосудов; 5 – лепная ложка; 6 – сырцовое биконическое грузило.

ны кувшина черного цвета (рис. 83, 22; 99, 1), в башне 6 – станковая воронка (рис. 85, 3, 99, 2), в башне 1 найдена другая, лепная воронка (рис. 81, 17; 99, 5). Похожие, только меньших размеров ложки в сочетании с воронками и грубым лепным горшком, закопченным изнутри, происходят из слоя 19 на цитадели Кампыртепа⁴³. Точный аналог черпаку из Курганзола

43 Сверчков, Восковский, 2006, с. 41–42, рис. 12–13.

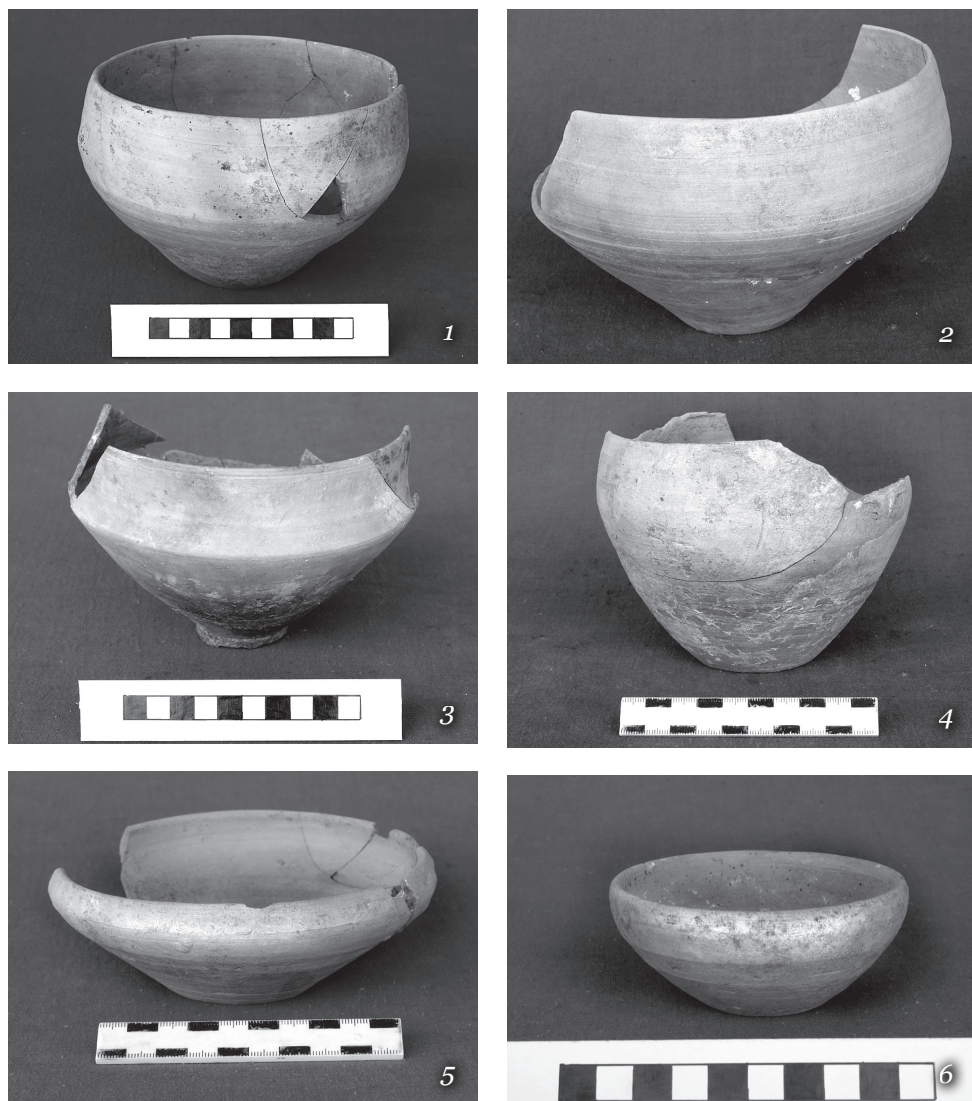

Рис. 94. Кубки и чаши из крепости Курганзол. № 3 – импортный кубок.

имеется в Синьцзяне, в материалах из поселения Синтала, входящего в общность культур расписной керамики⁴⁴.

Не вполне понятно назначение крупных сосудов открытой формы, похожих на полусферические глиняные тазы с отверстием в центре дна (рис. 83, 28; 85, 2). Один из них станковый (рис. 101, 3–4), другой – лепной – имеет две ручки и обмазан внутри ганчем (рис. 101, 5–6). Похоже, найденные в крепости ганчевые дисковидные слепки с центральным отверстием относятся именно к этим формам (рис. 91, 5, 6). Можно предположить, что они служили формами для производства кисломолочных продуктов наподобие мягких сортов

44 Debaine-Francfort, 1988, с. 17, рис. II, 1.

Рис. 95. Уплощенные чаши из крепости Курганзол.

сыра. Аналоги этим сосудам обнаруживаются не столько в эллинистических материалах, где пока известен только один такой случай (вышеупомянутое поселение Курганча ⁴⁵), а в комплексе периода Яз I из Бандыхана (Майдатепа). Конечно, в отличие от Майдатепа, в Курганзоле нет расписной керамики, но во дворе крепости была найдена типичная для памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа миниатюрная биконическая каменная ступка-подставка черного цвета (рис. 89, 1). Вполне допустимо, что подставка была подобрана в Бандыхане, расположенном всего в 20 км южнее, и принесена в крепость кем-то из её обитателей, но, учитывая круг аналогий лепным сосудам из Курганзола,

45 Хасанов, 1991, с. 58, рис. 1, 14.

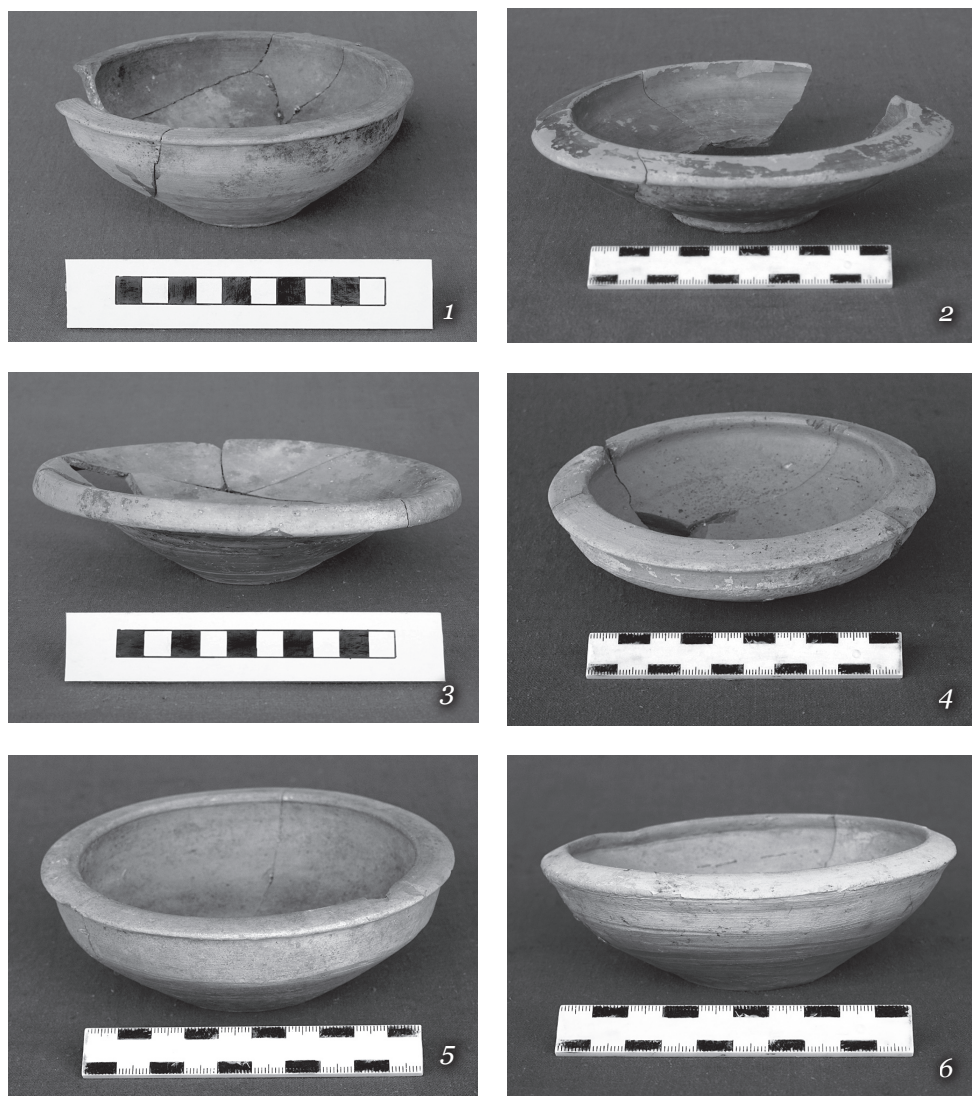

Рис. 96. Чаши с Т-образным венчиком из крепости Курганзол. № 2 – импорт.

можно предполагать пусть едва заметную, но, тем не менее, отчетливую генетическую связь с памятниками культур лепной расписной керамики конца II – начала I тыс. до н.э.

Судя по находкам в нижних, жилых этажах башен, в крепости, помимо греков (македонцев), жили люди иного происхождения, не греческого и не бактрийского. Этническая принадлежность их не вызывает сомнения, скорее всего, это тот воинственный народ, который в античных письменных источниках назван массагетами⁴⁶. В том, что они именно жили, а не приносили что-либо в этих «странных» для эллинистического комплекса сосудах, следует из

⁴⁶ См. Щеглов, 2006.

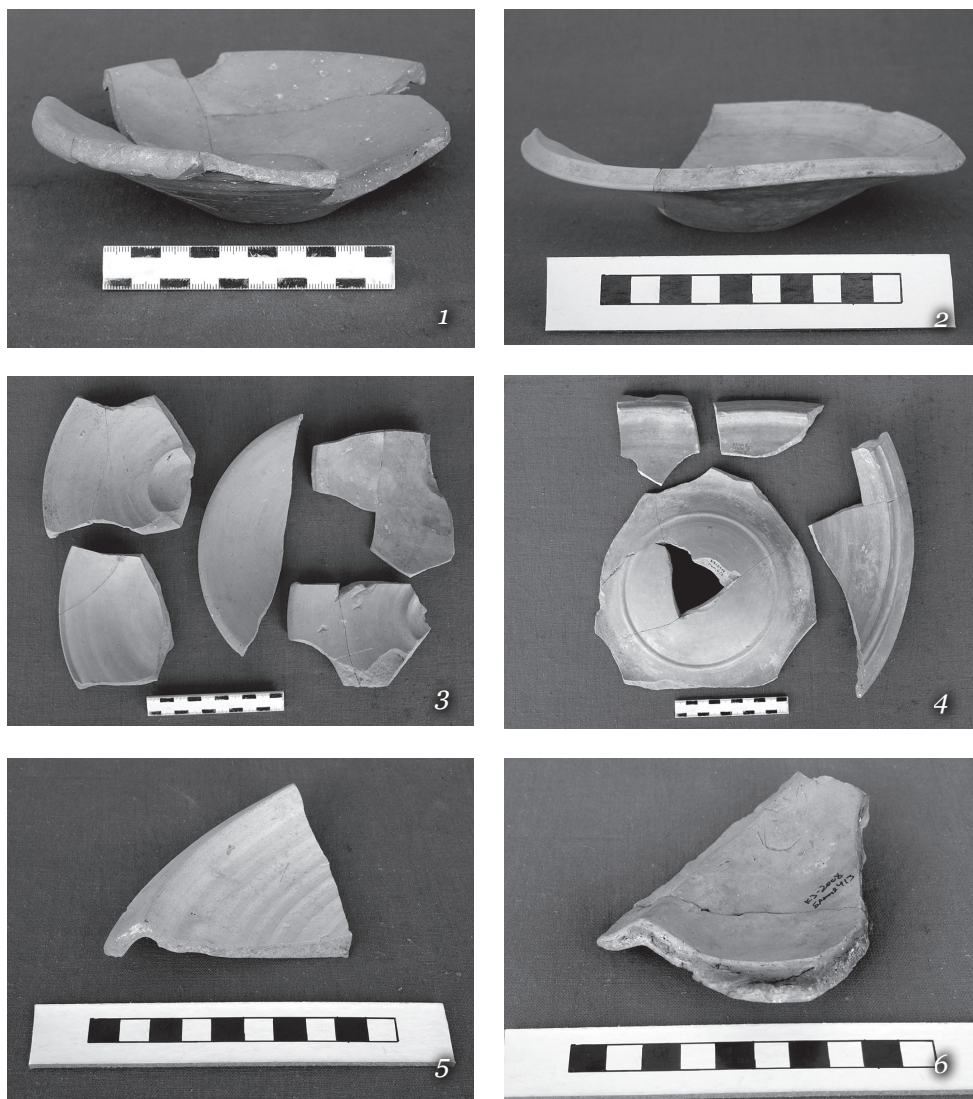

Рис. 97. Керамика из раскопок крепости Курганзол: 1–3 – «рыбные» блюда; 4 – импортная краскоангобированная крышка; 5–6 – фрагменты чаш с Г-образным венчиком (№ 6 – лепной).

археологического контекста, и по данным той же археологии надо признать наличие некоей взаимосвязи культур круга Яз I и среднеазиатских союзников Александра.

Как показывают результаты остеологического анализа⁴⁷, обитатели крепости Курганзол употребляли в пищу конину, что прослеживается по специфической фрагментации костей и зарубкам на них. Сам по себе этот факт вовсе

⁴⁷ Приношу искреннюю благодарность профессору Н. Бенке (Институт археологии, г. Берлин) за полноценный анализ и консультацию. См. приложение.

Рис. 98. Образцы сосудов из крепости Курганзол: 1 – чаша с Т-образным венчиком; 2 – кубок; 3 – горловина сосуда из ганча; 4 – стенка лепного сосуда с отпечатком матерчатого шаблона.

не является признаком присутствия массагетов, солдаты-македонцы тоже могли есть конину, но в совокупности с рассмотренным комплексом лепной керамики служит дополнительным, хоть и слабым, аргументом.

Большинство костей, найденных в слоях крепости, принадлежали домашним животным: баранам, козам, коровам, верблюдам, ослам, собакам, есть также кости цыплят. Выявлены костные остатки диких животных: винторогой газели, кабана, онагра, лисы и типичного обитателя горных лесов – красного оленя, которого в Байсунской предгорной котловине давно уже нет. Птичьи кости принадлежат куропатке, перепелу и белому аисту.

Кроме привычных для археологов фрагментов керамики и костей животных, в крепости найдены 4 предмета из железа, оставшиеся на месте только благодаря скрытым условиям залегания. Два ножа лежали в строительных ямах под полом 1 в башнях 1 и 3 (рис. 87, 2, 3; 88, 3, 4). Обломок другого изделия, может быть, наконечника стрелы, лежал под завалом в углу пом. 6 (рис. 87, 1; 88, 2). Фрагмент стригиля найден в щели между стеной и ванной (рис. 87, 4; 88, 1). Предметов из меди вообще не обнаружено. Вероятно, все металлические и другие ценные вещи были унесены в качестве трофеев ещё захватчиками крепости, но прежде, до разгрома, в Курганзоле даже был свой кузнец, на что указывают находки во дворе обломков кузнечного железистого шлака.

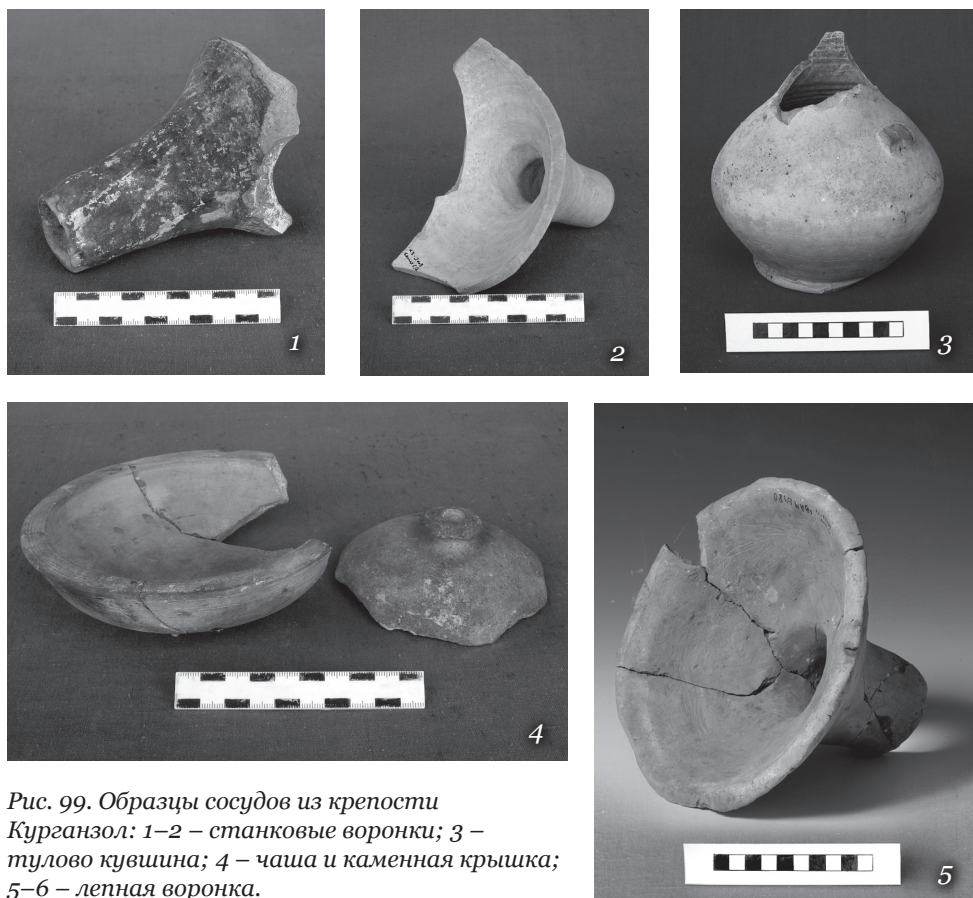

Рис. 99. Образцы сосудов из крепости Курганзол: 1–2 – станковые воронки; 3 – тулово кувшина; 4 – чаша и каменная крышка; 5–6 – лепная воронка.

Изделий из кости в крепости тоже найдено четыре: гребешок со сломанными зубьями (рис. 87, 5; 88, 8), пуговица (рис. 87, 6) и два «лоцила» (рис. 87, 7; 88, 7), применявшихся обычно в сапожном или кожевенном деле.

Изделия из камня представлены 2 образцами: упомянутой выше биконической подставкой (рис. 87, 9; 89, 1), абсолютно чуждой в эллинистическом комплексе, и типичной для эпохи эллинизма крышкой уплощенно-полусферической формы (рис. 87, 10). Другие каменные предметы – это т.н. зернотерки, терочки, точила и ядра (рис. 87, 11–14; 89, 2–6; 90; 91, 1, 2).

Об иных занятиях обитателей Курганзола говорят находки ткацких грузил, изготовленных из необожжённой глины. Интересно, что если в слоях крепости 1 этапа (пом. 10) было обнаружено только одно такое изделие, причем биконической формы (рис. 93, 6), то для этапа 2 их известно одиннадцать и уже в виде пирамидок (рис. 92). Десять грузил найдены в одном месте, в башне 5, ещё одно – во дворе, в яме 3.

По данным археологии, жизнь гарнизона крепости, состоявшего примерно из 20–30 человек, носила обычный, рутинный характер, а обстановка, как и положено на военной службе, была строго аскетичной. Дата строительства Курганзола – конец IV в. до н.э. – предложена ещё в 2003 г., что подтверждается

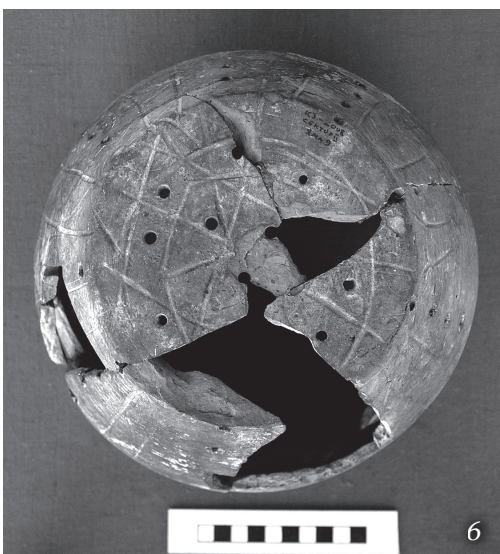
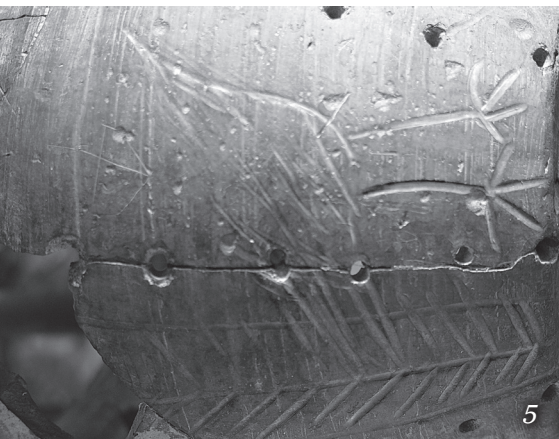
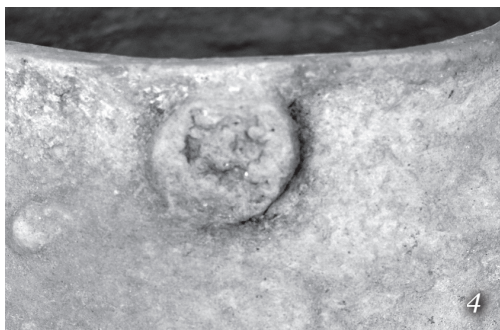
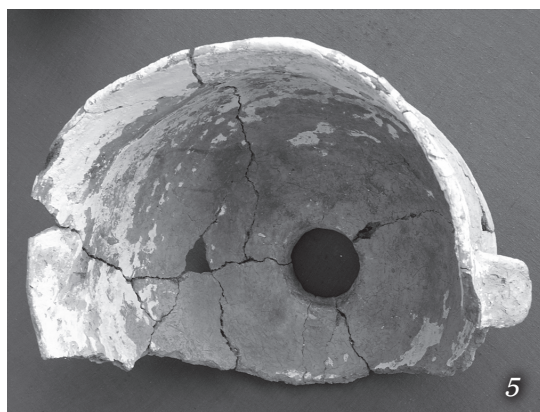

Рис. 100. Образцы сосудов из крепости Курганзол: 1–2 – фрагмент кратера (сосуда для смешивания вина с водой); 3 – фрагментированный импортный кувшин; 4 – глиняная печать на венчике лепного горшка; 5–6 – сосуд-цедилка черно-серого цвета с прочерченным по сырой глине орнаментом.

Рис. 101. Образцы сосудов из крепости Курганзол: 1 – цедилка; 2 – горловина двуручной амфоры; 3–4 – станковый сосуд с отверстием в поддоне; 5–6 – лепной сосуд с отверстием в поддоне.

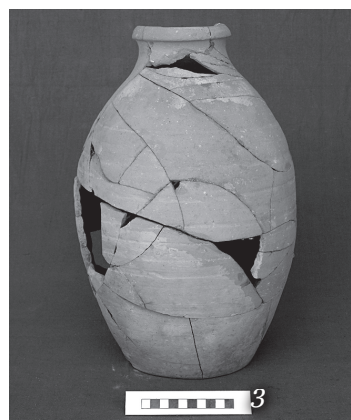
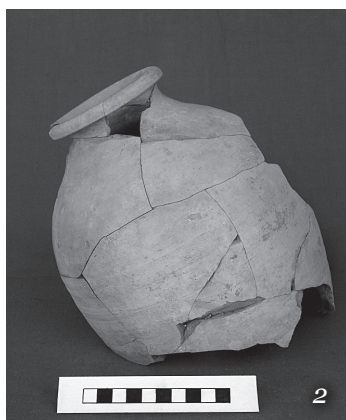

Рис. 102. Кувшины удлиненных пропорций из крепости Курганзол. № 5 – лепной.

радиоуглеродным и дендрохронологическим анализами, и оснований для её изменения до сих пор нет. Но после раскопок 2008 г. стало ясно, что этим же временем датируется также гибель крепости, и, как представляется, время её существования было недолгим – вряд ли более 20 лет. За это время Курганзол дважды подвергался нещадному разрушению, в конце 1 и 2 этапов. Первоначально стратиграфическая ситуация оказалась искаженной из-за ремонтной деятельности по восстановлению крепости после первого разгрома, когда у северной стены были частично разобраны прежние завалы и сделан пандус поверх предвратных помещений, наиболее пострадавших при штурме.

Рис. 103. Фрагменты станковых сосудов из крепости Курганзол:
1 – красноангобированная лощеная ручка кувшина в виде головы гуся;
2–3 – стенки сосудов со знаками и следами черной краски; 5–6 –
венчики сосудов редких форм.

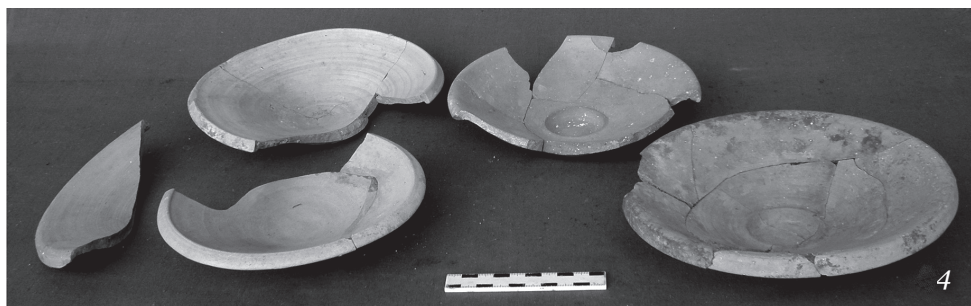

Рис. 104. Образцы чаш из крепости Курганзол: 1 – уплощенно-полусферические чаши; 2 – чаши с Г-образным венчиком; 3 – чаши с Т-образным венчиком; 4 – «рыбные» блюда.

Рис. 105. Образцы
сосудов из крепости
Курганзол: 1 – кубки;
2 – чаши с загнутым
внутрь венчиком;
3 – кувшины.

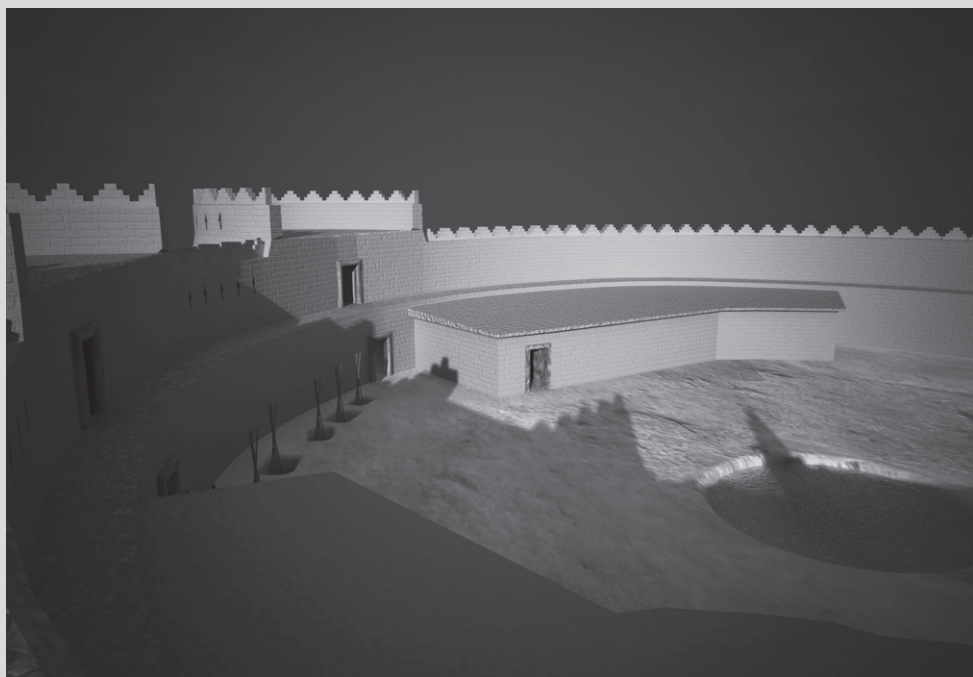
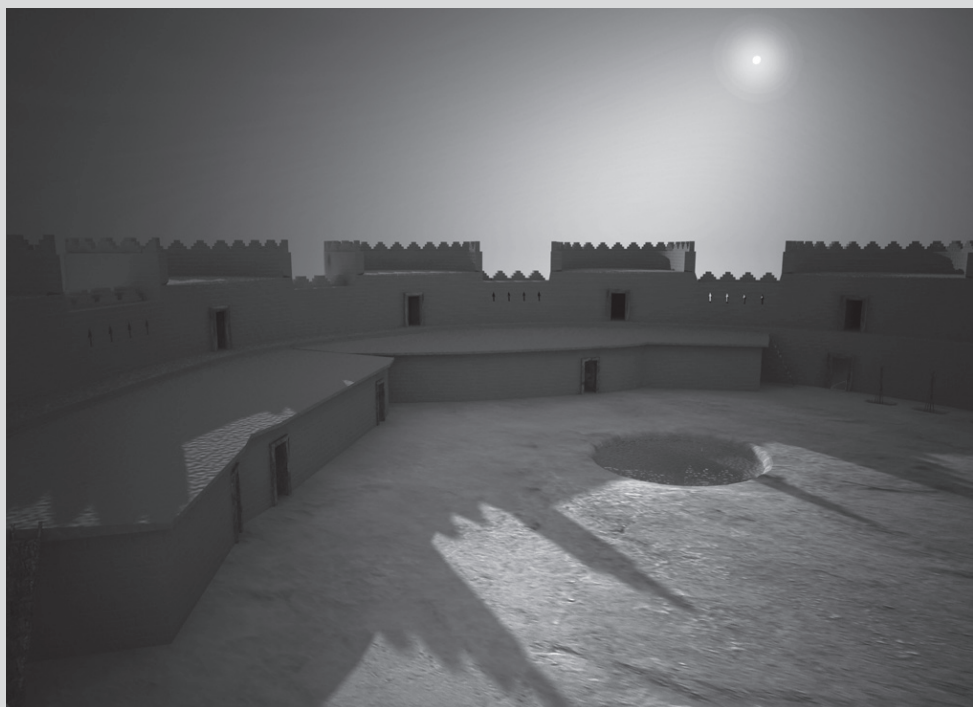
Атака крепости проводилась с севера, непосредственно в створ ворот, первая линия которого была практически полностью снесена во время первой осады. Тогда больше всего пострадали башни 1 и 3, обе внутри выгорели, а в 3 башне, к тому же, почти до основания проломлена северная стена. Наверное, поджог крепости осуществлялся с помощью обычных комков глины, обернутых в ткань. Возможно, в качестве горючего материала использовалась нефть, места добычи которой и сейчас видны из Курганзола. Археологическое свидетельство такого способа поджога следует из находок таких слегка обожжённых комков со слабыми отпечатками ткани на поверхности (рис. 91, 3, 4). Причем шесть из девяти подобных «ядер» были найдены на дне бассейна, куда их, вероятно, сбрасывали осажденные. Два подобраны у дальней от противника, южной стены крепости, в пом. 10, и только одно – в северном пом. 6.

На втором этапе захват Курганзола, должно быть, стоил захватчикам меньших затрат и усилий, крепость после восстановления была лишена нижнего яруса обороны на башнях северного фаса, и оборонительные линии створа ворот были существенно ослаблены. Но в обоих случаях поражает то упорство и ненависть, с которой происходило уничтожение крепости и всего, что находилось в ней внутри.

После разгрома и варварского разрушения Курганзола на его руинах за долгие годы накопился слой пыли, в котором был обнаружен почти целый скелет ворона, поселившегося среди развалин крепости вскоре после её гибели. Этот немой символ как нельзя лучше отражает печальные последствия честолюбивых устремлений Александра.

Рис. 106. Керамическая фляга из помещения 5.

Крепость Курганзол. 3-х мерная реконструкция.

АЛЕКСАНДР В СРЕДНЕЙ АЗИИ:

ИСТОЧНИКИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Войско Александра впервые переправилось через Окс (Амударью) в 329 г. до н.э. Как единодушно предполагает большинство исследователей, это произошло в районе Келифа или, по особому мнению Э. В. Ртвеладзе, в 30 км восточнее, на участке между городищами Шортена и Кампыртепа⁴⁸. Дальнейший маршрут греческой армии, кроме общего направления на север – северо-восток, реконструировать в деталях невозможно. Мы не можем даже с уверенностью сказать, пролегал он к востоку от гор Кугитанг, через Железные ворота, или несколько западнее, в районе современного селения Гаурдак (более логичным кажется второй вариант). Известно только, что где-то относительно недалеко от переправы, вполне вероятно, что в предгорьях Кугитангтау, располагался город Бранхидов, где ещё жили потомки жрецов храма Аполлона Дидимского, переселенных Ксерксом из Милета⁴⁹. По поводу местоположения этого городка, уничтоженного по приказу Александра, в научной литературе существуют самые различные предположения – и согласующиеся, и взаимоисключающие. Но для нас ясно, что из района поисков следует исключить Байсунскую предгорную котловину, где вообще нет материалов ахеменидского времени, а самым древним памятником является крепость Курганзол. Наверное, понятно и то, что в стремительной погоне за Бессом, череде непрерывных военных столкновений со Спитаменом и его соратниками, тяжелейшими боями в Согдиане, Мемакене и на берегах Яксарта (Сырдарьи) долина Сурхандарьи в то время, в 329 г. до н.э., интересовала Александра меньше всего.

II. 1. АЛЕКСАНДР В СОГДИАНЕ И МЕМАКЕНЕ

Нет нужды пересказывать общеизвестные и многократно обсуждавшиеся в самых разных изданиях варианты и последовательность событий на пути греко-македонской армии к берегам Яксарта, где в конечной точке маршрута Александра на северо-восточном направлении (на территории современного Ходжента) был спешно возведен город Александрия Дальняя. Немногочисленные, но весьма убедительные находки из раскопок древнего поселения в Ходженте

⁴⁸ Ртвеладзе, 2002, с. 31–66.

⁴⁹ Гафуров, Цибукидис, 1980, с. 246–247.

подтверждают разделяемое большинством археологов положение о локализации Александрии Эсхаты именно здесь⁵⁰.

Ко времени походов Александра область к юго-западу от Сырдарьи называлась Мемакена – страна народа «Μεμακηνῶν» или «*Μαμακηνῶν»⁵¹ (рис. 107). Согласно Арриану, здесь располагались семь городов варваров – Кирополь, Газа и еще пять безымянных (Арриан, IV. 1, 4–5; 2, 1–6; 3, 1–5). По Курцию Руфу, городов было три – Кирополь, Безымянный город и город Мемакенов (Курций Руф, VII. 6, 6–23), что, по-видимому, больше соответствует действительности. Трудно представить, чтобы на территории втрое и даже вчетверо меньшей, чем средневековая Уструшана, да ещё в древний период, в 329 г. до н.э. могло существовать 7 городов, тогда как в пору наибольшего расцвета в Уструшане их было всего 12.

В текстах двух авторов совпадает описание захвата и последующего разрушения первого очага сопротивления, чьего имени Курций Руф не приводит (Безымянный), но Арриан называет его Газа. Однако неоднократно отмечаемое сходство сцены осады Кирополя (Арриан) и города Мемакенов (Курций Руф) ограничивается эпизодом ранения Александра камнем, что заставляет усомниться в идентичности Кирополя и города Мемакенов. Арриан вообще не упоминает само название Мемакена, а Курций Руф четко отличает оба названных города. Согласно Курцию Руфу, Александр приказал Кратеру осадить Кирополь, а сам захватил и разрушил другой город, после чего осадил город Мемакенов. Столкнувшись со стойкостью и коварством горожан, царь привлёк на помощь Мелеагра и Пердикку, отозвав их с осады Кирополя (Курций Руф, VII. 6, 16–19, 21–23).

К югу от Сырдарьи археологи нашли целый ряд поселений со слоями интересующего нас времени, археологические материалы которых имеют, как указывалось, параллели в комплексе крепости Курганзол⁵². Однако все они, за исключением городища Нуртепа площадью 20 га в Ура-Тюбинском районе Таджикистана, никак не могут претендовать на статус города. Пока только Нуртепа является единственным памятником, который и по топографии, и по хронологии имеет полное право на отождествление с Кирополем⁵³. В отношении поиска других древних городов очень обнадеживают результаты работ А. А. Грицины на городище Эски Хавас, где выявлены древнейшие слои с материалами IV–III вв. до н.э.⁵⁴

Как правило, все эти памятники находятся в низовьях рек, распадающихся на множество протоков, ныне сухих, но в древности, надо полагать, полноводных. В этой связи хотелось бы обратить внимание на древнее русло Зааминсу и незаслуженно забытое уникальное городище Каратепе, расположенное в низовой части широко разветвленной, но совершенно безводной ныне дельте реки.

50 Сходство форм венчиков кувшинов, кубков и хумов из Курганзола и Ходжента очевидно, и нас несколько не смущает наличие в ходжентском комплексе двух фрагментов лепных сосудов с росписью (см. Беляева, 1978, с. 45, 1, 9). Можно напомнить, что расписная керамика подобного типа вообще характерна для Ферганской долины с древнейших времен вплоть до начала I тыс. н.э.

51 Пьянков, 1982, с. 25–26. Сравните с названиями областей Паретакена и Бубакена в правобережье Амударьи.

52 Беляева, 1990, с. 77–80; Грицина, Сверчков, 1990, с. 115–117.

53 Беляева, 1990, с. 80–81; Беляева, 2004, с. 43–46.

54 Грицина, Абдулгазиева, Богомолов, Рахимов, 2006, с. 96–98.

Рис. 107. Страна Мемакенов.

Около 100 лет назад в 3 км к востоку от городища и в 20 км севернее г. Заамин была построена железнодорожная станция Обручево, позже Ульяново, теперь Каратепа. В те годы знаменитая экспедиция Р. Пампелли и Х. Шмидта проехала по южной окраине присырдарьинской Голодной степи. Впечатленные видом и размерами Каратепа, а также, вероятно, очевидным сходством с ситуацией в Мургабской дельте, они обследовали городище и даже произвели здесь небольшие раскопки. «Kara Tepe (western) lies a few hundred feet south of the railroad, a little over 1.5 miles west of Obruchevo Station. Its citadel rises over 70 feet above its northern base and about 65 feet above the general level of the plain, and stands in part surrounded by a broad moat between it and a crescent-shaped plateau of culture débris left open on the south. The long embankment, 10 feet high, appears to be the remains of a wall built late in the city's history when it had expanded to that extent. In size these ruins approach those of the Merv delta, while their older portions are much older in appearance. The only pottery found in small exploration pits to a depth of 2 or 3 feet on top of the citadel was wheel-turned, red, vesicular black, and light-gray, while similar pits on the plateau west exposed human skulls. Here may be a column of records down through the Græco-Bactrian age into horizons contemporary with Anau's South Kurgan culture»⁵⁵. Оставляя в стороне вопросы хронологии, стоит обратить внимание на то, что площадь только укрепленной части памятника превышала 20 га (рис. 108), не имея аналогов среди домусульманских городищ Уструшаны, даже в сравнении со столичным Бунджикатом (городища Калаи Кахкаха I и II).

Спустя 70 лет Каратепа уже значительно сократилось в размерах: большая часть города практически исчезла, хотя к югу и северу от цитадели (высота 24 м) ещё видны были остатки второй линии стен, но от внешнего периметра на

⁵⁵ Pumpelly, 1908, с. 317–318, plate 64.

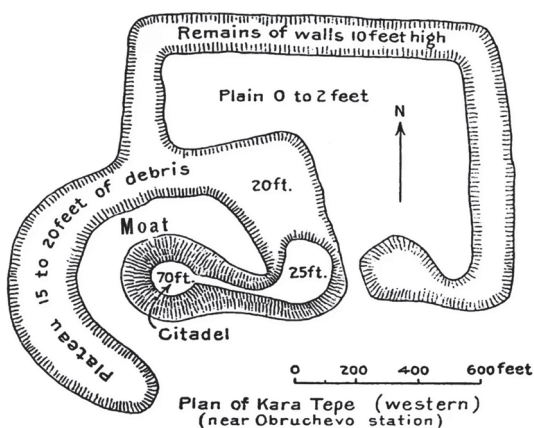
расстоянии 300 м от центрального бугра осталась только цепочка небольших отдельно стоящих холмов. Н. Б. Немцева и Г. Я. Дресвянская отнесли время обживания городища к первым векам н.э. и раннему средневековью до VIII в.⁵⁶ в настоящее время площадь городища Каратепа уже не превышает 6 га, высота цитадели составляет не 24, а всего 15 м, тогда как предварительные небольшие раскопки пока позволили выявить только материалы VI – начала VIII в.⁵⁷

В подъёмном материале Каратепа ещё нет глазурованной керамики, но уже есть подражания бухархудатским монетам – «черные дирхемы». Таким образом, напрашивается вывод, что городище было оставлено вскоре после череды арабских походов, завершившихся окончательным завоеванием Уструшаны в 822 г. По размеру и сложности структуры Каратепа трудно отыскать аналогии среди городов Уструшаны, и особенно важно то, что оно существовало тогда, когда ещё не был основан Бунджикат – столица Уструшаны, как не было, впрочем, и самого государства Уструшана.

Как мы видим, расположение городища полностью соответствует общей тенденции в топографической ситуации, характерной для поселений середины I тыс. до н.э., и если город Мемакенов действительно существовал, то искать его нужно, прежде всего, в Каратепа. На территории к югу от Сырдарьи после многолетнего и довольно плотного археологического обследования мы видим только три памятника, которые можно назвать городами: Нуртепа, Эски Хавас и Каратепа. Все другие известные поселения этого времени, при всем уважении к их исторической ценности, мало соответствуют понятию «город», что заставляет нас отнести к информации Курция Руфа с большим доверием. Хочется надеяться, что проблема «Кирополь – Безымянный город – город Мемакенов» в будущем сможет благополучно разрешиться, особенно если мы сосредоточим своё внимание на крайне привлекательном для исследователей географическом треугольнике «Нуртепа – Эски Хавас – Каратепа».

Вслед за разгромом восставших городов и столкновения с заяксартскими саками Александр направился в Мараканду на выручку греко-македонскому гарнизону, осажденному Спитаменом. Спитамен был вынужден отступить из Мараканды и отойти в «басилею Согдианы» – «столицу Согдианы» (Арриан, IV. 5, 3). Если довериться чтению этой фразы, то на право называться столицей Согдианы, помимо Мараканды-Самарканда, претендует только городище Коктепа⁵⁸. В верхних слоях городища уже

Рис. 108. План городища Каратепа начала XX в. (Pumpelly, 1908, pl. 64).

56 Немцева, Дресвянская, 1986, с. 227–228, рис. 3, 25.

57 Грицина, 2010, с. 46.

58 Исамиддинов, Рапен, 1999, с. 78; Исамиддинов, 2002, с. 215; 2010, с. 138.

появляется раннеэллинистическая керамика, а в целом аналогии посуде из Коктепа имеются на многих памятниках Средней Азии, прекративших своё существование в конце IV в. до н.э., например, городищах Кизылтепа и Бандыхан. К тому же, отдельные формы из Коктепа вполне определенно напоминают некоторые сосуды из Курганзола, особенно по манере и технике изготовления.

Из недавно обнаруженных в долине р. Заравшан памятников времени Александра крайне интересен Кургонтепа, расположенный в 40 км к востоку от Самарканда и 7 км к западу от Пенджикента. Комплекс керамики из раскопок Кургонтепа имеет явные признаки раннеэллинистического, обнаруживая сходство с материалами из Курганзола. Автор раскопок, У. Эшонкулов, учитывая специфическую конфигурацию объекта, особенности рельефа и хронологию памятника, уверенно отождествляет его с известным из письменных источников «парадисом» – охотничьим заповедником⁵⁹. В «парадесе» Спитамен и его союзники наголову разгромили крупное воинское соединение армии Александра, загнав остатки греко-македонского войска на небольшой остров посередине реки Политимет (Заравшан) (Арриан, IV. 5, 3–9; 6, 1–2).

Мнение У. Эшонкулова не противоречит археологическим данным, но существование острова на реке Заравшан возвращает нас к мнению Г. А. Пугаченковой, не менее обоснованному в археологическом отношении. После раскопок городища Кумушкент, в нижних слоях которого широко и разнообразно представлена керамика эпохи раннего эллинизма, Г. А. Пугаченкова совместила археологические данные со сведениями письменных источников и поместила «парадис» в Мианкале – междуречье, образованном двумя протоками реки Заравшан⁶⁰.

Дальше на запад, приблизительно в районе среднего или нижнего Заравшана находилось упомянутое Аррианом укрепление Баги (Бага): «неприступное место на границе между согдийской землей и скифами-массагетами» (Арриан, IV. 17, 4). Давно отстаивая мнение о локализации Баги в Бухаре, А. С. Сагдуллаев обоснованно привлекает внимание к памятникам Бухарского оазиса, где были обнаружены материалы V–IV вв. до н.э.⁶¹ Как представляется, данная версия, учитывая несомненное сходство комплексов Бухары и Курганзола, в настоящее время является наиболее убедительной.

Таким образом, в 329 г. до н.э. Александр завоевал практически всю территорию между Сырдарьей и Амударьей, но вскоре ему пришлось предпринять новый, по сути, карательный поход, так как «многие из согдийцев укрылись в укреплениях, отказываясь повиноваться поставленному над ними Александром сатрапу» (Арриан, IV. 15, 7).

II. 2. КРЕПОСТЬ АЛЕКСАНДРА И ГОРОД МАРГАНИИ

На следующий год вооруженное сопротивление в Бактрии и Согдиане вспыхнуло с новой силой, поэтому весной 328 г. до н.э. войско Александра из Бактры направилось усмирять уже завоеванные области. *«Получив подкрепление,*

59 Эшонкулов, 2004, с. 198–204.

60 Пугаченкова, 1989, с. 176.

61 Сагдуллаев, 2002, с. 10; 2007, с. 183–184; см. также Адылов, 2010, с. 7–8.

царь выступил, чтобы уничтожить следы восстания, и, казнив зачинщиков мятежа, на четвертый день он достиг реки Окса. Вода ее, несущая ил, всегда мутна и нездорова для питья. Поэтому воины стали рыть колодцы. Однако воды не могли найти далее на большой глубине, как вдруг заметили источник в палатке самого царя; обнаружив его не сразу, стали утверждать, что он появился внезапно. И сам царь хотел, чтобы верили, будто этот источник – дар богов. Перейдя затем реки Ох и Окс, он прибыл к городу Маргианы. Поблизости были выбраны места для основания шести крепостей, для двух из них к югу, для четырех к востоку от этого города, на близком расстоянии друг от друга, чтобы не искать далеко взаимной помощи. Все они были расположены на высоких холмах; прежде – как узда для покоренных племен, ныне, забыв о своем происхождении, они служат тем, над кем когда-то господствовали» (Курций Руф, VII. 10, 13–16).

В действительности город, близ которого Александр выбирал места для возведения крепостей, в первоисточнике именуется «*urbs Marganiam*» или «*urbs Marginiam*», но известность Маргианы Парфянской (Мерв) в античном мире была столь всеобъемлющей, что затмила собой все другие реалии. Б. А. Литвинский детально разъясняет происхождение возникшего текстологического несоответствия: «В подлинном тексте нет топонима «Маргиана»: в одних рукописях написано *Marganiam*, в других – *Marginiam*. В начале XVI в. в одном из ранних изданий это было исправлено на «*Margianam*», что затем переходит из одного издания в другое. Но уже в издании М. ле Телье (1678 г.) было помещено примечание, где это исправление оспаривалось на том основании, что при движении из Бактр в Маргиану не нужно пересекать Окс – Амударью. Было предположено, что Квинт Курций под *Marganiam* – *Margianam* имел в виду какой-то незасвидетельствованный другими источниками пункт в Согдиане»⁶².

Проблема идентификации города Маргании невероятно запутана и вдвойне осложнена противоречивым отношением исследователей к этому вопросу. Некоторые вообще не доверяют изложению событий в передаче Курция Руфа и, тем самым, отрицают сам факт существования города или местности с таким названием, другие видят в слове «Маргания» искаженное «Мараканда» (Самарканд)⁶³.

Многие ученые убеждены, что Маргания Курция Руфа – это Мервский оазис в дельте р. Мургаб. Оно базируется, главным образом, на сообщении Плиния Старшего об основании Александром в Маргиане города, позже разрушенного варварами и восстановленного Антиохом: «*Next comes the district of Margiane, so remarkable for its sunny climate. It is the only spot in all these regions that produces the vine, being shut in on every side by verdant and refreshing hills. This district is fifteen hundred stadia in circumference, but is rendered remarkably difficult of access by sandy deserts, which extend a distance of one hundred and twenty miles: it lies opposite to the country of Parthia, and in it Alexander founded the city of Alexandria. This place having been destroyed by the barbarians, Antiochus, the son of Seleucus, rebuilt it on the same site as a Syrian city. For, seeing that it was watered by the Margus, which passes through it, and is afterwards divided into a number of streams for the irrigation of the district of Zothale, he restored*

62 ИТН, с. 656, сноска 145.

63 Дройзен, 1893, т. 3, с. 354; Пьянков, 2004.

it, but preferred giving it the name of Antiochia. The circumference of this city is seventy stadia: it was to this place that Orodes conducted such of the Romans as had survived the defeat of Crassus. From the mountain heights of this district, along the range of Caucasus, the savage race of the Mardi, a free people, extends as far as the Bactri» (Plinius, VI. XVIII, 47)⁶⁴.

В данном случае совершенно ясно, что речь идет о Маргиане, древней стране Маргуш в долине реки Мургаб, неважно, в верхнем течении, среднем или в дельте, где расположен столичный город Мерв. Об основании Мерва Искандаром Зулькарнайном существует множество средневековых легенд и преданий, что также рассматривается как дополнительный довод в пользу отождествления его с городом Маргании Курция Руфа. Однако Курций ничего не пишет о какой-либо строительной деятельности в самом городе Маргании, и вопрос о том, был ли вообще Александр или кто-нибудь из его полководцев в Мерве, до сих пор остается открытым. Тем не менее, вряд ли найдется историк, который возьмет на себя смелость утверждать, что Александр не завоевывал Мерв – один из крупнейших, судя по размерам Эрк-калы, городов Ахеменидской империи.

Часто используемым аргументом для обоснования гипотезы об идентичности Маргании и Маргианы является фонетическое сходство их названий⁶⁵. По этому поводу следует сказать, что топонимы иранского происхождения с корнем «марг» – «луг», «лужайка» – имели и имеют настолько широкое распространение в Средней Азии, что только по признаку созвучия Марганию Квинта Курция можно искать и в Ферганской долине (город Маргелан–Маргинан), и на Памире (по реке Мургаб), и в верховьях р. Зарафшан. Еще С. И. Климчицкий приводил перечень местностей и летовок по Ягнобдарье с составным ягнобским словом «марг»⁶⁶. Б. А. Литвинский в связи с вопросом о расселении сакских племен также перечисляет географические названия, производные от «marǵ», и поддерживает мнение о происхождении слова от авестийского «marqūā» – «луг»⁶⁷. Тот же корень, вероятно, присутствует и в названии местности Маймург между Бухарой и Несефом (Карши), и согдийского владения Маймург к югу от Самарканда (Ургутский район). Китайские хроники дают нам поразительные примеры переноса реальных исторических событий из Мерва (Му) в тот же самаркандский Маймург (Ми)⁶⁸. Свой Маймург когда-то был и в Сурхандарьинской области: в XII в. ас-Сам'ани упоминает местность Маймург на правом берегу Амударьи, Йакут называет Маймург городом⁶⁹.

Все эти данные приводятся вовсе не для обоснования локализации Маргании в Сурхандарье или желания погубить поиск решения проблемы чрезмерной детализацией, что так же вредно, как и «взгляд с высоты птичьего полета». Как представляется, в дискуссии о Маргании доводы лингвистической науки малопригодны и, в лучшем случае, могут быть поставлены в самом конце доказательного ряда. Одноименные населенные пункты с участием слова «луг» распространены во всех странах и языках, и Средняя Азия не является

64 На наш взгляд, J. Bostock и H. T. Riley с большим уважением и осторожностью отнеслись к авторскому тексту Плиния, чем H. Rackham.

65 *marga-aina – страна лугов.

66 Негматов, 1957, с. 67.

67 Литвинский, 1972, с. 166–168.

68 Ставиский, 1959, с. 89.

69 Камалиддинов, 1996, с. 121.

исключением, а в древности имен такого рода, вероятно, было ещё больше, чем сейчас. В отношении фонетического сходства топонимов хочется привести меткое определение, рожденное в среде лингвистов, – «сирена сладких созвучий». Наверное, для кого-то созвучие Маргания – Маргиана тоже невероятно привлекательно, но не стоит забывать о таящейся в нем опасности.

Намного более существенной проблемой является определение места переправы греко-македонских войск через реки Ох и Окс в 328 г. до н.э. Ни у кого из исследователей не подвергался сомнению факт перехода войск через Окс – Амударью до прибытия в Марганию, но относительно выбора места переправы единства мнений до сих пор нет: предполагались, пожалуй, все когда-либо существовавшие переправы через Амударью – от Чарджоу до места впадения р. Кокча в р. Пяндж. Еще одним «камнем преткновения» явился вопрос о реке Ох: какая из современных среднеазиатских водных артерий скрывается под этим названием? Относительно р. Ох в распоряжении исследователей имеются отчасти противоречивые, но крайне ценные сведения знаменитого греческого географа Страбона, жившего приблизительно в 64–63 г. до н.э. – 23–24 г. н.э.

«Через Гирканию протекают реки Ох и Окс до впадения в море. Из этих рек Ох течет также через Несею, но, по словам некоторых, Ох впадает в Окс. ... с тех же самых Индийских гор, откуда текут Ох, Окс и некоторые другие реки, вытекает Йаксарт и подобно тем рекам впадает в Каспийское море» (Страбон, XI, 7, 3–4).

«...Арсак, скиф, вместе с некоторыми из даев, так называемых, апарнов, кочевников, живших по реке Оху, напал на Парфию и завоевал ее» (Страбон, XI, 9, 2).

«По словам одних, Ох течет через Бактриану, других – мимо нее; некоторые утверждают, что Ох вплоть до устья отличен от Окса, протекая южнее последнего; обе реки впадают в море в пределах Гиркании; другие, напротив, считают, что Ох хотя вначале и различен, но потом сливается в одно русло с Оксом, имея во многих местах 6 или 7 стадий ширины» (Страбон, XI, 11, 5).

Из приведенных цитат следует, что существовало две реки с одним и тем же именем: западный Ох протекал через Несайю и Гирканию и впадал в Каспий; восточный Ох был притоком Окса и находился в Бактрии. Вопрос идентификации западного, гирканского Оха, в принципе, решен: это современная река Атрек, протекающая по территории Ирана и Туркменистана⁷⁰. Относительно Оха бактрийского, восточного, который подразумевал Квинт Курций при описании событий 328 г. до н.э., подобного единства мнений не существует.

Сторонники традиционной концепции, согласно которой Маргания – это Мерв в Маргиане, утверждают, что река Ох соответствует Келифскому Узбою⁷¹. Но поскольку Узбой – древнее русло Амударьи, то где же тогда протекала река Окс? Узбой представляет собой сухое русло длиной около 550 км, по которому в нижнечетвертичное время Амударья осуществляла сток своих вод в Каспийское море. Если вообразить невозможную с точки зрения гидрологии ситуацию, что Амударья – Окс течет по двум руслам одновременно (одно в Каспий, другое в Арал?), тогда, конечно, Ох можно считать Узбоем. Однако согласно новейшим геоморфологическим исследованиям Амударья в середине I тыс. до н.э.

70 Подробный обзор см.: Балахванцев, 2005, с. 184.

71 Кошеленко, Гаибов, Бадер, 2000, с. 10–11.

текла не по узбойскому, а по современному руслу и впадала в Аральское море, уровень которого в то время превышал отметку в 50 м⁷². Следовательно, река Окс – Амударья в конце IV в. до н.э. находилась там же, где и сейчас, хотя, надо сказать, и этот вопрос для реконструкции маршрута греко-македонских войск не является принципиальным.

Почему-то совершенно упускается из вида, что городища Древнего Мерва располагаются к югу от Амударьи, на её левобережье, вне зависимости от того, текла она по современному или по узбойскому руслу. Чтобы попасть в Мервский оазис, Александру вообще не надо было уходить на правый берег, именно поэтому реконструкция маршрута греческих войск, предложенная Г. А. Кошеленко, В. А. Гаиловым и А. Н. Бадером, вызывает столько возражений.

Из Бактр в Мерв можно пройти, вообще минуя какие бы то ни было переправы, узбойские или амударьинские. Форсирование водных преград в военном искусстве считается одной из самых сложных задач, что в полной мере испытала на себе армия Александра, переправа которой в 329 г. до н.э. заняла по времени целых шесть дней (Арриан, III. 29, 4; Курций Руф, VII. 5, 17–18).

По удачному стечению обстоятельств первые исследования Курганзола практически совпали с очередным пиком полемики относительно локализации города Маргания. В противовес приведенной выше традиционной версии об идентичности Маргании и Маргианы⁷³ предлагается принципиально иное решение, учитывающее то обстоятельство, что подобная идентификация является не более чем историографической ошибкой, обусловленной мнимым сходством топонимов⁷⁴. Авторы нового построения, Ф. Грене и К. Рапэн попытались учесть традиционную точку зрения, представленную во французской историографии П. Бернаром, но в основных положениях сами являются последователями А. Б. Босворта.

П. Бернар полагает, что Александр в 328 г. до н.э. избрал прямой маршрут из Бактр в Мараканду, переправившись на правый берег Окса или в Келифе, или выше по течению, но не восточнее Термеза, где потом разделил армию на пять колонн, по числу притоков Амударьи. Упоминание реки Ох П. Бернар относит к разряду топографических ошибок, допущенных Курцием Руфом, а название Маргания – Маргиния должно быть исправлено на Маргиана (как все и делали с XVI в.), что свидетельствует о захвате Мерва Александром или кем-либо из его полководцев⁷⁵.

По А. Б. Босворту, армия Александра переправилась сначала через реку Ох – Кундуз, затем последовала к месту, где позже возникает Айханум, и там форсировала реку Окс – Пяндж. Следовательно, Марганию надо искать где-то между городищем Айханум и Железными воротами в Дербенте, возможно, в долине р. Вахш или р. Кафирниган⁷⁶.

Ф. Грене и К. Рапэн вновь подвергли анализу все известные источники, осуществили синтез самых разнообразных, порой несовместимых точек зрения, попытавшись, насколько возможно, обеспечить компромисс мнений традиционалистов и новаторов. Не отвергая возможность военных действий

72 Boroffka, 2010, с. 298, рис. 7.

73 Кошеленко, Гаилов, Бадер, 2000.

74 Grenet, Rapin, 2001.

75 Bernard, 1982, с. 125–138.

76 Bosworth, 1981, с. 24–29.

в Мервском оазисе, авторы вновь обращают внимание на тот факт, что ключом к решению проблемы является идентификация рек Ох и Окс и точное определение места переправы армии Александра. В этой связи особое внимание было уделено подлинным названиям рек, озвученных в греческой передаче как Окс и Ох. Древнее название Пянджа, как предполагал ещё в 1872 г. Х. Юль, было Вах, и оно сохранилось в имени левой, основной составляющей – Вахандарьи, которая, сливаясь с рекой Памир, образует Пяндж⁷⁷. Авторы ссылаются также на данные Н. А. Аристова, согласно которым прежде вся река Пяндж, вплоть до слияния с Вахшем, называлась Вахан. В результате проведенного анализа Ф. Грене и К. Рапэн уверенно отождествляют Окс с правым истоком Амударьи рекой Вахш, Ох соответствует левому истоку – реке Пяндж⁷⁸.

По мнению авторов, переправа войск Александра через Ох – Пяндж проходила приблизительно в районе селения Шерхан – в том же месте, где в 1363 г. переправлялась армия Тамерлана, около 75 км выше места слияния рек Вахш и Пяндж. Окс – Вахш был форсирован возле городища Тахти-Сангин, после чего Александр разделил армию на пять колонн по числу правобережных притоков⁷⁹. Александр во главе пятой колонны двинулся по правому берегу Амударьи в район Термеза, который, как полагают Ф. Грене и К. Рапэн, мог являться искомым городом Маргания. Авторы считают, что Марганией – «луговой страной» назывался район Термеза, где сам Термез⁸⁰ был центром, т.е. городом Маргании. Относительно шести крепостей, места для строительства которых выбирал Александр, Ф. Грене и К. Рапэн думают, что четыре из них могли находиться на возвышенностях Фаязтепа, Каратепе, Чингизтепа I (Большой Чингиз) и Чингизтепа II (Малый Чингиз)⁸¹.

Вскоре Ф. Грене и К. Рапэн отказались от идентификации Термеза с городом Маргании⁸², учтя критику со стороны археологов, ведущих раскопки на городище Старого Термеза⁸³. Тем не менее, в основных положениях концепция наших французских коллег, как представляется, вполне выдержала проверку на прочность. Те критические замечания, что появились в печати вслед за статьей Ф. Грене и К. Рапэна, по сути, не приносят в решение проблемы ничего нового, повторяя всё те же, широко известные общие положения⁸⁴.

Главные оппоненты, Г. А. Кошеленко и В. А. Гаилов, по-прежнему категорически возражают против любой попытки локализации Маргании где бы то ни было, кроме Мерва⁸⁵. К сожалению, в этом споре данные многолетних археологических исследований в Мервском оазисе задействованы далеко не в полной мере и, надо сказать, вовсе не по вине приверженцев традиционной версии. Достижения археологии, пусть и весьма скромные, в дискуссии о Маргании обычно вообще не привлекались. То немногое, что прозвучало в отношении

77 Можно добавить, что в ваханском языке название области Вахан произносится в форме «вух», в ишканинском – в форме «вахон» (Пахалина, 1976, с. 178–181).

78 Grenet, Rapin, 2001, с. 80–81; 89, additional note. Важно подчеркнуть, что отождествление Окс – Вахш и Ох – Пяндж ни в чем не противоречит информации об этих реках, содержащейся в «Географии» Страбона.

79 Grenet, Rapin, 2001, с. 81–82.

80 *tara-maiθa – брод, место переправы.

81 Grenet, Rapin, 2001, с. 82–84.

82 Рапэн, Бо, Грене, Рахманов, 2006, с. 91–92.

83 Leriche, 2002.

84 Пьянков, 2004; Кошеленко, Гаилов, 2006, с. 20–21.

85 Кошеленко, Гаилов, 2006.

Мерва, уместилось в одном предложении: «На территории Эрк-калы и Гяур-калы в Старом Мерве выявлена непрерывная свита культурных слоев от времени Яз-III (по меньшей мере) вплоть до сасанидского времени, включая, естественно, слои раннеэллинистического периода»⁸⁶. Всё верно, но утверждение о «непрерывности» обживания Эрк-калы вызывает немало сомнений.

По материалам из раскопок городища Мерв устанавливается, что возведение Эрк-калы (около 12 га) относится к предахеменидскому периоду – VII в. до н.э.⁸⁷ В самом начале III в. до н.э. стена Эрк-калы наращивается как в высоту, так и в ширину, а прилегающее неукрепленное поселение обносится стеной (Гяур-кала). Так происходило сложение древнейшей части Мерва, в котором Эрк-кала являлась цитаделью, а Гяур-кала – собственно городом. Более 45 лет назад исследователи городища Мерв установили соответствие археологических данных и сведений античных источников: «Антиох I, назначенный в 292 г. до н.э. соправителем отца на востоке, приказал окружить определенную территорию у Эрк-калы стеной, назвав город в честь своего отца Селевкией. Позднее город получил название Антиохии Маргианской»⁸⁸.

Наверное, все, кто когда-либо принимал участие в археологических работах в Мерве, в том числе и автор этих строк, были убеждены в идентичности Александрии Маргианской и Мерва. Читая Плиния Старшего, с этим можно согласиться, но как и почему это стало основанием для локализации Маргании Курция в Маргиане, непонятно до сих пор. К слову сказать, поиски в округе Мерва шести крепостей, построенных Александром в 328 г. до н.э., продолжались всё время, но успехом так и не увенчались⁸⁹.

Со времени последних раскопок древнейших слоев городища Мерв минуло, как минимум, 30 лет, и за это время произошло существенное уточнение стратиграфии и периодизации памятников эпохи эллинизма и связанных с ними комплексов керамики. С учетом новых данных В. А. Гаилов ещё раз детально пересмотрел все старые материалы из раскопок Мерва и пришел, в принципе, к тому же заключению, что и первые исследователи: самая ранняя эллинистическая керамика Эрк-калы и Гяур-калы не может датироваться ранее начала III в. до н.э., точнее, ранее 280 г. до н.э. Чтобы объяснить отсутствие в Мерве эллинистической керамики конца IV – начала III в. до н.э. В. А. Гаилов предположил, что на протяжении всего IV в. до н.э. существовала исключительно керамика типа Яз-III (т.е. ахеменидского времени), а в III в. до н.э. – смешанный комплекс, сочетавший керамику типа Яз-III и эллинистическую⁹⁰.

Насколько такая версия обеспечивает теорию «непрерывности» жизни древнего города, можно судить по разрезу оборонительной стены Эрк-калы, доведенному до конца в 1977 г. Сверху её наподобие футляра перекрывает стена III в. до н.э., в нижней части которой древние строители сделали специальную подсыпку из фрагментов керамики, обломков обжигательных горнов и жжёных кирпичей. Материал из этой «линзы» идентичен керамике из предахеменидской стены I периода⁹¹, что ясно указывает на хронологический разрыв, происходящийся, как минимум, на IV – начало III в. до н.э., а, может быть, даже на

86 Кошеленко, Гаилов, 2006, с. 21.

87 Усманова, 1989, с. 40–41; Усманова, 2010, с. 89–90.

88 Усманова, 1963, с. 32–33; Ташходжаев, 1963, с. 102–103.

89 Усманова, 1963, с. 86.

90 Гаилов, 2004, с. 605–606.

91 Усманова, 1989, с. 36–37, рис. 7; с. 41, рис. 11; Усманова, 2010, с. 89.

конец VI – начало III в. до н.э. Эта тенденция прослеживается не только в Мерве, в период Яз-III происходит запустение всего Мургабского оазиса: забрасываются Аравалидепе и Яздепе, прекращается жизнь на Тахирбайдепе⁹².

Как представляется, наиболее вероятное объяснение факта повального запустения поселений древней Маргианы ещё 50 лет назад дал В. М. Массон, связав его с подавлением восстания Фрады в 522 г. до н.э.⁹³ о степени разгрома, учиненного имперскими войсками в Маргиане, можно судить только по количеству убитых и взятых в плен, более 55000 и 6500 соответственно, что чрезвычайно много даже с учетом обычного в таких случаях преувеличения. Следовательно, нельзя исключать, что Мерв с 522 г. до н.э. вплоть до начала III в. до н.э. вообще не существовал, и некогда громадный город Эрк-кала лежал в руинах, отчего не мог представлять интерес для греко-македонских завоевателей. Таким образом, вопрос о строительстве Александрии Маргианской в Мерве или другом месте Мургабского оазиса смогут решить только дальнейшие археологические исследования, но пока материалов конца IV в. до н.э. на городищах Эрк-кала и Гяур-кала нет.

В целом, при рассмотрении доводов каждой из сторон, участвующих в дискуссии, складывается впечатление, что спор разгорелся вокруг не одного, а двух, но почти одноименных пунктов – Маргианы в Мервском оазисе и Маргании, упомянутой Курцием. Причем если сообщение Курция Руфа действительно достоверно, то Маргания находилась в правобережье Амударьи между переправой через реки Пяндж (Ох) и Вахш (Окс) и Железными воротами у селения Дербент. В пользу этой версии свидетельствует открытие крепости Курганзол, послужившее главным и, как представляется, решающим аргументом.

После раскопок Курганзола имеются все основания для отождествления его с одной из крепостей, построенных по приказу Александра в 328 г. до н.э. Были построены остальные пять или нет, мы не знаем, но в самом нижнем слое расположенного в 7 км к северу от Курганзола городища Поенкурбан, как утверждают исследователи, есть керамика конца IV – начала III вв. до н.э.⁹⁴

Оба памятника находятся в непосредственной близости от современного селения Рабат, получившего своё название благодаря караван-сарая, стоявшему здесь в XVIII в. Он был построен на дороге, ведущей от юго-восточных переправ через Амударью около селений Шерхан и Имамсахиб к Железным воротам в Дербенте. Можно провести воображаемую прямую линию длиной около 200 км от Железных ворот через Поенкурбан и Курганзол, и она неминуемо приведет к тем самым переправам через Пяндж и Вахш и точно в том месте, на которое указали Ф. Грене и К. Рапэн в своей реконструкции маршрута войск Александра в 328 г. до н.э. Не случайно отрезок современной железной дороги до станции Кумкурбан, где, кстати, находится мост Искандара (XVII в.), абсолютно совпадает с предполагаемым маршрутом. Совершенно ясно, что создание укрепленного плацдарма на этом направлении обеспечивало проведение военных операций на правобережье Амударьи и позволяло взять под полный контроль коммуникации, ведущие к Железным воротам.

Крепость Курганзол, а также, вероятно, Поенкурбан являются самыми древними памятниками в Байсунской предгорной котловине, никаких признаков

92 Массон, 1959, с. 91–92.

93 Массон, 1959, с. 142.

94 Абдуллаев, 2001, с. 28.

обживания в предшествующую, ахеменидскую эпоху, здесь не выявлено. Но, если Курганзол и Поенкурбан действительно являются руинами крепостей, построенных по приказу Александра, то где-то неподалеку должен был находиться город Маргании, поскольку, как мы знаем из сообщения Квинта Курция, до строительства укреплений армия Александра сначала прибыла в Марганию.

Ближайшее место, где до прихода Александра уже был город, это небезызвестный Бандыханский оазис, расположенный в нижнем течении Байсунсая, у южной окраины Байсунской котловины. Географическая позиция его крайне выгодна – на перекрестке двух дорог: из Шерабадского оазиса в Верхнесурханскую котловину (юго-запад – северо-восток) и от низовьев рек Вахш и Кафирниган к Железным воротам у Дербента (юго-восток – северо-запад). Всего в Бандыхане насчитывается одиннадцать памятников, два из которых относятся к интересующему нас времени – VII–IV вв. до н.э. Первый из них – это городище Газимуллата (Бандыхан-3) площадью около 10 га, которое датируется предахеменидским периодом, VII–VI вв. до н.э. (период Яз-ПБ), т.е. было заброшено задолго до прихода греков. Второй памятник называется городище Бандыхан-2, его площадь размером около 13 га включает храмовый комплекс Киндыктепа (23×18 м), крепость–цитадель Бектепа (120×110 м) и неукрепленную жилую округу⁹⁵.

Как показали недавние раскопки Киндыктепа и Бектепа, проводившиеся Байсунской археологической экспедицией совместно с Институтом археологии Германии (DAI) в лице доктора Н. Бороффки, городище Бандыхан-2 относится к ахеменидскому периоду, V–IV вв. до н.э. Судя по следам пожара и разрушений, запустение города не носило мирный характер, а наличие в верхнем слое керамики второй половины IV в. до н.э. недвусмысленно указывает на причину его гибели. В самом конце ахеменидского периода храм Киндыктепа нещадно разграбили, после чего центральный зал был плотно забутован⁹⁶. Та же участь постигла цитадель города, Бектепа, стены которой были разрушены, а башни забиты камнями⁹⁷. Кроме вторжения войск Александра, трудно представить иное историческое событие конца IV в. до н.э., при котором было возможно подобное развитие событий.

Городище Бандыхан-2 по величине является одним из крупнейших памятников ахеменидского времени на правобережье Амударьи. Расстояние до него от крепости Курганзол составляет всего 20–25 км, и если город Маргании не миф, не вымысел Курция Руфа, то, как представляется, для его локализации нет иной альтернативы, кроме городища Бандыхан-2. Нам не дано знать, сколько в действительности крепостей было построено близ Маргании, шесть или меньше⁹⁸. Часто античные историки допускали обычное в таких случаях преувеличение, но даже те две, что удалось найти в Байсунской предгорной котловине, уверенно могли служить опорной базой для подавления очагов сопротивления, «уздой для покоренных племен».

95 Ртвеладзе, 1976, с. 97–100; 1987, с. 60–64; 2007.

96 См. Труды Байсунской экспедиции.

97 Сагдуллаев, 2007, с. 183.

98 Вполне возможно, что ещё одна из крепостей Александра располагалась на северной окраине города Бандыхан, в 30 км юго-восточнее Курганзола. Здесь, на цитадели кушанского городища Ялангтуштена находили фрагменты эллинистической керамики (Ртвеладзе, 2007, с. 92–93).

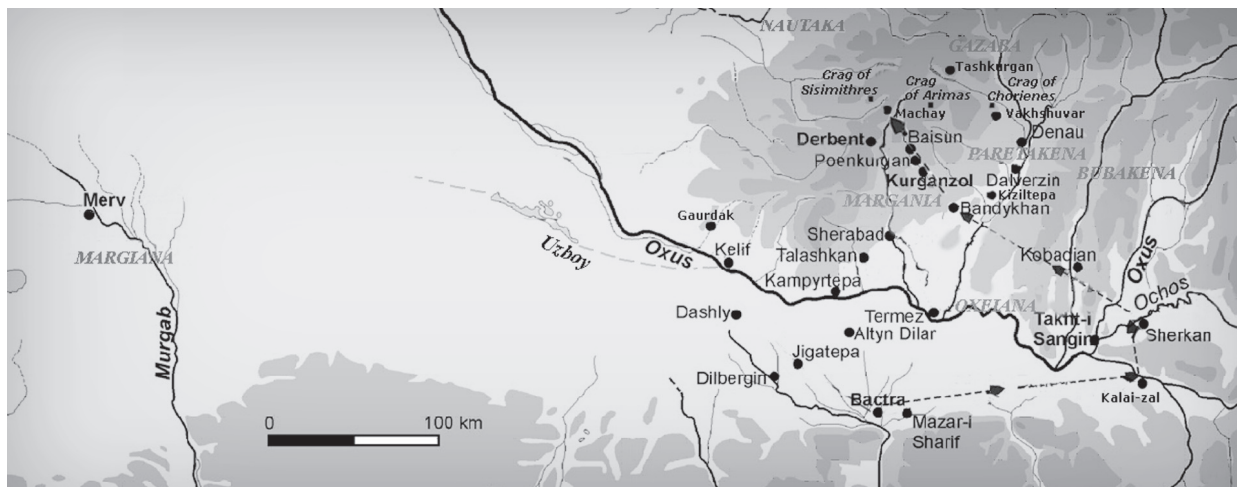

Рис. 109. Маршрут греко-македонских войск в 328 г. до н.э.

Таким образом, с учетом отождествления городища Бандыхан-2 с городом Маргании маршрут армии Александра в 328 г. до н.э. реконструируется следующим образом (рис. 109):

1. Четыре дня пути из Бактр на восток, в направлении современных городов Кундуз и Имамсахиб с целью подавления мятежа местных владетелей.
2. Переправа через реку Ох – Пяндж в точке порт Шерхан – Нижний Пяндж⁹⁹.
3. Переправа через реку Окс – Вахш и выход к группе поселений в низовьях реки Кафирниган – Калаи Мир, Мунчактепа и Хирмантепа.
4. Выход на правый берег Сурхандарьи близ современного кишлака Ходжа, где при слиянии Бандыхансаия и Сурхандарьи, в 300 м ниже позднесредневекового моста Искандара, в V–IV вв. до н.э. располагалось большое поселение, растянувшееся на несколько сот метров¹⁰⁰.
5. Вверх по Бандыхансаю (Байсунсаю) к городищу Бандыхан-2 – наиболее вероятному претенденту на отождествление с городом Маргании, расположенному у входа в Байсунскую предгорную котловину у ее юго-восточной окраины.
6. По проходу Кизирикдара сквозь невысокую гряду в холмистую Байсунскую котловину, где по правому берегу Байсунсаия (Бандыхансаия) были возведены крепости Курганзол и Поенкурбан.

Следует сказать, что исследовательский интерес к проблеме местонахождения города Маргании обусловлен вовсе не праздным любопытством, а возможностью более детального определения маршрутов и последовательности передвижения греческих войск весной 328 г. до н.э. В данном контексте, в принципе, совершенно неважно, было в древней Бактрии место под названием Маргания или это очередной исторический миф. Главным является то, что благодаря раскопкам крепости Курганзол исследователи получили

⁹⁹ Этот переход всегда, даже после возведения моста в Термезе, для местного населения являлся и является самым простым.

¹⁰⁰ Ртвеладзе, 1987, с. 57, Б–110.

долгожданную возможность воочию увидеть прямые свидетельства пребывания Александра на правобережье Амударьи и в очередной раз сопоставить археологические комплексы из раскопок самых разных памятников, многие из которых (иногда совершенно безосновательно) соотносятся со временем завоевательных походов Александра 329–327 гг. до н.э. Соответственно, появилась надежда с большей степенью достоверности определить местонахождение тех известных по письменным источникам пунктов, сомнение в существовании которых у историков не возникает. Наверное, в этом вопросе данные археологии тоже должны занимать не последнее место или хотя бы приниматься к сведению, и сейчас, после раскопок городища Бандыхан-2 и, особенно, крепости Курганзол, появилась реальная возможность перевести дискуссию из теоретической плоскости в разряд задач, решаемых не только кабинетными, но и прикладными методами.

II. 3. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ БАКТРИИ И СОГДИАНЫ СЕРЕДИНЫ I ТЫС. ДО Н.Э.

В среде специалистов по истории Средней Азии одной из самых обсуждаемых является проблема местонахождения и даже количества укрепленных районов, именуемых в источниках «скалами». Речь идет о локализации Согдийской скалы (скалы Аримаза), скалы Сисимитра и скалы Хориена (возможно, тождественной скале Сисимитра¹⁰¹). Большинство исследователей сходятся во мнении, что крепостей было три, и находились они приблизительно в районе Железных ворот, к югу и северу от перевала через Байсунтау (юго-западный Гиссар). 100–150 лет назад воображение ученых рисовало образы рукотворных горных твердынь – сложнейших фортификационных сооружений наподобие небезызвестной иудейской Масады, да и в наши дни иногда ещё можно видеть подобное представление, но в реальности всё оказалось намного прозаичнее.

Независимо друг от друга археолог Э. В. Ртвеладзе и географ М. А. Хашимов пришли к одному и тому же выводу: под «скалами» античные историки подразумевали естественные отдельно стоящие возвышенности с плоской вершиной, именующиеся в геоморфологии специальным термином куэста. Железные ворота – это узкая теснина в том месте, где сходятся две такие куэсты – Сарымас и Сусистаг, разделенные узким руслом реки Шуроб. Обособленный горный массив Сарымас является тем, что античные историки называли скалой Аримаза¹⁰². Второй, несколько меньший горный массив – Сусистаг – отождествляется со скалой Сисимитра, цитаделью которой, по мнению Э. В. Ртвеладзе, являлась крепость Узундара. Относительно недалеко отсюда, в 5 км восточнее кишлака Шуроб у Железных ворот в 1930 г. была найдена серебряная монета Александра Македонского – случай для Средней Азии уникальный¹⁰³.

101 Пьянков, 1982, с. 42–47.

102 Хашимов, 1990, с. 45–49; Ртвеладзе, 1999, с. 104; 2001, с. 7–9.

103 Ртвеладзе, 1990, с. 137; Ртвеладзе, 2002, с. 157. Если только это действительно монета Александра, а не более позднее подражание.

За многие годы версия, предложенная М. А. Хашимовым и Э. В. Ртвеладзе, была единственной, которая не приблизительно, а точно предполагала локализацию двух из трех упомянутых в источниках скал. Однако по мере накопления новых данных в последнее время произошла переоценка прежних представлений, в чем-то их дополняющая, а в чем-то и опровергающая.

Во-первых, наши коллеги из Узбекско-Французской экспедиции, несколько лет проработавшие на раскопках древней стены в месте предполагаемых Железных ворот возле селения Дербент, детально обследовали все три имеющиеся в этом районе куэсты.

Во-вторых, французские коллеги, на наш взгляд, вполне убедительно воссоздали последовательность главных событий весны 328 г. до н.э. и, главное, сумели определить направление движения войск Александра, не с севера на юг, как почему-то иногда считалось, а с юга на север¹⁰⁴.

В-третьих, обнаружение и результаты раскопок крепости Курганзол, придав новый импульс исследованиям, позволили выстраивать необходимые теоретические конструкции на базе вполне конкретных археологических данных. Коль скоро для строительства Курганзола было выбрано именно это место, значит, оно имело вполне конкретное стратегическое значение. Вести наступательные действия без создания опорной войсковой базы, составной частью которой была крепость Курганзол, невозможно, особенно в сложной горной местности. Иными словами, прежде чем идти на приступ «скал», в целях элементарного тылового обеспечения надо было создать цепь укреплений, которые в наше время именуются блокпостами.

Вслед за устройством крепостей Александр предпринял захват первой из скал, именуемой у Курция Руфа скалой Аримаза, у Арриана она названа Согдийской скалой, у Страбона – скалой Окса в Согдиане или Ариамаза.

1. Скала Аримаза; Согдийская Скала; скала Окса в Согдиане (или Ариамаза)

Квинт Курций Руф пишет: «Царь умирил и остальные области. Оставалась одна скала, занятая

согдийцем Аримазом с 30 тысячами воинов, собравших туда заранее продовольствие, которого бы хватило для такого числа людей на целых два года. Скала поднимается ввышину на 30 стадиев, а в окружности имеет 150. Отовсюду она обрывистая и крутая, для подъёма есть лишь очень узкая тропа. На половине высоты есть в ней пещера с узким и темным входом; он постепенно расширяется, а в глубине имеется обширное убежище. Почти повсюду в пещере выступают источники, воды которых, соединившись, текут потоком по склонам горы. Царь, увидев неприступность этого места, сначала решил оттуда уйти; однако затем в нем загорелась страсть преодолеть и природу. Прежде чем решиться на осаду, он послал к варварам сына Артабаза Кофа предложить им сдать скалу. Ответ Аримаза, который полагался на неприступность своей позиции, был полон дерзких слов, под конец он даже спрашивал, не умеет ли Александр летать» (Курций Руф. VII. 11. 1–5). Оскорбленный таким ответом Александр приказал привести к нему 300 воинов, с детства привыкшим к горным условиям, призвал их найти подступы к скале и подняться на её вершину, чтобы выйти, таким образом, в тыл противника. Весь день воины с помощью веревок и железных клиньев

¹⁰⁴ Рапэн, Бо, Грене, Рахманов, 2006, с. 96, 99.

карабкались на гору, потеряв на подъёме 32 человека. Добравшись до вершины, они так устали, что проспали всю ночь и только на рассвете стали высматривать, где же внизу скрываются главные силы противника. Благодаря дыму, выходявшему из пещеры под ними, воины смогли определить местонахождение Аримаза и подали условленный сигнал. Тем не менее, Александр ещё раз отправил к Аримазу Кофа¹⁰⁵ с предложением сдаться на милость царя, но вновь получил отказ, ещё более резкий. Тогда Коф, взяв Аримаза за руку, попросил его выйти с ним из пещеры и показал воинов Александра на вершине горы. Осажденные, не сообразив, что наверху только небольшая по численности группа, вернули уже уходившего Кофа и послали с ним к Александру 30 своих предводителей для обсуждения гарантий безопасности. Рассерженный прежним отказом Александр потребовал безоговорочной сдачи, после чего отчаявшийся Аримаз и его с ближайшим окружением спустились в лагерь македонцев. *«Всех их Александр велел подвергнуть бичеванию и распять на крестах у самого подножия скалы»* (Курций Руф. VII. 11. 6–28).

У Арриана мы находим следующие строки: *«В самом начале весны он [Александр] пошел к Согдийской Скале, куда, как ему сообщили, собралось много согдийцев. Говорили, что на эту Скалу бежали жена бактрийца Оксиарта и дочери Оксиарта: Оксиарт спрятал их в этом, как ему казалось, неприступном месте, потому что и он отпал от Александра. Если бы эта скала была взята, то у согдиан, желавших восстать, отнято было бы последнее убежище»* (Арриан. IV. 18. 4). Далее следует краткое описание захвата скалы с помощью тех же 300 воинов. *«В плен было взято много женщин и детей, в том числе жена Оксиарта и его дети. У Оксиарта была дочь, девушка на выданье, по имени Роксана. Воины Александра говорили, что после жены Дария они не видели в Азии женщины красивее. Александр увидел её и влюбился. Он не захотел обидеть её как пленницу и счел её достойной имени жены»* (Арриан. IV. 19. 4–5). *«Оксиарт, услышав что его дети в плену, и услышав, что Александр увлечен Роксаной, ободрился и явился к Александру. Его приняли с почетом, как и естественно при такой встрече»* (Арриан. IV. 20. 4).

Мнение археологов относительно локализации скалы Аримаза на современной географической карте, как сказано выше, известно – это горы Сарымас на северо-западе Байсунского района Сурхандарьинской области. Сотрудники Узбекско-Французской экспедиции даже уточнили место, где предположительно мог укрываться Аримаз со своими приближенными, войском и продовольствием. По мнению К. Рапэна, Александр с юга подошел к самой большой и труднодоступной скале, на вершине которой укрепился Аримаз, по узкому каньону Мачайдарьи, пересекающему горы Сарымас. Это ущелье якобы могло служить последним прибежищем непокорного Аримаза, откуда он увидел «крылатых воинов» Александра, поднявшихся на вершину «Согдийской скалы», то есть, горного массива Сарымас¹⁰⁶.

Действительно, важное стратегическое значение прохода по Мачайдарье, левой, основной составляющей Шерабаддарьи, переоценить трудно. Но на вершине горного массива Сарымас, по признанию самих же исследователей,

105 Не имеется ли какая-то связь между именем Коф и названием кишлака Кофрун в 6 км к востоку от крепости Курганзол?

106 Рапэн, Бо, Грене, Рахманов, 2006, с. 98–99.

бывавших там, интересующих нас археологических свидетельств нет, как нет здесь и пещеры, способной вместить достаточное количество людей. Вообще, главный поисковый признак скалы Аримаза – наличие пещеры, причем небольших размеров, постоянно игнорируется.

В Байсунских горах пещер не так много, и все они расположены на склонах моноклиналильных массивов (куэст) протяженностью 30–35 км, высотой 2,4–3,8 км, понижающихся на запад под углами от 15 до 30°. Байсунтау состоит из трех таких куэст: Кетмень-Чапты (юго-западная часть хребта), Ходжа-Гур-Гур-Ата (средняя часть) и Чуль-Баир (восточная часть). Они «образуют надвинутые друг на друга пластины, в которых геологический разрез повторяется: снизу залегают граниты, на них ложатся триасовые и нижнеюрские конгломераты и песчаники, выше залегают юрские известняки, местами перекрытые меловыми аргиллитами и неогеновыми песчаниками. В рельефе хребтов выделяются формы нескольких возрастных генераций. К наиболее древним относятся небольшие снеговые кары в массивных известняках, прекрасно сохранившиеся на больших высотах; широкие долины, развитые вдоль склонов (средние высоты); глубокие ущелья, прорезающие склоны хребтов (средние и малые высоты). Входы в пещеры обычно располагаются на восточных обрывистых склонах куэст (в 10–200 м от верха обрыва, близ контакта юрских известняков и триасовых песчаников), а также в гидрографической сети их западных склонов. Все пещеры района имеют схожее строение. Это неширокие наклонные, извилистые галереи, проработанные по падению или по восстанию пластов известняка или по трещинам, совпадающим с их простираанием, либо каньоны, проработанные по трещинам скалывания»¹⁰⁷.

В 1981 г. уральские спелеологи под руководством А. Ф. Рыжкова и А. С. Вишневого исследовали на массиве Кетмень-Чапты пещеру Зиндан, в 1985 г. – труднодоступную пещеру Фестивальная на массиве Ходжа-Гур-Гур-Ата. В 1987 г. на массиве Чуль-Баир было начато прохождение пещеры Бойбулок, несколько позже здесь работали итальянские и английские спелеологи. Исследование пещеры продолжается и по сей день, её длина составляет 14270 м, глубина достигает 1415 м, и в этом отношении она занимает 15-е место в мире¹⁰⁸.

Наверное, почти все жители Байсунского района знают о Бойбулоке, и ни одна другая пещера в этих местах не связана с таким количеством всевозможных преданий и легенд. Вероятно, именно поэтому она привлекла внимание ученых ещё в середине 30-х гг. прошлого века. Так, в полевых записях Н. Г. Маллицкого от 1935 г., любезно предоставленных Л. Л. Букинич, пишется о пещере, расположенной у вершины горы Курган и пройденной тогда по главной галерее на 200 м. «Внутри пещеры были найдены кремни, наконечники стрел, ножевидные пластины из темно-зеленой яшмы, скребки серого камня»¹⁰⁹. Расположена она в горном массиве Чуль-Баир на высоте 2700 м над уровнем моря, возле кишлака Курганча, а также кишлаков Дийболо (Дех-и Боло – Верхнее селение) и Диймалик (Дех-и Малик – Царское селение), в 30 км к северо-востоку от г. Байсун. Длина входной галереи пещеры действительно достигает 200 м, но даже при таких раз-

107 Вишневский, Мальцев, Дублянский, Дублянский, 2004, с. 74–93.

108 Вишневский, Мальцев, Дублянский, Дублянский, 2004.

109 Маллицкий, 2007, с. 224.

мерах она, как сказано выше, является только частью подземного каскада общей протяженностью более 14 км.

Из всех выявленных в Байсунских горах пещер только Бойбулок подходит под описание горного укрытия Аримаза и его многочисленной свиты, включая данные о том, что повсюду в пещере выступают источники воды, благодаря чему, собственно, Бойбулок и получил своё название¹¹⁰.

В этом же горном массиве Чуль-Баир берет начало река Халкаджар, в дельте которой расположены руины монументального сооружения, известного как городище Кизылтепа. Ни у кого не вызывает сомнений, что гибель Кизылтепа связана с приходом Александра в конце IV в. до н.э. Вполне возможно, что именно здесь располагалась резиденция Аримаза, которому вместе с ближним кругом и сопровождением достаточно было подняться всего 40 км вверх по реке, чтобы достичь искомой пещеры, должно быть, проверенного и надежного укрытия. Так, вероятно, и происходило в случае обычной военной угрозы в лице привычных врагов, но никто не предполагал, что Александр, не довольствуясь разграблением города, последует за ними в горы. Невероятно жестокое даже по меркам того времени наказание, постигшее Аримаза и его свиту, послужило недвусмысленным предостережением укrywшимся на двух других скалах опальным аристократам, усвоившим этот урок и не оказавшим уже активного сопротивления. Должно быть, именно здесь, как пишет Арриан, Александр захватил в плен семью Оксиарта и впервые увидел его дочь Роксану. В этой связи нелишне будет напомнить, что имя Оксиарт (греческая передача древнеиранского имени Вахшувар) сохранилось в названии кишлака Вахшевар (Вахшивар), расположенного не более чем в 8–10 км юго-восточнее пещеры Бойбулак.

После захвата Согдийской скалы Александр направился, по Арриану, на восток – в Паретаку, по Курцию Руфу, на север – к Самарканду. Вероятнее первый вариант, связанный с осадой скалы Хориена, информация о которой содержится только в тексте Арриана.

2. Скала Хориена в Паретакене

Захват скалы Хориена произошел или сразу после взятия скалы Аримаза, в том же 328 г. до н.э., ближе к зиме, или в самом начале 327 г. до н.э., ранней весной, после зимовки в Наутаке. Логичнее выглядит первый вариант, при котором выстраивается более ясная последовательность появления и действий известных исторических персонажей, таких как Сисимитр, Оксиарт, Хориен и, конечно, Роксана, сцена знакомства и женитьбы Александра на которой вообще является ключевым эпизодом.

Описание скалы Хориена содержится только в сочинении Арриана: *«Александр, покончив с делами в Согдиане и овладев Скалой, пошел на паретаков. Говорили, что множество варваров держит там в своей власти одно неприступное место, другую скалу, которая называется скалой Хориена. Туда укрылся сам Хориен и немало других князей. Скала эта высотой была в 20 стадий, окружностью же в 60. Была она со всех сторон отвесная, и вела на неё только одна дорога, причем узкая и неудобная,*

110 Вероятно, к этому же району относится сообщение китайских хроник о том, что на севере Тухоло (Тохаристан) есть горы Поли, где в пещере на южном склоне живет волшебный конь, от которого рождаются знаменитые потокровные жеребята (Малаявкин, 1989, с. 68–69).

устроенная наперекор природе этого места. Взойти по ней было трудно даже при отсутствии всякого сопротивления и двигаясь поодиночке. Скалу опоясывала глубокая пропасть, и тому, кто задумал бы подвести войско к этой скале, нужно было задолго до этого засыпать эту пропасть, чтобы повести штурм с ровного места. Александр всё равно взялся за дело... Он велел нарубить елей (вокруг горы росло множество очень высоких елей) и наделать лестниц, чтобы войско могло спуститься по ним в пропасть: иначе сойти туда было невозможно». Несколько дней и ночей безостановочно солдаты Александра сооружали опоры для моста через пропасть – настила из ивовых плетенок и земли. «Варвары сначала с пренебрежением отнеслись к этим работам, как к совершенно пустой затее. Когда же стрелы стали попадать уже на скалу и варвары, сидя наверху, оказались бессильны помешать македонцам (у них был сделан навес, под которым они могли работать, не боясь стрел), то Хориен испугался и послал глашатая к Александру, прося прислать к нему Оксиарта». Оксиарт пришел к Хориену и убедил его сдать крепость. «Хориен послушался его и сам пришел к Александру в сопровождении нескольких родственников и друзей. Александр ласково принял Хориена, заверил его в своей дружбе, но не отпустил его и предложил отправить несколько человек из тех, кто пришел вместе с ним, обратно на скалу с приказом сдать ее. Беглецы, собравшиеся там, сдали ее. Александр с 500 щитоносцев сам поднялся туда, чтобы осмотреть крепость и настолько был он далек от мысли о жестокой расправе с Хориеном, что поручил ему ведать этой крепостью и оставил его князем в тех местах, куда назначил его и раньше.

Войско Александра очень страдало от зимней непогоды, во время осады случились большие снегопады; мучительно ощущался недостаток съестных припасов. Хориен пообещал доставить войску еды на два месяца; из запасов, сложенных в крепости, он доставил хлеба, вина и солонины, рассчитав количество по палаткам. При этом он сказал, что из заготовленного на случай осады он не изстратил и десятой части. Александр после этого стал особенно уважать его, так как он сдал крепость не по необходимости, а по свободному решению» (Арриан. IV. 21. 1–10).

Как сказано выше, существует предположение об идентичности скалы Хориена и скалы Сисимитра¹¹¹, хотя, по источникам, и размеры их разные, и находятся они в разных областях. Скала Хориена находилась в Паретаке, а скала Сисимитра – в области Наутака, то есть много западнее Паретаки. Ясно, что искать крепость Хориена необходимо в районе верхней Сурхандарьи, скорее всего, близ кишлаков Вахшевар и Сина. На стратегическое значение последнего указывает факт возведения здесь в кушанский период, как у Железных ворот в Дербенте, каменной стены длиной 5 км и шириной 3 м¹¹². И вовсе не случайно много позже, в 1063 г. мятежный саганианский амир Муса «при приближении сельджукидских войск к городу с большим числом воинов ушел в крепость на вершине горы, сопоставляемую с Кыз-Курганом у кишлака Сина»¹¹³.

Длина окружности горы Кызкурган составляет около 14 км, максимальная высота 1760 м над уровнем моря; на склоне её сотрудики

111 Пьянков, 1982, с. 44–46; Ртвеладзе, 1999, с. 104–109.

112 Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 57.

113 Ртвеладзе, 1989, с. 108.

УзИсКЭ находили фрагменты керамики V–IV вв. до н.э. Прямой намек на возможность идентичности Кызкурмана с одной из скал античных историков содержится в работах Э. В. Ртвеладзе¹¹⁴. Дополнительное подтверждение версия о тождестве скалы Хориена в стране паретаков и горы Кызкурман близ кишлаков Сина и Вахшевар получила в результате последних исследований французских ученых в данном районе¹¹⁵.

3. Скала Сисимитра в Наутаке; скала Сисимитры в Бактриане

В том же 328 г. до н.э. «...царь прибыл со своим войском в область, которую называют Наутака.

Сатрапом был Сисимитр, который от своей матери прижил двух сыновей, так как у них позволяется родителям вступать в связь с детьми. Этот Сисимитр, вооружив своих соотечественников, заградил сильным укреплением наиболее узкое место входа в область. Мимо протекала быстрая река, тыл закрывала скала; в ней жители вручную пробили проход. В начале этого прохода ещё светло, но внутри, если не внести свет, царит темнота. Непрерывный подземный ход, известный только местным жителям, выводит в поля. Хотя варвары сильным отрядом защищали ущелье, укрепленное самой природой, Александр подведенными таранами разбил укрепления, сделанные человеческой рукой; он отбросил пращами и стрелами большинство врагов, сражавшихся впереди; рассеяв их и обратив в бегство, по руинам укреплений он подвел войско к скале. Однако дорогу преграждала река, вбирающая в себя воды, стекающие в долину со склонов гор. Казалось, стоило огромного труда завалить пучину. Всё же царь велел рубить деревья и валить камни. При виде мгновенно выросшего огромного завала страх охватил варваров, не знавших до сих пор ничего подобного. Итак, царь, рассчитывая страхом принудить их к сдаче, послал к ним Оксарта, принадлежавшего к тому же племени, но покорного Александру, уговорить вождя отдать скалу. Между тем, чтобы сильнее утратить варваров, стали подводить башни, и в воздухе замелькали стрелы, пущенные из метательных машин. Не надеясь ни на какую защиту, варвары бежали на вершину скалы. Оксарт стал убеждать дрожавшего и изверившегося в своей судьбе Сисимитра довериться македонцам ...Сам Сисимитр был готов сдаться, однако его мать (и в то же время жена) заявила, что предпочтет умереть, чем попасть под чью-либо власть» (Курций Руф. VIII. 2. 19–28). Поколебавшись, Сисимитр решил не сдаваться, но сразу же передумал, вернул Оксарта (Оксарта), сообщил о новом решении и вместе с женой, детьми и родственниками, даже не дождавшись залога верности, последовал за Оксартом. Александр «возвратил Сисимитру его владения и даже обещал дать ему большую провинцию, если он будет верно сохранять с ним дружбу. По требованию Александра Сисимитр отдал двух своих сыновей для военной службы при царской особе» (Курций Руф. VIII. 2. 29–33).

Многие исследователи сразу обратили внимание на сходство в описании узкого ущелья, через которое пролегла дорога к скале Сисимитра, с позднейшими впечатлениями путешественников, проходившими через Железные

¹¹⁴ Ртвеладзе, 2002, с. 139–141.

¹¹⁵ Рапэн, Бо, Грене, Рахманов, 2006, с. 99.

ворота. В данном случае не имеет значения, где находился проход Железные ворота – по реке Шуроб, в ущелье Бузгалахона или в каньоне Мачайдарьи. Если допустить, что Александр, сокрушив передовые заставы и форсировав реку, подошел к скале с юга, то оба ущелья, так или иначе, выводят к горному массиву Капкаглы-Аузы близ селения Акрабат, который, по мнению К. Рапэна, и является скалой Сисимитра¹¹⁶.

Куэста Капкаглы-Аузы представляет собой овальное в плане поднятие с плоской вершиной и возвышением в южной части до 1726 м над уровнем моря; длина окружности составляет 15–20 км. Размеры и внешний вид гор совпадает с описанием скалы Сисимитра Страбоном: *«Благодаря измене он овладел также двумя сильными укреплениями на скалах: одним укреплением Сисимитры в Бактриане, где у Оксиарта жила дочь Роксана, и другим – Окса в Согдиане (или, как говорят другие, Ариамаза). Рассказывают, что высота скалы Сисимитры 15 стадий и 80 стадий в окружности. На вершине скала плоская и покрыта плодородной землей, способной прокормить 500 человек. Там Александр был принят с гостеприимной роскошью и отпраздновал свадьбу с Роксаной, дочерью Оксиарта. Как говорят, скала в Согдиане в 2 раза выше бактрийской. Вблизи этих мест Александр разрушил также город Бранхидов, которых поселил там Ксеркс»* (Страбон. XI. XI. 4).

С доводами К. Рапэна трудно не согласиться, особенно если принимать во внимание, что маршрут войск Александра пролегал не по реке Шуроб, а по каньону Мачайдарьи, который больше соответствует описанию античных историков. В противовес мнению о тождестве скалы Сисимитра и гор Сусизтаг (крепость Узундара) новая версия, предложенная французскими коллегами, кажется более убедительной, но с одной оговоркой. Прорыв македонских войск через заслоны в узком ущелье и преодоление реки, отнесенные К. Рапэном почему-то к эпизоду захвата скалы Аримаза, на наш взгляд, связаны исключительно с боевыми действиями на подступах к скале Сисимитра, как это следует из приведенной выше цитаты.

Если выбирать из двух дорог, ведущих из Сурхандарьи в Кашкадарью, по Шуробу или Мачайдарье, вторая, хоть и труднее и не всегда открыта, но намного короче и, похоже, древнее. Эта дорога соединяет кишлаки Дербент и Мачай, а от Мачая через кишлак Ходжадахъяк выводит прямо к селению Акрабат. Конечно, на дороге у русла Шуроба уже в конце III – начале II в. до н.э. была выстроена знаменитая стена, функционировавшая как в греко-бактрийское, так и в кушанское время. В самом кишлаке Шуроб сохранились остатки тепа I–II вв. н.э., южнее его найден средневековый караван-сарай X–XI вв. Но на второй дороге имеются ещё более древние находки: вход в каньон из Дербента, т.е. с юга, блокирует Капчигайтепа, где имеются материалы и средневековые, и второй половины III в. до н.э. (рис. 110) с севера проход замыкает крепость Мачайкурбан (рис. 111), где сотрудники Байсунской археологической экспедиции находили керамику кушанского, раннесредневекового, домонгольского периодов, а недавно и фрагменты раннеэллинистического времени, очень похожие на керамику из Курганзола¹¹⁷. Стоит вспомнить, что крепость стоит на вершине того самого холма, где когда-то велись раскопки неолитической стоянки Мачай и где в 70-е годы обнаружили скелеты длинноголовых евро-

116 Рапэн, Бо, Грене, Рахманов, 2006, с. 99–100.

117 Сверчков, 2005, с. 36–37; 2007. с. 9.

Рис. 110. Горный проход по руслу Мачайдарьи (Шерабадарьи) на восточной окраине кишлака Дербент. Вид с юга.

пеоидов средиземноморского типа – мужчины, женщины и двух детей¹¹⁸. Так называемая «пещера» Мачай представляет собой неглубокую выемку в конгломератовой толще, и можно только догадываться, свидетельством каких трагических событий могут быть найденные останки. Судя по условиям залегания, к эпохе неолита они не относятся, и не исключена их связь с войнами времени Александра, хотя, конечно, уверенности в этом вопросе быть не может.

Дорога из Сурхандарьи по Мачайдарье, при всей своей привлекательности, не очень хороша для караванов, но для армии Александра это был кратчайший, а значит, наилучший маршрут для выхода в Наутаку – область верховьев Кашкадарьи. Тот факт, что Курций Руф помещает скалу Сисимитра в Наутак, а Страбон – в Бактрии, легко объясним. Долина реки Кичик Урадарьи, южнее которой расположены горы Капкаглы-Аузы, географически обособлена как от района верхней Кашкадарьи – Наутаки, так и Сурхандарьи, хотя исторически во многих отношениях близка и той, и другой. Точно так же никто не знает, назывались Байсунские горы согдийскими или бактрийскими, как не знали это античные авторы, а, может быть, и местные жители того времени. С определенной долей уверенности можно только сказать, что скала Сисимитра не относилась к области Паретака.

К сожалению, археологические исследования мест, где предположительно находились крепости-скалы, кроме обычных разведок, практически не проводились. С технической точки зрения это не так просто, а в случае с предполагаемой скалой Аримаза требует специального спелеологического оборудования для работы в пещере Бойбулок. Пока в своих умозаключениях мы можем опираться на более или менее твердо установленные факты, принимая во внимание данные раскопок крепости Курганзол с учетом её географического

¹¹⁸ Исламов, 1975, с. 36.

Рис. 111. Крепость Мачайкурган в кишлаке Юкори Мачай.

положения по отношению к трем искомым скалам. Исходя из этого, последовательность действий войск Александра в 328 г. до н.э. представляется следующим образом: вслед или одновременно со строительством крепости Курганзол Александр завоевывает первую из скал – скалу Аримаза. Она отождествляется с куэстой Чуль-Баир с пещерой Бойбулок в Байсунском районе Сурхандарьинской области. Расстояние от Курганзола до пещеры составляет около 40 км, столько же, сколько от одного из крупнейших в Сурхандарье того времени городища Кизылтепа, знатные люди которого во главе с Аримазом, вероятно, искали убежища в горном укрытии. Может быть, именно здесь, как пишет Арриан, Александр захватил в плен семью Оксиарта и впервые увидел его дочь Роксану. В этом случае объясняется и последующее непротивление Оксиарта, и его участие в качестве парламентаря от Александра при взятии двух остальных скал, Хориена и Сисимитра. Из источников невозможно понять, которая из них была захвачена первой, но трудно представить, чтобы Александр ушел в Наутаку, оставив в тылу мятежную Паретаку с ее оплотом – скалой Хориена.

Относительно локализации крепости Хориена на горе Кызкурган возле селений Сина и Вахшевар Денауского района Сурхандарьинской области отмечается редкое для археологов, работавших непосредственно на месте, единодушие.

Скала Сисимитра в Наутаке отождествляется с куэстой Капкаглы-Аузы в Дехканабадском районе Кашкадарьинской области, близ селения Акрабат. По Страбону, именно в крепости Сисимитра Александр отпраздновал свадьбу с Роксаной, но вероятнее это ключевое для историков событие произошло до штурма этой крепости, иначе трудно объяснить особую роль отца Роксаны Оксиарта при ведении переговоров о сдаче как скалы Сисимитра, так и Хориена.

Более обстоятельно, но безотносительно к месту действия о свадебной церемонии пишет Курций Руф. «Затем он [Александр] прибыл в область,

во главе которой стоял знатный сатрап Оксиарт, он сдался на милость царя. Царь же, возвратив ему власть, потребовал от него только, чтобы двое из трех сыновей Оксиарта служили в его войске. Сатрап отдает ему даже того сына, который оставался при нем. С варварской пышностью он задал пир, на который пригласил царя. Когда веселье на пиру было в разгаре, сатрап приказал ввести 30 знатных девушек. Среди них была его дочь по имени Роксана, отличающаяся исключительной красотой и редким у варваров изяществом облика. ... Александр сказал, что для укрепления власти нужен брачный союз персов и македонян: только таким путем можно преодолеть чувство стыда побежденных и надменность победителей». Брак Александра и Роксаны был узаконен по древнему македонскому обычаю (Курций Руф. VIII. 4. 21–27). Вероятнее всего, этот эпизод относится к промежутку времени между осадой скалы Аримаза и захватом скал Хориена и Сисимитра. Должно быть, свадебная церемония состоялась в Паретаке, одним из знатнейших людей которой, несомненно, являлся сам Оксиарт. Его имя в греческой форме передает иранское Вахшувар, и не исключено, что дошедшее до наших дней название кишлака Вахшевар в 20 км северо-западнее города Денау означает указание на родовое владение Оксиарта и место сочетания Александра и Роксаны.

В сравнении с рассмотренным выше частным эпизодом свадьбы Александра и Роксаны трудности понимания зачастую бессвязных текстов письменных источников намного существеннее, когда затрагиваются вопросы исторической географии правобережья Амударьи середины I тыс. до н.э. Это касается как отдельных историко-культурных областей, так и некоторых городов, названия которых иногда просто упомянуты в античных источниках.

4. Паретакена; Габаза; Оксиана

Во избежание путаницы прежде всего необходимо уточнить, что

из источников мы знаем две страны под названием Паретака или Паретакена. Одна, западная Паретакена располагалась к югу от Каспия, в горах Загроса: *«На востоке Великая Мидия граничит с этим племенем, а также с паретакенами (горным и разбойничьим племенем), которые примыкают к персам»* (Страбон. XI. XII. 4; XI. XIII. 6; XV. II. 8).

Восточная Паретакена-Паретака («Поречье») – будущий средневековый Чаганиан – это область верхнего течения реки Сурхандарьи, в основном, её правых притоков. Будет совершенно неправомерно распространять это название чуть ли не на всю северную часть современной Сурхандарьинской области. Паретакена соотносится исключительно с Верхнесурханской котловиной (Денауский район), где после исследований 2000–2002 гг., помимо известных материалов из нижнего слоя городища Халчаян, было найдено ещё тринадцать памятников середины I тыс. до н.э., т.е. предахеменидского и ахеменидского периода. Такой высокой степени концентрации памятников ахеменидского времени, как в округе Денау, в Сурхандарьинской области больше нет нигде, и, похоже, главным среди них было городище Наврузтепа у южной окраины г. Денау¹¹⁹. Э. В. Ртвеладзе предполагает, что столичным центром Паретакены являлось известное городище Кизылтепа в дельте Халкаджара (Алтынсайский

119 Страйд, Сверчков, 2004, с. 96–97.

район)¹²⁰, однако территориально оно занимает совершенно обособленное положение, составляя отдельный Халкаджарский (или Миршадинский) оазис.

Для VI–IV вв. до н.э. район Шурчи–Денау (Паретаки) занимал в Сурхандарье первое место по плотности населения, которая в целом на правобережье Амударьи была крайне невысокой. На общем фоне необжитого пространства памятники ахеменидского времени расположены поодиночке или совершенно обособленными группами из 2–3 памятников, отчего по отношению к ним и был предложен термин «оазис». Э. В. Ртвеладзе, который ввел в научный оборот это понятие, подразумевал не оазисы аравийской пустыни, а тот специфический тип расселения, когда скопления памятников выглядят небольшими географически изолированными островами.

Сложение Паретакены как исторической области генетически восходит к древнебактрийской цивилизации, в то время как в южных предгорьях Байсунского хребта, невзирая на все поиски, нет ни одного памятника не только эпохи бронзы (БМАК), но даже ахеменидского времени. В Байсунской предгорной котловине самыми древними является крепость Курганзол конца IV в. до н.э., а также материалы из нижнего слоя расположенного рядом Поенкурмана. Можно предполагать, что дорога от Амударьи к Железным воротам функционировала и в ахеменидский период, но отсутствие памятников VI–IV вв. до н.э. ставит под сомнение сложившееся представление о вхождении пространств Байсунтау, а также Кугитангтау в состав Паретаки.

В предгорьях Кугитанга мы знаем только два памятника ахеменидского времени: Дабилкурман в кишлаке Пашкурт в 30 км восточнее Шерабада¹²¹ и Мадунтепа в одноименном кишлаке в 6 км к югу от селения Акратат¹²². Дабилкурман стоит особняком от сопредельных синхронных памятников и, вероятно, связан с добычей каменной соли. Городище Мадун находится в Дехканабадском районе Кашкадарьинской области неподалеку от горы Капкаглы-Аузы, предполагаемой скалы Сисимитра в Наутаке. Как подчеркивает Э. В. Ртвеладзе, город расположен на пути, который, начинаясь у переправы в Келифе, вел вдоль западных отрогов Кугитангтау в Карши–Ксениппу и Шахрисабз–Наутаку. Если принимать к сведению слова Страбона, что город Бранхидов находился вблизи скалы Сисимитра, тогда городище Мадун можно рассматривать как вполне вероятного претендента на отождествление с этим городом, уничтоженным Александром в ходе первой военной кампании, в 329 г. до н.э.

Как сказано выше, горные просторы Кугитанга и юго-западной части Байсунтау в VI–IV вв. до н.э. были необитаемы, поэтому отнесение этой зоны, часто носящее автоматический характер, к области Габаза или, тем более, далекой Паретакене необоснованно. Как следует из текста Курция Руфа, Габаза – название горной лесистой местности, через которую в начале 327 г. до н.э. Александр повел свои войска, направляясь на юг после зимовки в Наутаке. Здесь они попали в страшную снежную бурю, едва их не погубившую, и если бы Сисимитр не пришел им на помощь, пригнав крупный и мелкий рогатый скот, а также вьючных животных и 2000 верблюдов, вряд ли состоялся индийский поход Александра (Curtius Rufus. VIII. 4. 1–20).

120 Ртвеладзе, 2002, с. 133.

121 Ртвеладзе, 1975, с. 265.

122 Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 52.

Ни у кого не возникает сомнений, что Габаза располагалась между Наутакой (район верховьев реки Кашкадарья) и Паретакой. Ошибочно подразумевая под страной паретаков невероятно обширную территорию – почти всю северную часть современной Сурхандарьинской области, Габазу помещали в районе города Гузар¹²³ или в горах Кугитангтау¹²⁴. Принимая во внимание, что Паретака–Поречье, хоть и была густонаселенной страной, но охватывала не столь большое пространство, думается, Габазу надо искать в юго-восточной части Кашкадарьинской области. Наиболее перспективным кажется район междуречья (среднего течения) рек Катта Урадарья и Кичик Урадарья, причем вторая из рек протекает всего в 15 км от горы Капкаглы-Аузы – предполагаемого убежища Сисимитра, спасшего от голода войско Александра.

Э. В. Ртвеладзе подробно исследовал все письменные источники, где в той или иной форме упоминается область Габаза, данные топонимики по Кашкадарьинской и Сурхандарьинской области, которые, кстати, определенно указывают на район Акрабата, и рассмотрел различные варианты происхождения самого названия «Габаза», имеющего, несомненно, древние корни¹²⁵.

Продолжая тему, позволительно предположить, что название Габаза может происходить от наименования авестийской страны Гава Сугдийская. Существовавшая в первой половине I тыс. до н.э. Гава Сугуда находилась на севере Арьянэм-Вайчах, т.н. «арийского простора», приблизительно на территории современной Кашкадарьинской области, где только для района верховьев Кашкадарьи известно, как минимум, 22 памятника предахеменидского и ахеменидского времени¹²⁶. Вероятно, ко времени походов Александра древняя Гава Сугуда распалась на те новые образования, имена которых засвидетельствованы античными историками. В конце IV в. до н.э. область нижней Кашкадарьи уже называлась Ксениппа, восточнее, в районе верхней Кашкадарьи появилось название Наутака, и только в наименовании Габаза – области к югу от Наутаки и к северу от Паретака – могли сохраниться отголоски древней авестийской традиции.

Кратчайший и прямой путь из Наутаки в Паретаку давно известен и существовал задолго до Александра. Он начинался у городища Даратепа и через перевал Ташкурман приводил непосредственно в район верхней Сурхандарьи, современный Денау. Соответственно, как установил А. С. Сагдуллаев, эта дорога проходила через Габазу, и горные условия ташкурманского перевала абсолютно соответствуют тому ужасу, что испытали солдаты Александра при её прохождении¹²⁷. Похоже, после этого похода Александр уже не вел никаких боевых действий к северу от Амударьи, перейдя которую в 327 г. до н.э., навсегда покинул Трансоксиану. Последняя амударьинская переправа происходила возле какой-то крепости, которую И. В. Пьянков совершенно логично помещает в низовьях Сурхандарьи, в конце линии Наутака – Газаба – Паретака – Термез¹²⁸.

В Термезе, по мнению, впервые высказанному А. Тарном, Александр основал город своего имени – Александрию Оксианскую, что было полностью под-

123 Пьянков, 1982, с. 45.

124 Ртвеладзе, 1999, с. 107–108.

125 Ртвеладзе, 2002, с. 123–127.

126 Сагдуллаев, 1987, с. 131; 2002, с. 7–8.

127 Сагдуллаев, 1987, с. 133–134.

128 Пьянков, 1982, с. 45.

держано Ш. Р. Пидеевым, многие годы посвятившим исследованию городища Старого Термеза¹²⁹.

Относительно недавно Ф. Грене и К. Рапэн привели дополнительные доводы и дали развернутое обоснование предложенной А. Тарном версии. Авторы помещают область народа оксианов, в которую, по их мнению, входил и Термез, в нижнем течении рек Сурхандарья, Кафирниган и Вахш. В Термезе Александр основал Александрию Оксианскую, переименованную позже в Антиохию Тармиту¹³⁰. Базовым доказательством тождества Термез–Александрия является упоминание в Эпитоме Меца городка (*orpidum*) Тармантис на реке Оке, куда вслед за Бессом в 329 г. до н.э. приходит Александр¹³¹. Доводы, подтверждающие идентичность Термеза и Александрии, убедительны и несколько не противоречат имеющимся археологическим материалам.

С другой стороны, в низовьях реки Кафирниган для VI–IV вв. до н.э. имеется группа памятников Кобаданского оазиса, которая тоже, надо полагать, относилась к стране оксианов. Когда-то сами сторонники идеи о тождестве городища Старого Термеза и Александрии определили место переправы греческих войск в 328 г. до н.э. через Ох (Пяндж) и Окс (Вахш) в этом районе. Концентрация бродов здесь невероятно высока, и преодоление реки не сопровождается особыми трудностями, не в пример термезской переправе.

В нижнем течении реки Вахш, у слияния его с Пянджем расположено знаменитое городище Тахти Сангин (Тахти Кубад-2), чуть южнее – незаслуженно обойденный вниманием Тахти Кубад-1. Тахти Сангин – храм Окса прославился находками шедевров эллинистической эпохи, Тахти Кубад-1 стал известен благодаря кладу ахеменидского времени. Указание на Тахти Кубад-1 как на место обнаружения в 1877 г. знаменитого Амударьинского клада подтверждается двумя независимыми свидетельствами современников известных событий конца XIX в.¹³² Уже в то время большая часть городища была уничтожена рекой и представить его истинные размеры нам вряд ли когда-нибудь удастся. В этом отношении Тахти Кубад-1 постигла участь большинства памятников Средней Азии, стоящих на северном берегу Амударьи или Сырдарьи: тот же Старый Термез, Кампыртепа, Ахсикет, Пап, Шахрухия и многие другие.

Но в данном случае хотелось бы обратить внимание на взаимосвязь городищ Тахти Сангин и Тахти Кубад-1, не столько территориальную, сколько хронологическую. О предшественнике храма Окса, несомненно, уже существовавшего в V–IV вв. до н.э., Ф. Грене и К. Рапэн пишут, но вопрос, где мог быть храм ахеменидского времени, по вполне понятным причинам не рассматривают¹³³. Судя по тем данным, которыми мы располагаем, Тахти Кубад-1, будучи древнее, не может быть синхронизирован с городищем Тахти Сангин, да и сосуществование двух городищ в пределах ограниченного пространства выглядело бы довольно странно. Нельзя исключать, что каждое из них может соответствовать определенной стадии развития одного и того же города. По своему значению он точно не уступал Термезу, тоже располагался в стране оксианов и тоже мог называться Александрией Оксианской, поэтому сомнения в тождестве

129 Пидеев, 1992, с. 53–55.

130 Grenet, Rapin, 2001, с. 82–84.

131 Рапэн, Бо, Грене, Рахманов, 2006, с. 92–93.

132 Зеймаль, 1979, с. 11–15.

133 Grenet, Rapin, 2001, с. 85.

Александрии и Термеза останутся до тех пор, пока не будет проведено археологическое исследование городища Тахти Кубад.

Город на месте городища Тахти Кубад-1 возникает в ахеменидский период, а при Александре мог подвергнуться реконструкции и получить его имя. Вероятно, где-то в III–II вв. до н.э. население перемещалось выше по течению реки Вахш, где постепенно отстраивается новый город (Тахти Сангин) и где уже не надо было опасаться разрушения береговой линии.

Для себя подобные изменения в топографии города мы называем «системой блуждающих городищ». Постоянное перемещение населения в пределах одного района, связанное с освоением новых территорий и созданием новых поселений или с возвращением в прежние места обитания, было обусловлено совокупностью многих причин, основой которых являлся природный фактор. В условиях засушливого степного и полупустынного климата с нестабильными и постоянно меняющимися водными ресурсами баланс общества и окружающей среды носит чрезвычайно хрупкий характер. Достаточно было возникнуть напряжению любого порядка, природно-экономического, социального или политического, чтобы нарушить сложившееся равновесие. Примеров подобного рода в истории Средней Азии множество, и классическим из них являются городища древнего Мерва.

Александрия Оксианская – один из немногих бактрийских городов, построенных Александром взамен десятков разрушенных и уничтоженных. Прекращение жизни на большинстве памятников ахеменидского времени Сурхандарьи (и не только) приходится на конец IV в. до н.э., и есть все основания видеть в этом реальные последствия греко-македонского завоевания. В Паретаке, Маргании, Наутаке и, вероятно, ещё многих других областях, названия которых нам неизвестны, были и большие селения, и города, возникшие задолго до Александра. На правобережье Амударьи сложение историко-культурных провинций восходит ко II тыс. до н.э. И связано с носителями Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК). Появление первого поселения в Бандыханском оазисе, предполагаемой Маргании, относится к эпохе бронзы, как и в Паретаке – Верхнесурханской котловине. Тогда же происходит заселение Гиссарской и Вахшской долин, положившее начало сложению ещё двух исторических областей – Оксианы и Бубакены¹³⁴. Археологические комплексы поселений в районе Денау, Шурчи и Тандырйула, Кангуртута, Тегузака практически идентичны, разве что в памятниках к востоку от горного хребта Бабатаг сказывается большее «степное» влияние. Области верхней Кашкадарьи – Наутаки и предполагаемой Габазы на юге Кашкадарьинской области осваиваются наследниками бактрийско-маргианской археологической традиции позже, приблизительно в первой половине I тыс. до н.э. Но и до походов Александра и после все эти области, как бы они в последующем не назывались, всегда составляли единое культурно-историческое пространство.

134 Относительной границей Бубакены и Паретакены, скорее всего, был Бабатаг. Много позже, в средние века на месте бывшей Бубакены располагались тохаристанские владения Шуман и Ахарун. В бассейне среднего и нижнего течения реки Вахш находилась одноименная область Вахш, в домонгольский период входившая в состав Хутталана.

Крепость Курганзол – уникальный памятник эпохи раннего эллинизма, точнее, времени походов Александра Великого, в соответствии с выбором и по приказу которого, как предполагается, он был построен. Обнаружение и последующие раскопки Курганзола, с учетом результатов новейших археологических исследований на правобережье Амударьи, позволили уточнить некоторые популярные исторические обобщения или склонить «чашу весов» в пользу той или иной трактовки известных по письменным источникам событий.

Комплекс керамики, полученный из раскопок крепости, и сопоставление его с материалами других памятников эпохи эллинизма, надеемся, помогли в решении извечного вопроса о времени появления многих известных городов, основание которых в античной и устной традиции часто приписывалось Александру. В частности, тот факт, что в Курганзоле выявлена керамика, идентичная той, что давно известна по раскопкам городища Айханум и Старого Термеза, позволяет увереннее датировать ранние слои этих городов и напрямую соотнести их возникновение со строительной деятельностью Александра или его сподвижников в конце IV в. до н.э.

В то же время, как безмолвно свидетельствуют археологические материалы, будет глубочайшим заблуждением уделять всё внимание исключительно тому «размаху строительства» и тем «благам», что принес Александр на завоеванные территории. Греко-македонская армия вторглась в страну, где задолго до их прихода уже имелись города и селения, составлявшие отдельные владения, которыми правила группа относительно равных между собой аристократов. В слоях памятников VIII–IV вв. до н.э. отсутствуют признаки насильственных действий, преемственность культурных традиций происходила непрерывно и без каких-либо радикальных изменений.

При появлении внешнего врага и при полном отсутствии жёсткой централизации каждое владение, город, отдельное селение становилось очагом сопротивления, и поэтому не могло быть в Средней Азии того единственного переломного сражения, чтобы решить судьбу всей страны, как это было в Иране и других государствах Востока. Земли за Амударьей превратились в одну сплошную зону боевых действий, поэтому, наверное, количество пострадавших в конце IV в. до н.э. поселений нигде не было столь велико, как в междуречье Амударьи и Сырдарьи. В общих чертах та же ситуация повторилась в ходе арабского завоевания Мавераннахра, растянувшегося по времени более, чем на 100 лет.

В конце IV в. до н.э. жизнь подавляющего большинства городов и поселений Средней Азии резко обрывается, и многие из них навсегда превратились в руины. От берегов Амударьи до левобережья Сырдарьи мы можем наблюдать одну и ту же картину: сожжённые и разрушенные селения, уничтоженные города, стены и башни которых, как в Кизылтепа – городе-резиденции, разбиты и забытаны. В Бандыхане, отождествляемом с городом Маргании, был разрушен

и, вероятно, осквернен храм, и пример этот, наверняка, не был единственным. Не случайно в зороастрийской традиции Александр до сих пор считается земной ипостасью Ахримана – живым воплощением вселенского Зла.

В отличие от Курганзола, в то время только возникшего, и Афрасиаба, впоследствии возродившегося, Коктепа, Кизылтепа и Бандыхан и еще очень многие памятники Средней Азии в конце IV в. до н.э. погибли окончательно и были заброшены навсегда. Даже если при раскопках подобных объектов археологи не находят фрагментов эллинистической керамики, это не означает, что Александр здесь не был. Ровно наоборот, количество опустевших в конце ахеменидского периода поселений со следами насильственного разрушения недвусмысленно свидетельствует о визите греко-македонской армии.

Взамен всеобщего разрушения Александр в междуречье Сырдарьи и Амударьи оставил два наскоро построенных города – Александрию Эсхату и Александрию Оксианскую, чьи остатки мы до сих пор даже не можем точно идентифицировать, и несколько крепостей, одна из которых – Курганзол – определена, должно быть, точно. В отношении двух Александрий название «город» носит, скорее, условный характер, таковыми они становятся позже, а тогда, в конце IV в. до н.э., это были обычные военные базы на окраинных точках империи Александра. Александрия Дальняя стояла на границе с «европейскими скифами», Александрия Оксианская охраняла главную амударьинскую переправу.

Устройство в 328 г. до н.э. линии крепостей, в том числе Курганзола, тоже, разумеется, диктовалось соображениями военно-стратегического порядка. Без создания такого рода блокпостов стали бы проблематичными и захват горных укреплений – скал, и завоевание Паретакены, к тому же крепости несли обычные дозорно-сторожевые функции по охране дороги из долин рек Кафирниган и Вахш к Железным воротам.

Как следует из раскопок Курганзола, ответ «варваров» последовал незамедлительно, вероятно, вскоре после ухода Александра в 327 г. до н.э. или его смерти в 323 г. до н.э., и по своей жестокости и ненависти был равнозначен действиям греко-македонской армии. Не смог удержать Курганзол и кто-то из преемников Александра в Бактрии, македонец Филипп или грек-киприот Стасанор, хоть и предпринял попытку восстановления крепости. С большей легкостью, но с не меньшей ненавистью Курганзол вновь был захвачен, разорен и сожжён, в чем проявилась совершенно адекватная реакция на поступки завоевателей.

Крепость Курганзол навсегда прекратила своё существование в самом начале эпохи эллинизма, разделив участь многих известных и неизвестных поселений Средней Азии, погибших раньше, в конце ахеменидского периода, но точно так же никогда не возродившихся. Наверное, только после масштабных археологических исследований подобных памятников, относящихся ко второй половине IV в. до н.э., представится возможность узнать подробности этого исторического противостояния в деталях. Пока хотелось бы надеяться, что открытие и раскопки крепости Курганзол дополнили и, может быть, в чем-то изменили традиционные представления по истории и исторической географии Средней Азии. Исследования последних лет, предпринятые учеными разных стран и базирующиеся, разумеется, на научных достижениях предшествующих столетий, придали, как нам кажется, новый импульс в изучении крайне важной для истории всего человечества эпохи эллинизма.

Сводные таблицы основных типов керамики крепости

Курганзол

(составлены в соответствии с процентным соотношением форм)
слева – керамика этапа 1, справа – этапа 2

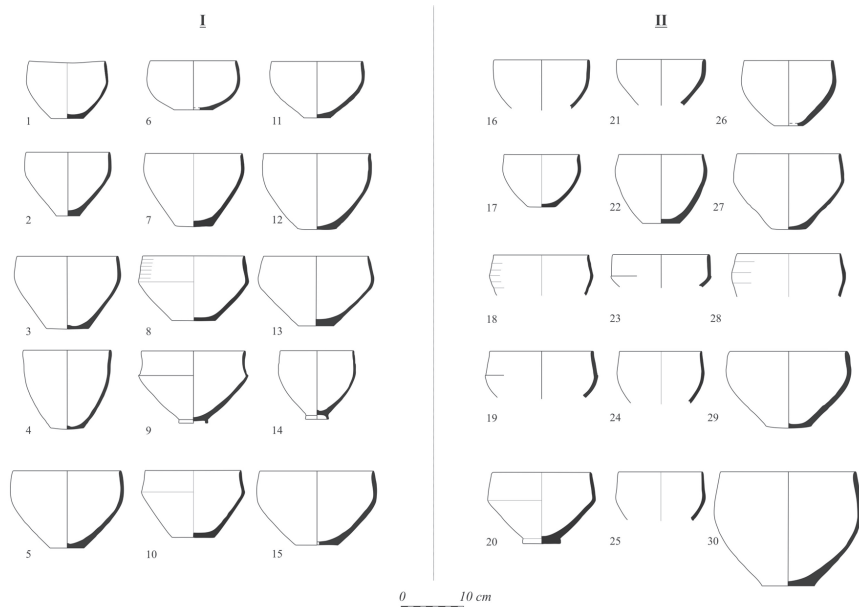

Табл. I. Кубки.

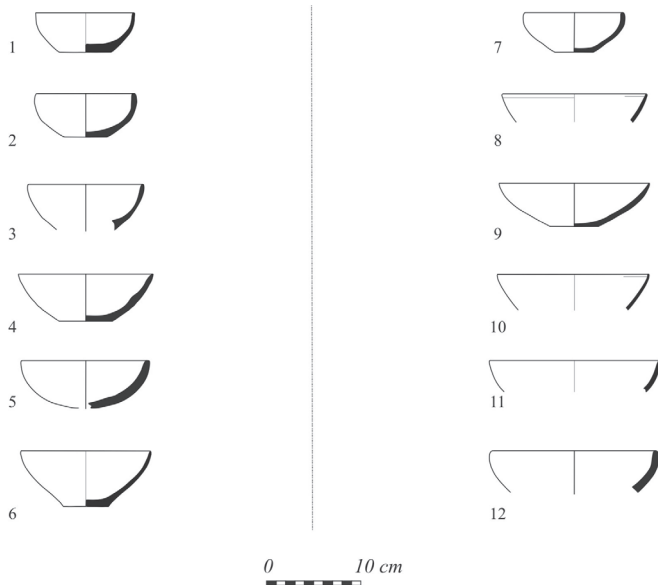
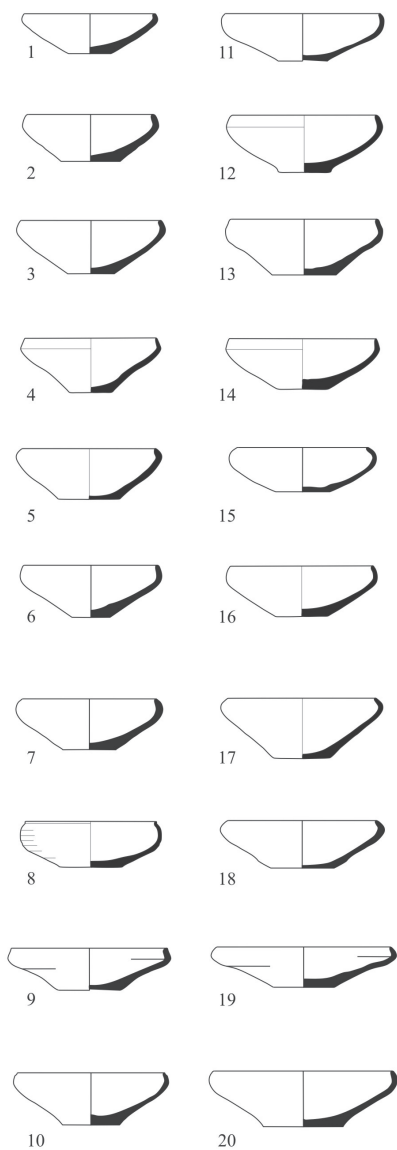
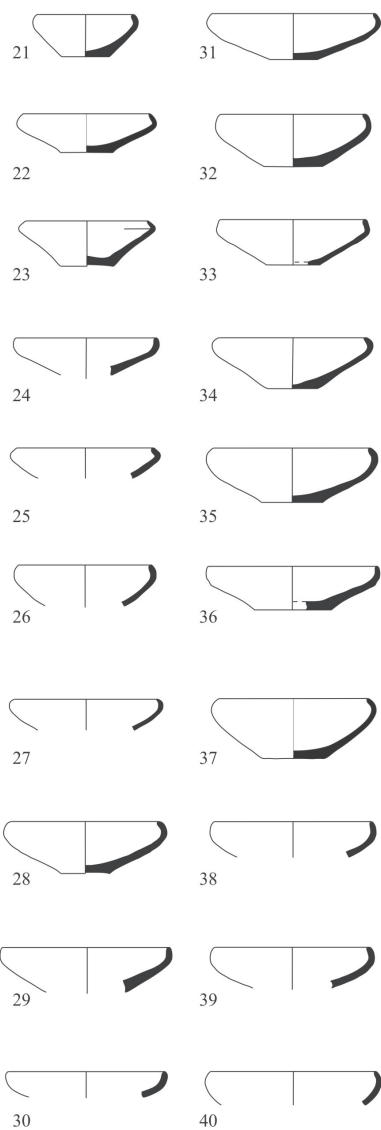
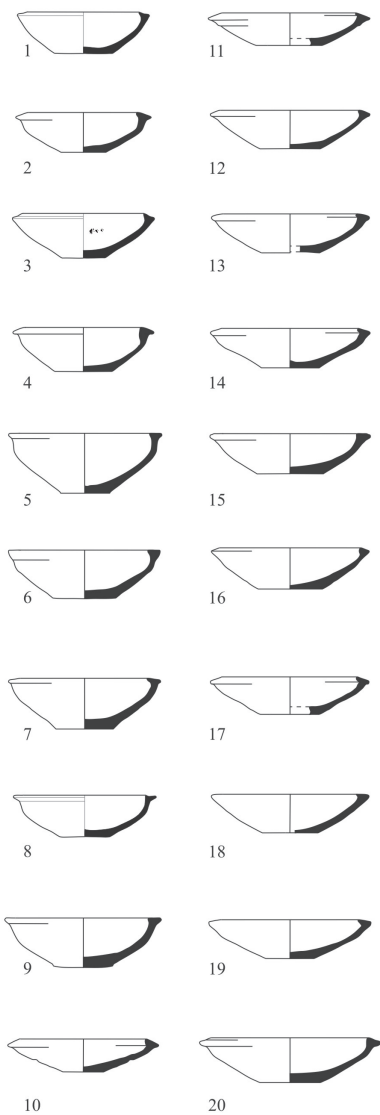
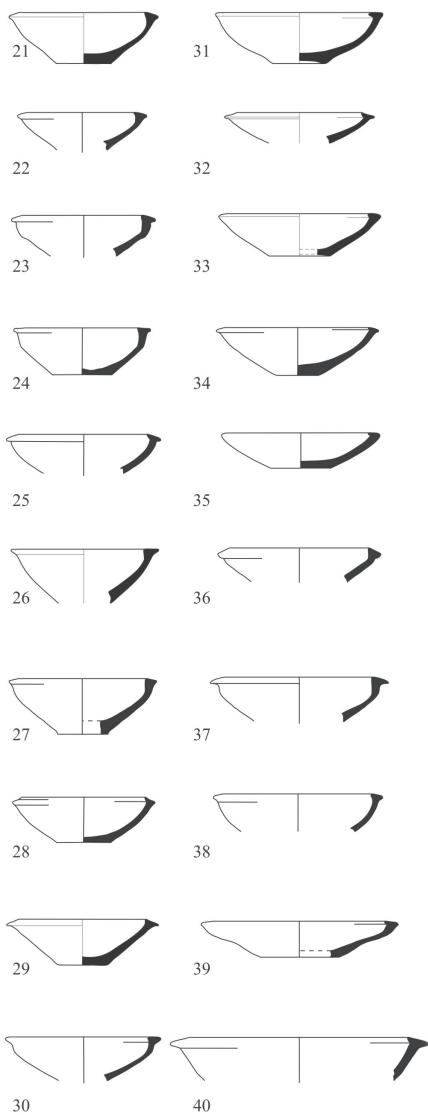

Табл. II. Уплощенно-полусферические чаши.

III

0 10 cm

Табл. III. Чаши с загнутой внутрь закраиной.

III

0 10 cm

Табл. IV. Чаши с Т-образными в сечении венчиками.

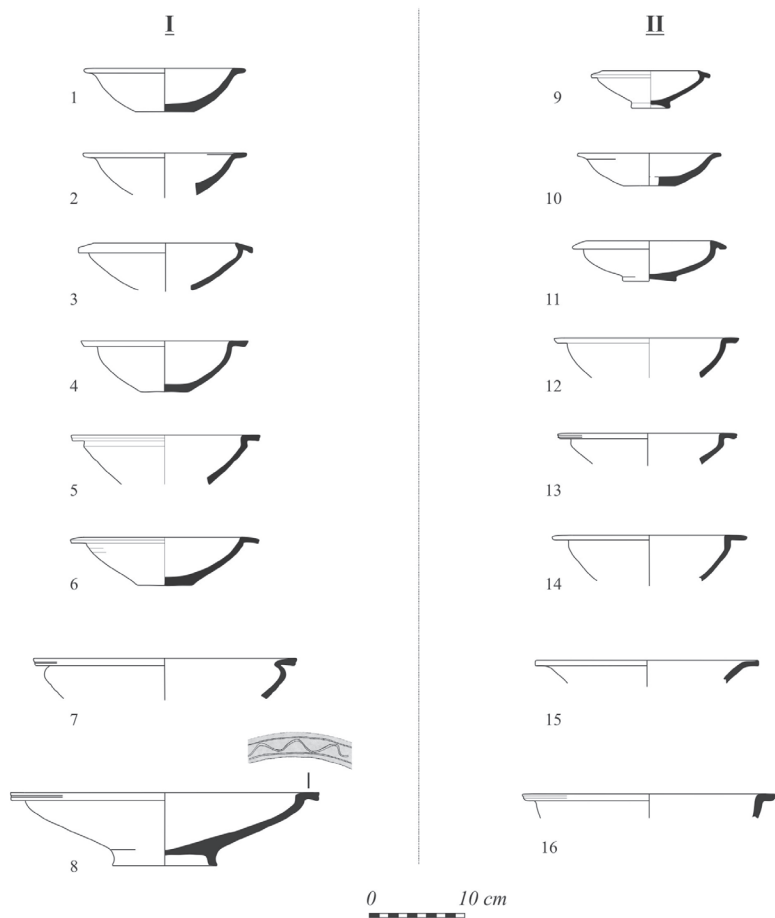
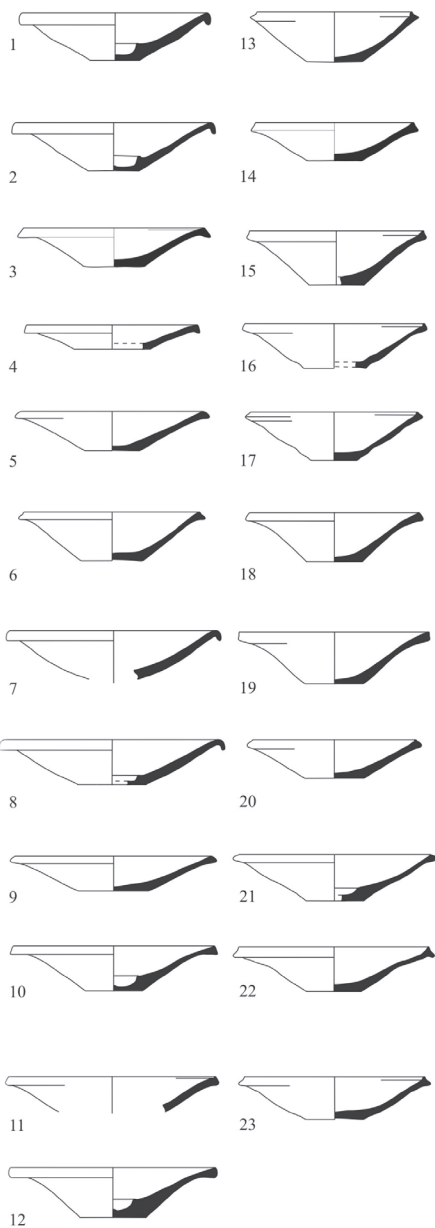

Табл. V. Чаши с Г-образными в сечении венчиками.

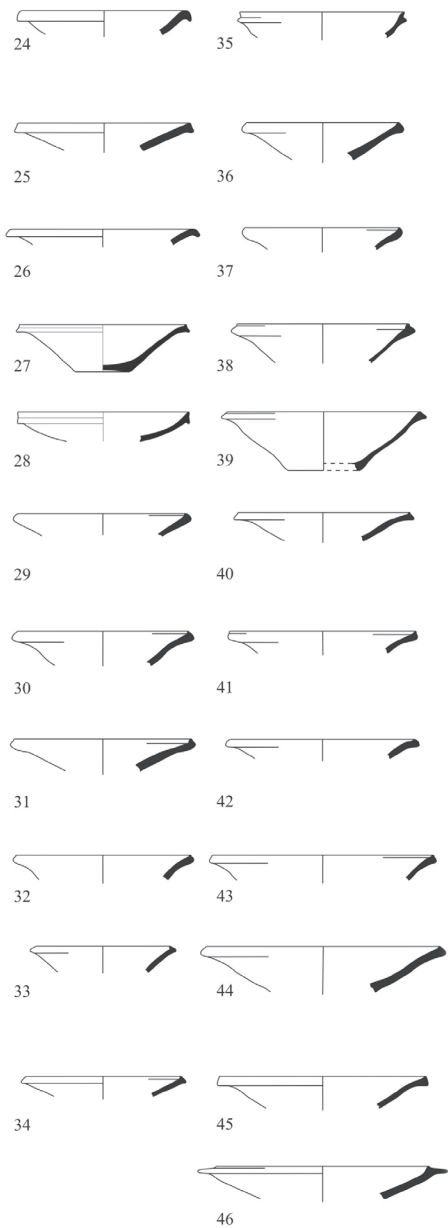
Фрагменты чаш с Г-образным венчиком (2 - лепная).

I

II

0 10 cm

Табл. VI. Блюдца, в том числе так называемые «рыбные».

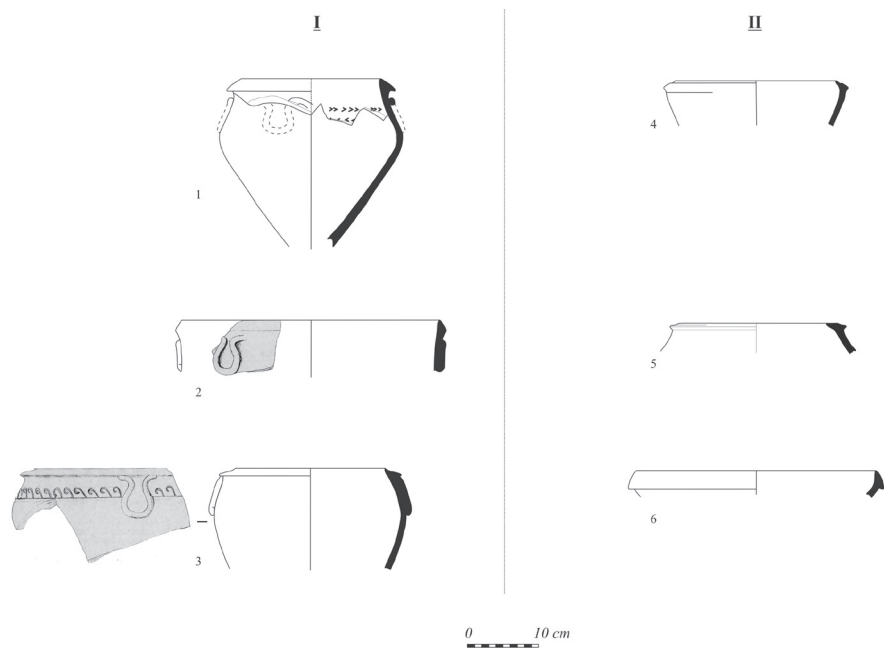

Табл. VII. Кратеры, сосуды для смешивания вина и воды.

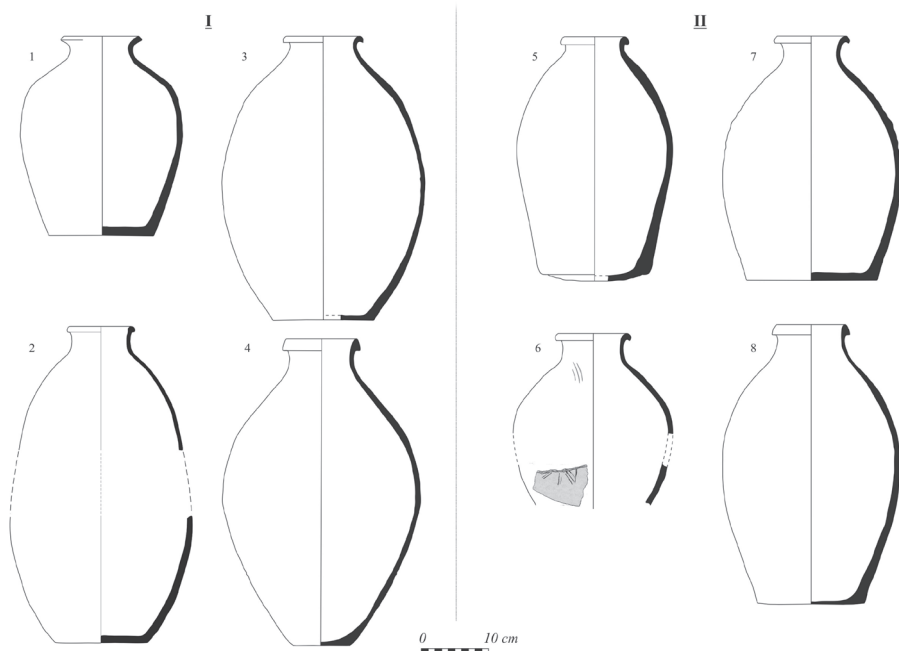

Табл. VIII. Кувшины.

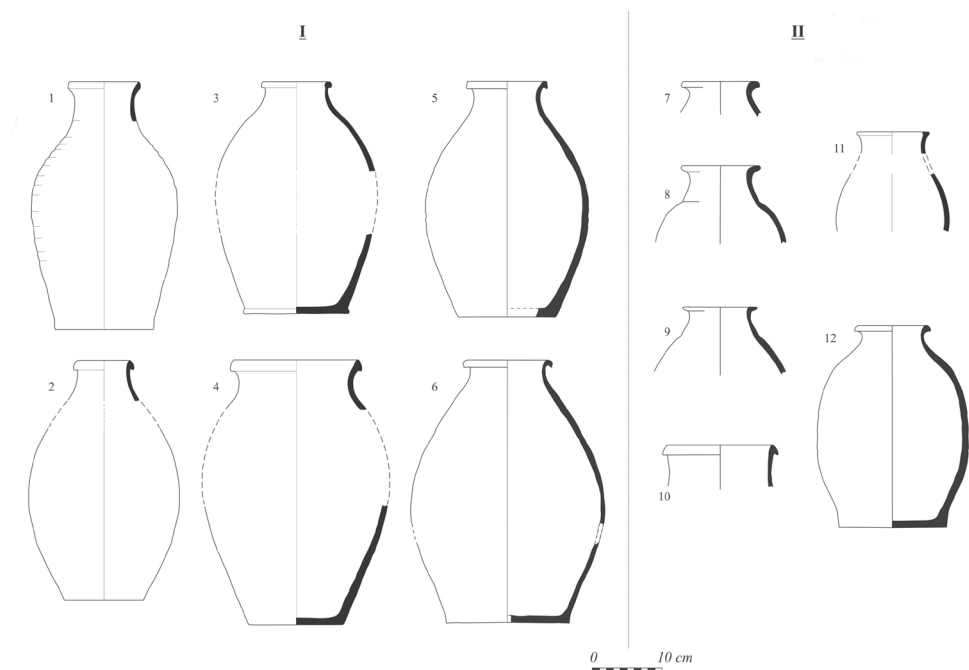

Табл. IX. Кувшины.

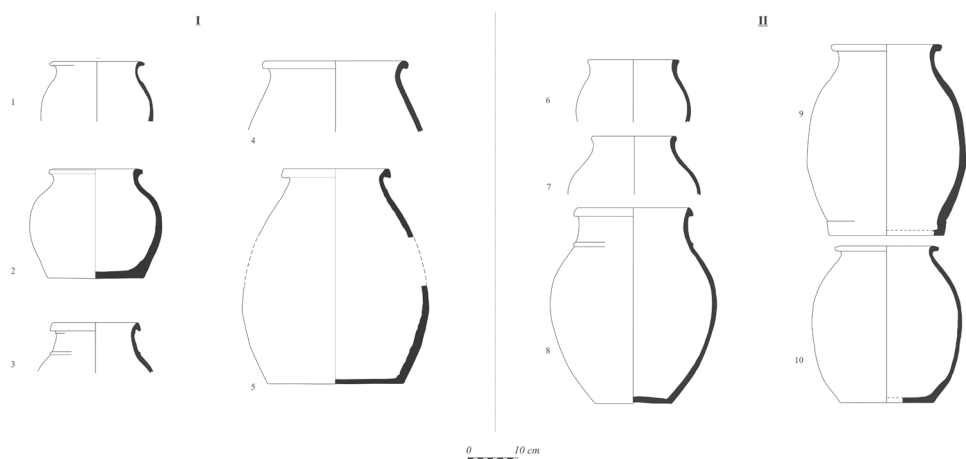

Табл. X. Горшки.

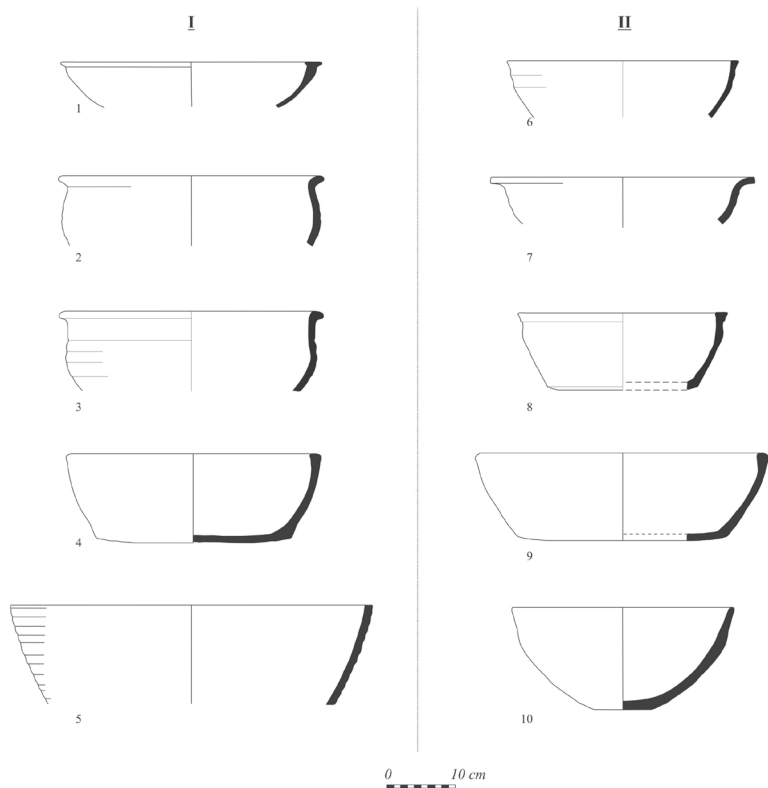

Табл. XI. Тазики – тагора.

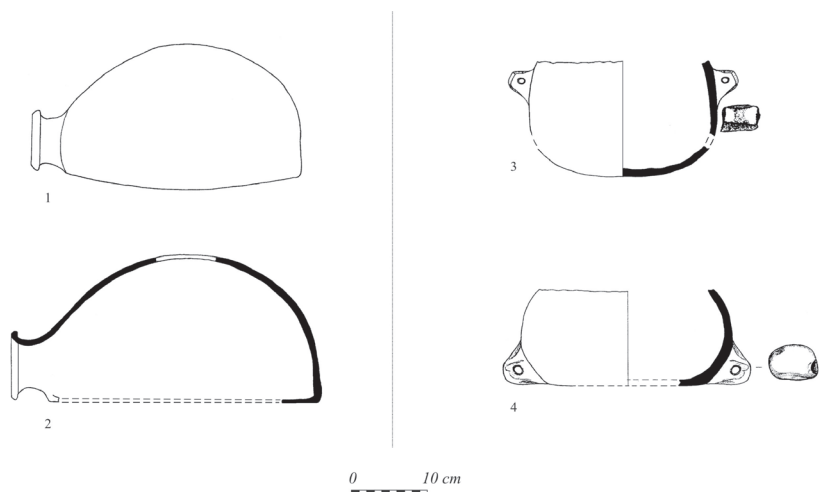

Табл. XII. Фляги.

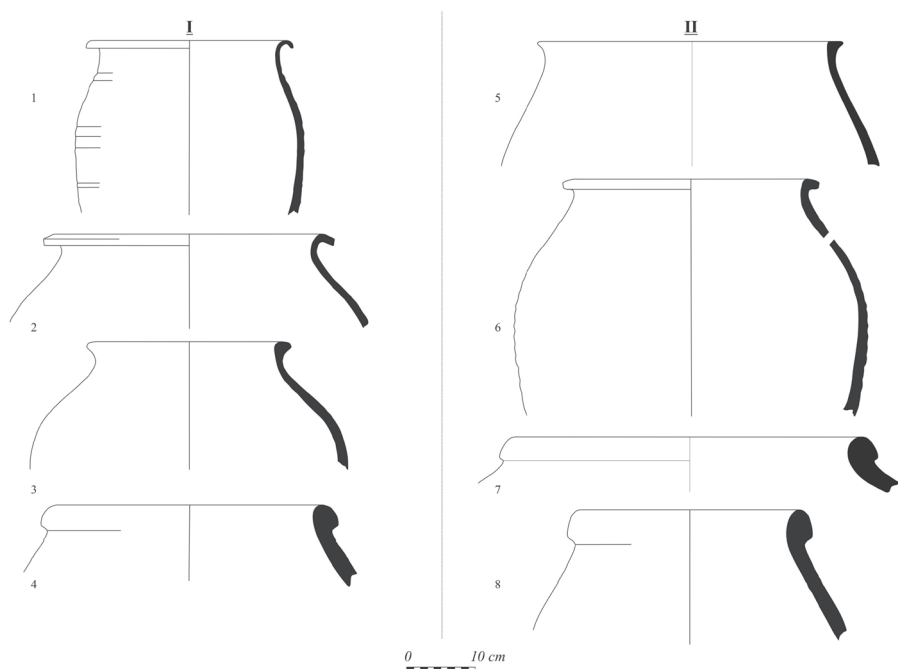

Табл. XIII. Крупные сосуды для хранения – хумы..

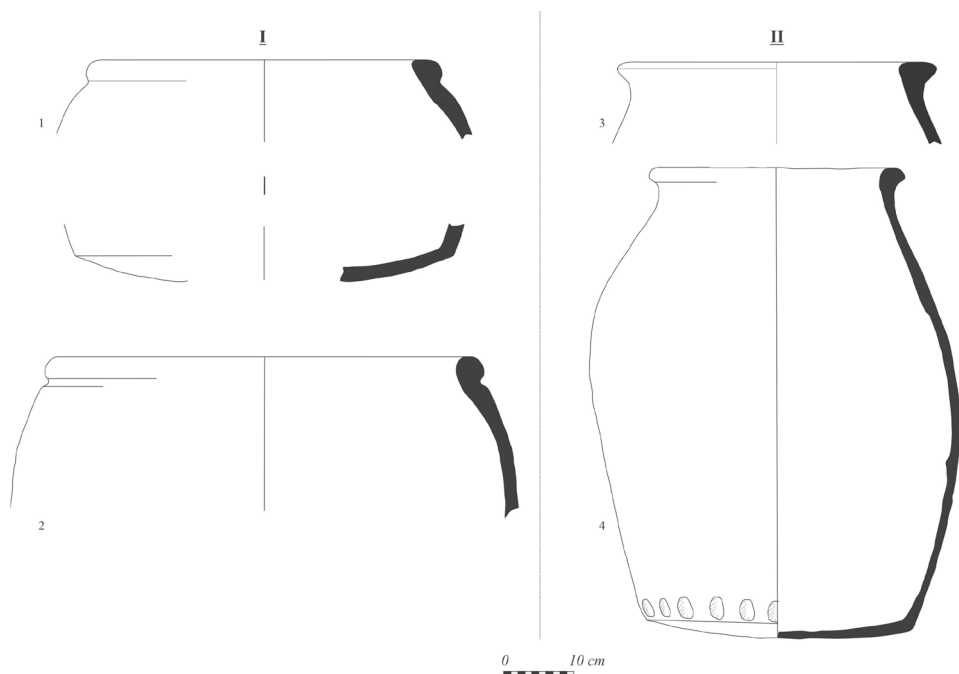

Табл. XIV. Крупные сосуды для хранения – хумы.

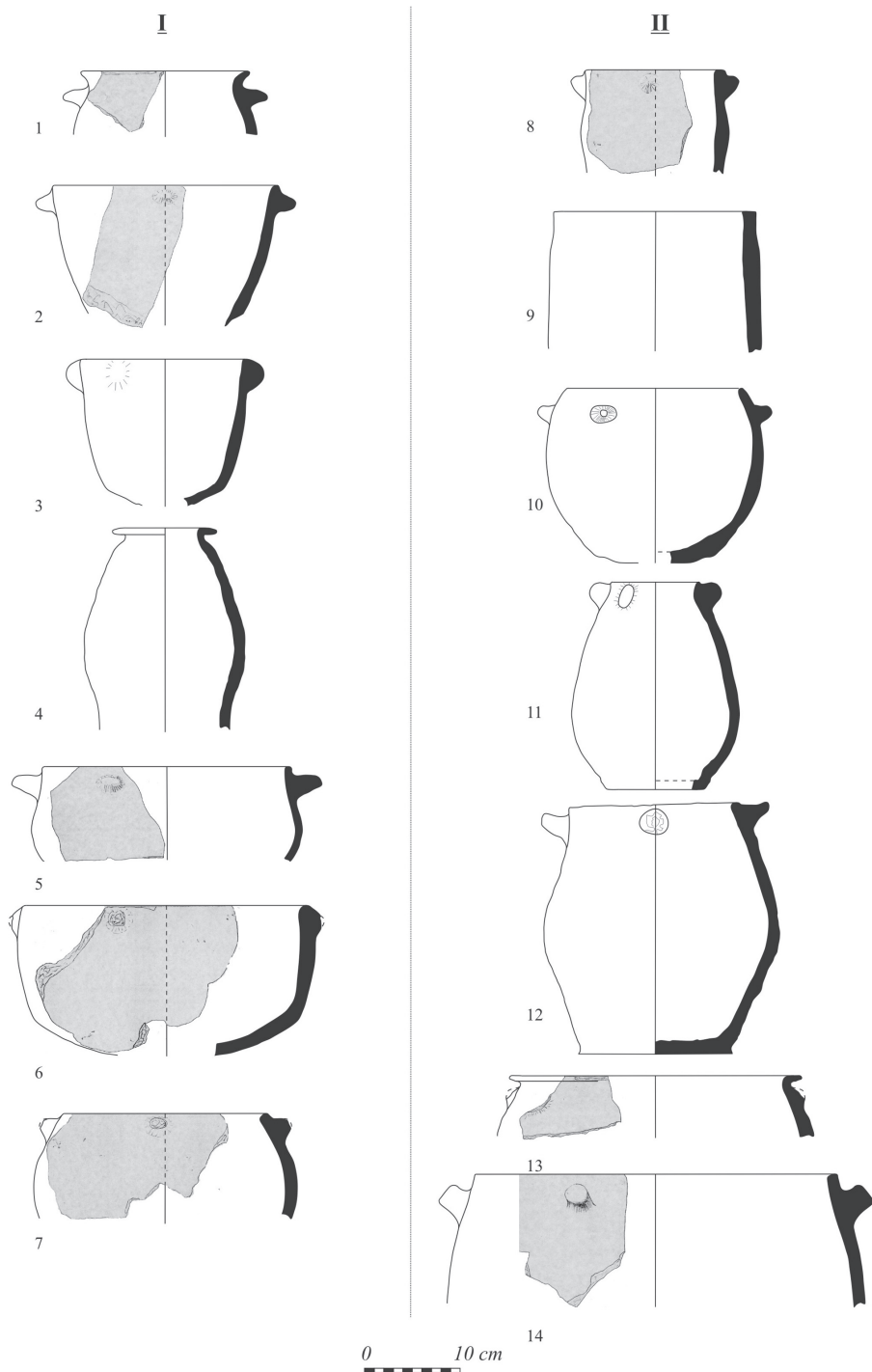

Табл. XV. Лепные котлы и горшки.

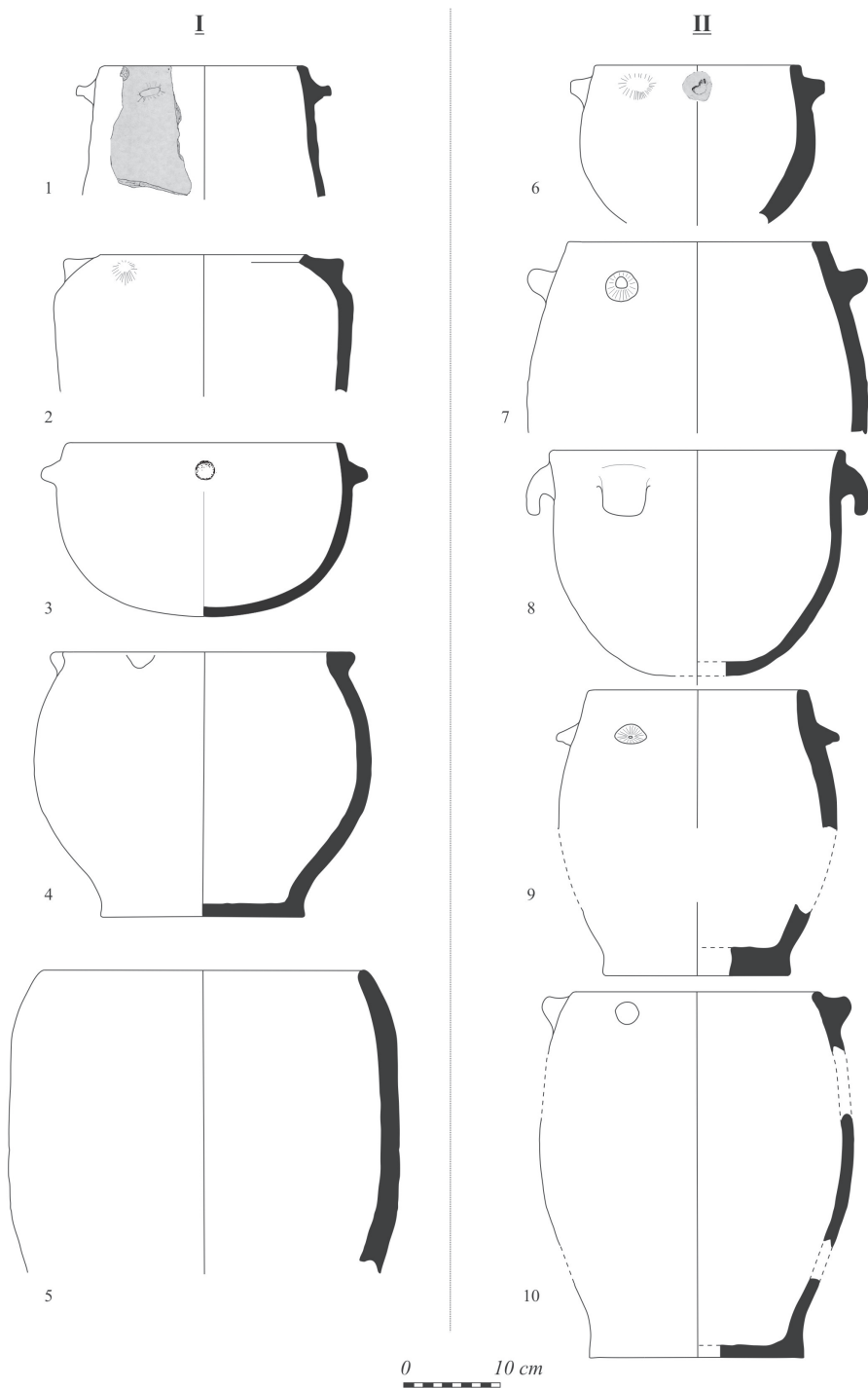

Табл. XVI. Лепные котлы и горшки.

ИСТОЧНИКИ:

Арриан. Поход Александра. Перевод с древнегреческого М. Е. Сергеевко. М.–Л., 1962.
Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги. Перевод под редакцией В. С. Соколова. М, 1963.

Pliny the Elder. The Natural History. Editions and translations by John Bostock, M. D., F. R. S., H. T. Riley, Esq., B. A. London. Taylor and Francis, Red Lion Court, Fleet Street. 1855.

Полибий. Всеобщая история в 40 книгах. Перевод с греческого Ф. Г. Мищенко. Т. I–III. М., 1890–1899.

Страбон. География. Перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского. Под общей редакцией проф. С. Л. Утченко. Редактор перевода проф. О. О. Крюгер. Л., 1964.

ЛИТЕРАТУРА:

Абдуллаев, 2001

Абдуллаев К. А. Раскопки на Паенкургане в Байсунском районе (Северная Бактрия) // Археологические исследования в Узбекистане в 2000 г. Самарканд, 2001. С. 25–30.

Адылов, 2010

Адылов Ш. Т. К вопросу о локализации древней крепости Габы // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Г. В. Шишкиной. Научный редактор С. Б. Болелов. М., 2010. С. 7–8.

Аршавская, 1987

Аршавская З. А. Заметки об архитектуре Бактрии эпохи бронзы – раннего железа (к характеристике типологических схем) // в кн. А. С. Сагдуллаева «Усадьбы Древней Бактрии». Ташкент, 1987. С. 91–96.

Ахраров, Усманова, 1978

Ахраров И., Усманова З. И. Новые данные к истории Бухары // История и археология Средней Азии. Сборник статей под общей редакцией О. В. Обельченко. Ашхабад, 1978. С. 98–106.

Балахванцев, 2005

Балахванцев А. С. Старая Ниса: хронология и интерпретация // Центральная Азия: источники, история, культура: материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского (Москва, 3–5 апреля 2003 г.). М., 2005. С. 172–190.

Беляева, 1978

Беляева Т. В. к открытию древнего поселения на территории Ленинабада // История и археология Средней Азии. Сборник статей под общей редакцией О. В. Обельченко. Ашхабад, 1978. С. 41–48.

Беляева, 1990

Беляева Т. В. к исторической топографии городов Уструшаны // Древняя и средневековая археология Средней Азии. Под редакцией З. И. Усмановой. Ташкент, 1990. С. 76–85.

Беляева, 2004

Беляева Т. В. Нуртепа – Кирополь (из истории исследования) // Transoxiana: история и культура. Сборник статей в честь 60-летия Э. В. Ртвеладзе. Ташкент, 2004. С. 43–47.

Болелов, 2001

Болелов С. Б. Гончарная мастерская III–II вв. до н.э. на Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 2. Ташкент, 2001. С. 15–30.

Вишневский, Мальцев, Дублянский, Дублянский, 2004

Вишневский А. С., Мальцев В. А., Дублянский В. Н., Дублянский Ю. В. Крупнейшие пещеры Средней Азии // Пещеры. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 2004. С. 74–93.

Гаибов, 2004

Гаибов В. А. Раннеэллинистическая керамика Маргианы // Проблемы истории, филологии, культуры. Journal of historical, philological and cultural studies. Вып. XIV. Москва–Магнитогорск, 2004. С. 600–608.

Гафуров, Цибукидис, 1980

Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М., 1980.

Грицина, 1994

Грицина А. А. Эски Заамин // Древний Заамин. Ташкент, 1994. С. 20–40.

Грицина, 2010

Грицина А. А. Городище Каратепа // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Г. В. Шишкиной. Научный редактор С. Б. Болелов. М., 2010. С. 46.

Грицина, Сверчков, 1990

Грицина А. А., Сверчков Л. М. Археологические исследования в Сырдарьинской области // ИМКУ. Вып. 23. Ташкент, 1990. С. 114–121.

Грицина, Абдулгазиева, Богомолов, Рахимов, 2006

Грицина А. А., Абдулгазиева Б., Богомолов Г. И., Рахимов К. Работы Хавасского отряда // Археологические исследования в Узбекистане в 2004–2005 гг. Вып. 5. Ташкент, 2006. С. 94–99.

Долгоруков, 1984

Долгоруков В. С. Оборонительные сооружения Дильберджина // Древняя Бактрия. Вып. 3. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М., 1984. С. 58–92.

Дройзен, 1893

Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 1–3. М., 1890–1893.

Зеймаль, 1978

Зеймаль Е. В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 192–214.

Зеймаль, 1979

Зеймаль Е. В. Амударьинский клад. Л., 1979.

Зеймаль Т. И., Зеймаль Е. В., 1988

Зеймаль Т. И., Зеймаль Е. В. Археологические работы в Гиссаре в 1981 г. // АРТ. Вып. XXXI. Душанбе, 1988. С. 277–288.

Иваницкий, 1992

Иваницкий И. Д. Саратепа-2 – поселение керамистов середины I тысячелетия до н.э. под Самаркандом // ИМКУ. Вып. 26. Ташкент, 1992. С. 22–41.

Исамиддинов, 2002

Исамиддинов М. Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002.

Исамиддинов, 2010

Исамиддинов М. Х. Стратиграфия городища Коктепа и некоторые вопросы истории и культуры Согдианы эллинистического периода // Традиции Востока и Запада

- в античной культуре Средней Азии. Сборник статей в честь П. Бернара. Под редакцией К. Абдуллаева. Ташкент, 2010. С. 131–140.
- Исамиддинов, Рапен, 1999
Исамиддинов М. Х., Рапен К. к стратиграфии городища Коктепа // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 68–79.
- Исамиддинов, Сулейманов, 1984
Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984.
- Исламов, 1975
Исламов У. И. Пещера Мачай. Ташкент, 1975.
- ИТН – История таджикского народа. Том I. Под редакцией Б. А. Литвинского и В. А. Ранова. Душанбе, 1998.
- Камалиддинов, 1996
Камалиддинов Ш. С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX – начала XIII вв. Ташкент, 1996.
- Кастальский, 1940
Кастальский Б. Неизданная греко-бактрийская тетрадрахма-медаль Антимаха I, битая в честь Евтидема I // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 339–347.
- Кацурис, Буряков, 1963
Кацурис К., Буряков Ю. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы // Труды ЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1963. С. 119–163.
- Козловский, Некрасова, 1976
Козловский В. А., Некрасова Е. Г. Стратиграфический шурф на цитадели древнего Термеза // Бактрийские древности. Л., 1976. С. 30–39.
- Кошеленко, 1979
Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Кошеленко, Гаибов, Бадер, 2000
Кошеленко Г. А., Гаибов В. А., Бадер А. Н. Александр Македонский в Маргиане // ВДИ. 2000. № 1. С. 3–15.
- Кошеленко, Гаибов, 2006
Кошеленко Г. А., Гаибов В. А. в защиту Александрии Маргианской // Проблемы истории, филологии, культуры. Journal of historical, philological and cultural studies. Вып. XVI / 1. Москва–Магнитогорск, 2006. С. 18–23.
- Кошеленко, Мунчаев, 1976
Кошеленко Г. А., Мунчаев Р. М. Раскопки на городище Ай-Ханум в 1965–1968 гг. // Бактрийские древности. Л., 1976. С. 118–124.
- Кругликова, 1986
Кругликова И. Т. Дильберджин. М., 1986.
- Литвинский, 1972
Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
- Маллицкий, 2007
Маллицкий Н. Г. Полевые записи // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3. Ташкент, 2007. С. 224.
- Малявкин, 1989
Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск, 1989.
- Массон, 1959

- Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. № 73. М.–Л., 1959.
- Массон, 1974
Массон В. М. Проблема древнего города и памятники Северной Бактрии // Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1974. С. 3–13.
- Массон, 1963
Массон М. Е. к изучению прошлого Старого Мерва // Труды ЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1963. С. 7–19.
- Мкртычев, Болелов, 2006
Мкртычев Т. К., Болелов С. Б. Стратиграфия юго-восточной части цитадели Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции, 5, Ташкент, 2006. С. 43–66.
- Мокробородов, 2007
Мокробородов В. В. Гишттепа в кишлаке Пашхурт. Предварительные итоги исследований 2004–2006 гг. // Трансоксиана – Мавераннахр. Сборник статей в честь 65-летия Э. В. Ртвеладзе. Ташкент, 2007. С. 148–155.
- Мухамеджанов, Адылов, Мирзаахмедов, Семенов, 1988
Мухамеджанов А. Р., Адылов Ш. Т., Мирзаахмедов Д. К., Семенов Г. Л. Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988.
- Негматов, 1957
Негматов Н. Н. Усрушана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957.
- Негматов, Беляева, 1988
Негматов Н. Н., Беляева Т. В. Исследование Нуртепа в 1981 г. // АРТ. Вып. XXXI. Душанбе, 1988. С. 19–31.
- Немцева, Дресвянская, 1986
Немцева Н. Б., Дресвянская Г. Я. Памятники Заамина и его окружи (к археологической карте Северной Уструшаны) // ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 221–229.
- Омельченко, 2003
Омельченко А. В. Культура восточных районов Южного Согда эпохи античности (конец IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Самарканд, 2003.
- Омельченко, 2006
Омельченко А. В. Керамические комплексы эллинистического времени из области Кеш (по материалам городища Подаятактепа) // РА. 2006. № 3. С. 137–142.
- Пахалина, 1976
Пахалина Т. Н. о происхождении топонимов Ишкашим, Язгулям и Вахан // Иранское языкознание. М., 1976. С. 178–181.
- Пидаев, 1984
Пидаев Ш. Р. Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г.) // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 3. М., 1984. С. 112–124.
- Пидаев, 1987
Пидаев Ш. Р. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987. С. 87–97.
- Пидаев, 1991
Пидаев Ш. Р. Керамика греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза // СА. 1991. № 1. С. 210–224.
- Пидаев, 1992
Пидаев Ш. Р. к вопросу о локализации Александрии на Оксе // ИМКУ. Вып. 26. Ташкент, 1992. С. 46–59.

Пугаченкова, 1979

Пугаченкова Г.А. Жига-тепе (раскопки 1974 г.) // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 2. М, 1979. С. 63–94.

Пугаченкова, 1989

Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989.

Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990

Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. Ташкент, 1990.

Пьянков, 1982

Пьянков И.В. Бактрия в античной традиции (общие данные о стране: название и территория). Душанбе, 1982.

Пьянков, 2004

Пьянков И.В. Античные источники о Средней Азии и их интерпретация. По поводу двух работ Ф. Грене и К. Рапена // ВДИ. 2004. № 1. С. 96–110.

Рапэн, Бо, Грене, Рахманов, 2006

Рапэн К., Бо Э., Грене Ф., Рахманов Ш. Исследования в районе «Железных ворот»: краткое состояние проблемы в 2005 г. // ИМКУ. Вып. 35. Ташкент, 2006. С. 91–101. Там же: Claude Rapin, Aymon Baud, Frantz Grenet, Sh. A. Rakhmanov. Les recherches sur la region des Portes de Fer de Sogdiane: bref etat des questions en 2005. С. 102–112.

Рахимов, 2000

Рахимов К. Бронза даври – Жаркўтон ўчоқлари // ИМКУ. Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 70–76.

Рахманов, Рапен, 2003

Рахманов Ш., Рапен К. Железные ворота // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 1. Ташкент, 2003. С. 22–32.

Рахманов, Рапен, 2004

Рахманов Ш., Рапен К. Стратегический пограничный узел Железных ворот: меняющийся статус границ от греческих свидетельств до средневековых эпопей // Transoxiana: история и культура. Ташкент, 2004. С. 150–153.

Ртвеладзе, 1975

Ртвеладзе Э.В. к характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени // СА. 1975. № 2. С. 262–266.

Ртвеладзе, 1976

Ртвеладзе Э.В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1976. С. 93–103.

Ртвеладзе, 1981

Ртвеладзе Э.В. Ксениппа – Паретака // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1981. С. 95–101.

Ртвеладзе, 1987

Ртвеладзе Э.В. Новые бактрийские памятники на юге Узбекистана // ИМКУ. Вып. 21. Ташкент, 1987. С. 56–66.

Ртвеладзе, 1989

Ртвеладзе Э.В. к истории Северного Тохаристана в IX – начале XIII вв. // Краеведение Сурхандарьи. Сборник статей. Ташкент, 1989. С. 93–116.

Ртвеладзе, 1990

Ртвеладзе Э.В. Из недавних открытий Узбекисанской искусствоведческой экспедиции в Северной Бактрии-Тохаристане // ВДИ. 1990. № 4. С. 135–145.

Ртвеладзе, 1999

Ртвеладзе Э.В. Газаба – Гозбон // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 104–109.

Ртвеладзе, 2001

Ртвеладзе Э. В. к вопросу о петрах // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент, 2001. С. 7–11.

Ртвеладзе, 2002

Ртвеладзе Э. В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Историко-географические очерки. Ташкент, 2002.

Ртвеладзе, 2007

Ртвеладзе Э. В. Археологические исследования в Бандыхане в 1974–1975 гг. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3. Ташкент, 2007. С. 67–95.

Ртвеладзе, Пидаев, 1993

Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р. Древнебактрийская крепость Талашкан-тепе I // РА. 1993. № 2. С. 133–147.

Рутковская, 1958

Рутковская Л. М. Парфянская керамика древнего Мерва // СА. 1958. № 3. С. 120–133.

Рыжов, 1985

Рыжов С. Г. Дом IV–III вв. до н.э. в Херсонесе // СА. 1985. № 4. С. 155–161.

Сагдуллаев, 1987

Сагдуллаев А. С. Особенности оседлого расселения в Южном Согде в эпоху античности // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Материалы Советско-Французского коллоквиума (Самарканд, 1986). Ташкент, 1987. С. 131–134.

Сагдуллаев, 2002

Сагдуллаев А. С. От редактора // Ртвеладзе Э. В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент, 2002. С. 3–11.

Сагдуллаев, 2007

Сагдуллаев А. С. к интерпретации понятия «басилей» – «царский город» // Трансоксиана – Мавераннахр. Сборник статей в честь 65-летия академика Э. В. Ртвеладзе, Ташкент, 2007. С. 181–184.

Сарианиди, 1984

Сарианиди В. И. Раскопки монументальных зданий на Дашлы-3 // Древняя Бактрия. Вып. 3. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М., 1984. С. 5–32.

Сверчков, Восковский, 2006

Сверчков Л. М., Восковский А. А. Стратиграфия, периодизация и хронология нижних слоев Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 5. Ташкент, 2006. С. 21–42.

Седов, 1984

Седов А. В. Керамические комплексы ай-ханумского типа на правобережье Амударьи // СА. 1984. № 3. С. 171–179.

Смирнова, 1950

Смирнова О. И. Вопросы исторической топографии и топонимики верхнего Зарафшана // МИА. № 15. М.–Л., 1950. С. 56–66.

Ставиский, 1959

Ставиский Б. Я. Исторические сведения о верхней части Зерафшанской долины // ИМКУ. Вып. 1. Ташкент, 1959. С. 79–93.

Страйд, Сверчков, 2004

Страйд С., Сверчков Л. М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа возле Денау // Transoxiana: история и культура. Сборник в честь 60-летия Э. В. Ртвеладзе. Ташкент, 2004. С. 94–99.

Сулейманов, Ураков, 1977

Сулейманов Р. Х., Ураков Б. Результаты предварительного исследования античного селения Рамиш // ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977. С. 55–64.

- Ташходжаев, 1963
Ташходжаев Ш. С. Разрез городской стены Гяур-калы // Труды ЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1963. С. 95–118.
- Усманова, 1963,
Усманова З. И. Эрк-кала (по материалам ЮТАКЭ 1955–1959 гг.) // Труды ЮТАКЭ. Том XII. Ашхабад, 1963. С. 20–94.
- Усманова, 1989
Усманова З. И. Разрез крепостной стены Эрк-калы Старого Мерва // Древний МERV. Труды ЮТАКЭ. Том XIX. Ашхабад, 1989. С. 21–61.
- Усманова, 2010
Усманова З. И. к истории ранней керамики Мерва // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Г. В. Шишкиной. Научный редактор С. Б. Болелов. М., 2010. С. 89–90.
- Хасанов, 1991
Хасанов М. Лепная керамика поселения Курганча // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991. С. 56–62.
- Хасанов, 1996
Хасанов М. к характеристике материальной культуры поселений Южного Согда IV–III вв. до н.э. (по материалам поселения Курганча) // ИМКУ. Вып. 27. Самарканд, 1996. С. 29–35.
- Хасанов, 1998
Хасанов М. Об одной греческой находке с городища Нуртепа // ИМКУ. Вып. 29. Самарканд, 1998. С. 43–46.
- Хашимов, 1990
Хашимов М. А. По следам легенд. Ташкент, 1990.
- Хуфф, Шайдуллаев, 1999
Хуфф Д., Шайдуллаев Ш. Б. Некоторые результаты работ Узбекско-Германской экспедиции на городище Джаркутан // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999. С. 19–26.
- Шайдуллаев, 2000
Шайдуллаев Ш. Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент, 2000.
- Шишкина, 1969
Шишкина Г. В. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969. С. 221–246.
- Шишкина, 1975
Шишкина Г. В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. № 2. С. 60–77.
- Щеглов, 2006
Щеглов Д. А. Кочевые народы Средней Азии по сведениям историков Александра Великого // ЗВОРАО. Новая серия. Том II (XXVII). СПб., 2006. С. 276–316.
- Bernard, 1982
Bernard P. Alexandre et Aï Khanoum // Journal des Savants, 1982. С. 125–138.
- Boroffka, 2010
Boroffka N. G. O. Archaeology and Its Relevance to Climate and Water Level Changes: A Review // The Aral Sea Environment. Series: The Handbook of Environmental Chemistry. Vol. 7. Edited by A. G. Kostianoy, A. N. Kosarev. Heidelberg, Berlin, 2010, 283–303.
- Bosworth, 1981
Bosworth A. B. A Missing Year in the History of Alexander the Great // Journal of Hellenic Studies, 101, 1981. С. 17–37.

Debaine-Francfort, 1988

Debaine-Francfort C. Archæologie du Xinjiang des origines aux Han. Première partie // Paléorient. 1988. № 14/1. С. 5–29.

Eʃonkulov, 2004

Eʃonkulov U. Ein Paradeisos im Gebiet von Pendžikent (Tadžikistan) // Halleshe Beiträge zur Orientwissenschaft. Bd. 37/04. Herausgegeben von W. Beltz, M. Mode und J. Tubach. Halle (Saale), 2004. С. 181–239.

Genito, 2006

Genito B. From the Scythians to the Achaemenids: A Nomadic Alternative // Proceedings of the 5th Conference of the Societas Iranologica Europæa, held in Ravenna, 6–11 October 2003. Vol. I. Edited by A. Panaino & A. Piras. Milano, 2006. С. 75–107.

Görsdorf, 2007

Görsdorf J. Information zu den 14C-Datierungsergebnissen // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3. Ташкент, 2007. С. 65–66.

Grenet, Rapin, 2001

Grenet F., Rapin C. Alexander, Ai Khanum, Termez: Remarks on the Spring Campaign of 328 // Bulletin of Asian Institute, Boston, 2001. С. 79–89.

Leriche, 2002

Leriche P. Termez fondation d'Alexandre? // Journal Asiatique, 290, 2002. С. 411–415.

Lerner, 2005

Lerner J. D. Correcting the Early History of Āy Kānom // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan, 35–36, 2003–2004, Berlin, 2005. С. 373–410.

Lyonnet, 1997

Lyonnet B. Ceramique et peuplement du chalcolithique a la conquete arabe // Prospections archeologiques en Bactriane orientale (1974–1978). Vol. 2. Paris, 1997.

Pumpelly, 1908

Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Vol. II. Washington, 1908.

Šajdullaev, 2002

Šajdullaev Š. Untersuchungen zur fruhen Eisenzeit in Nordbaktrien // Archaeologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 34. Berlin, 2002. С. 243–339.

СОКРАЩЕНИЯ:

BAI – Bulletin of the Asia Institute. Boston.

БМАК – Бактрийско-маргианский археологический комплекс.

ВДИ – Вестник древней истории. М.

ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Российского археологического общества. СПб.

ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, Самарканд.

MDAFA – Memoires de la Delegation archeologique francaise en Afghanistan.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М., М.-Л.

ОНУ – Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.

РА – Российская археология. М.

СА – Советская археология. М.

САУ – Строительство и архитектура Узбекистана. Ташкент.

УЗИСКЭ – Узбекстанская искусствоведческая экспедиция.

УСА – Успехи среднеазиатской археологии. Л.

ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

Norbert Benecke
(DAI, Berlin)

FAUNAL REMAINS OF KURGANZOL

INTRODUCTION

The excavations at the fortress of Kurganzol have produced well-stratified samples of animal remains. They provide some insight into the subsistence economy of this site throughout its period of occupation and they have yielded some data for reconstructing the ancient environment of the surroundings. This report presents results of archaeozoological studies on faunal remains from the field season 2008.

During the excavations, faunal remains were carefully collected by hand in all trenches of the site. Sieving of soil samples has not been performed. The collection available from Kurganzol consists of nearly 7,500 remains. For the largest part, they represent discarded refuse originating from slaughtering animals and preparing food. On the whole, animal bone preservation is good at this site. The remains are characterized by a high degree of fragmentation with only a very few bones being complete. For this reason species identification was only possible on a part of the collection. Nearly 35% of the specimens remained taxonomically unidentified.

The faunal remains of Kurganzol mainly represent bones and teeth from various mammal species. Besides, a few bird bones have been found. Remains of other groups of animals like fish, reptiles and molluscs have not been encountered at all.

DOMESTIC ANIMALS

Remains of domestic animals form the bulk of the bone finds from Kurganzol. Numerically they reach nearly 95% of the identified bones. This clearly points to a significant role of animal keeping in the economy of the site, especially for providing food and raw materials. Nine species have been identified, i.e. sheep, goat, cattle, pig, horse, ass, camel, dog and chicken.

Sheep/Goat

Sheep and goats occupy the first place among the domestic animals in the collections from Kurganzol (Table 1). Altogether 3125 teeth and bone finds could be assigned to both species. The difficulty in distinguishing bones of sheep and goat in heavily fragmented assemblages from archaeological sites is well known and this problem was also met with in the material studied. Therefore, distinction between sheep and goat could only be made for a limited number of bone finds. As can be seen from the data compiled in Table 1, remains of sheep clearly outnumber those of goats. On average, sheep are three times as frequent as goats.

In general, the remains of sheep/goat are highly fragmented with several bones showing traces of butchering. They undoubtedly represent discarded refuse originating from slaughtering animals and preparing food. The element distribution analysis reveals that all major elements of the skeleton are present in the collection.

Osteometrical data point to a breed of sheep with estimated withers heights between 60 and 85 cm. A larger part of female sheep was hornless as respective skull fragments show. According to measurements which could be taken on five complete metapodials, goats reached withers heights between 53 and 65 cm.

Sheep and goats are multi-purpose animals, sources of meat, milk, and wool or hair. Analysis of both mortality pattern and sex ratio may shed light on the relative importance of dairying, meat production, and wool production in animal husbandry practices of Kurganzol.

The kill-off pattern of sheep/goat was evaluated on the basis of dental eruption and wear. The data are summarized in Table 2. They suggest that many animals were killed as young individuals, i.e. 31% as juveniles (1–11 months) and 28% as subadults (12–24 months). Another 41% were slaughtered at an age above two years. Sex determination on isolated horncores, cranial fragments and pelvic bones indicates the presence of both females and males in sheep and goat. As the pelvic bones clearly show most of the subadult and adult sheep and goats were female individuals (12 out of 15 in sheep, 6 out of 7 in goat). Summarizing the ageing evidence and the sex ratio it becomes clear that sheep and goats were primarily exploited for their meat and obviously also for their milk.

Cattle

Numerically, cattle represent the second largest group among the animal remains from Kurganzol (Table 1). Altogether 1245 teeth and bone finds could be assigned to this species. According to osteometrical data, the cattle population seems to have been quite uniform in term of body size. For example, the lateral length of the astragalus varies between 60.0 and 69.5 mm with a mean of 63.5 mm (N=12). On the whole the bones represent animals in the lower to medium size range of prehistoric cattle.

The cattle bones are generally characterized by a high degree of fragmentation. Cutmarks originating from the dismemberment of the carcasses have mainly been observed on the articulated parts of the limbs. In spite of the numerical bias in the presence of the various skeletal elements resulting from different taphonomic variables it is obvious, however, that all regions of the skeleton are represented in the assemblage from Kurganzol.

Due to small sample size there is only limited data available concerning kill-off pattern in cattle. The ageing evidence on dental eruption and wear as well as for epiphysial fusion points to a dominance of adult animals among the cattle slaughtered at the site (Table 3). Sex determination was possible on seven cattle bones (horn core, pelvic bone). Six bones belong to females and one to a male individual. Obviously, cattle husbandry was mainly orientated towards meat production. Besides, dairying could have been an aspect in the exploitation of cattle in the fortress of Kurganzol as well. Whether cattle were used for traction remains an open question.

Pig

Altogether 104 teeth and bone finds were assigned to domestic pigs. Numerically, they occupy the third place among the domestic animals at Kurganzol (Table 1). The few osteometrical data available from the collection point to animals with a mean withers height of about 80 cm. Due to small sample size there is only limited data available concerning kill-off pattern in pig. As the data show pigs, obviously, were consistently killed at the juvenile/subadult age as it is common for meat purpose animals.

DOMESTIC EQUIDS

Altogether 205 equid remains were recovered from Kurganzol. As is widely known, species identification on tooth and bone remains of the genus *Equus* can be difficult in regions where more than one species occur. In the region and period under consideration the presence of four equids may be expected in the faunal assemblages, i.e. wild horse (*Equus ferus*), domestic horse, domestic ass and onager (*Equus hemionus*). Most equid remains clearly represent horses. As hunting was only of marginal importance in the site studied, the majority of the horse bones most likely belong to domestic horses. In addition, a few remains have been identified as domestic ass and onager. Nearly half of the sample remained taxonomically unidentified. These are smaller fragments of teeth and long bones as well as vertebrae and ribs (Table 1, Equids).

Horse

Domestic horse is represented by 69 teeth and bone finds. They nearly exclusively represent discarded refuse originating from slaughtering animals and preparing food. This is testified

by the pattern of fragmentation of the bones which is almost identical to that observed for cattle as well as by the presence of butchery marks visible on some bone finds. The slaughter-pattern of horses has been evaluated on the basis of epiphysial fusion . The data indicate that all horses were full grown at the time of slaughter. The sex of the animals could be determined on three bones. Two bones belong to males and one to a female individual. The age und sex data are consistent with a mode of horse keeping where most horses were used at first for other purposes (e.g. riding, traction) before being slaughtered at an advanced age.

Ass

Altogether 24 equid remains were assigned to domestic ass. The presence of this species in the bone collection from Kurganzol is not surprising. For the 1st millennium BC domestic ass is testified by respective bone finds for many Scythian sites in the steppe zone of the Northern Black Sea where this species was introduced as a result of Greek colonisation at the turn from the 2nd to the 1st millennium BC. From this area, domestic ass was rapidly distributed to Central Asia as respective bone finds from Iron Age sites in the Talgar Region of south-eastern Kazakhstan show .

The data for dental eruption and wear as well as for epiphysial fusion show that all ass remains belong to full grown animals. In contrast to horse, no butchery marks were found on any ass bone. Obviously, this species was not exploited for its meat. The primary use of ass must have been an animal for transport, especially as a beast of burden.

The common occurrence of horses and donkeys in Kurganzol raises the question whether mules or hinnies were bred in this settlement. The thorough morphological analysis of the equid remains has given no evidence for the presence of either of the two possible crossbreedings.

Camel

Nine bones of the collection from Kurganzol have been identified as camel. Out of these four well-preserved postcranial bones allowed a closer determination of the species in question (Bactrian camel or dromedary). According to the criteria described by Steiger , all determinable bones could be assigned to the Bactrian camel. There is no evidence for the presence of dromedary. Bactrian camel, therefore, seems to represent the only camel species exploited by the Iron Age people in the area of Kurganzol. Compared to sheep/goat, cattle, and pig the number of camel bones is low. They count for less than one per cent of all domestic mammals. All bones belong to adult animals. In contrast to sheep/goat, cattle and pig, the camel bones do not exhibit typical butchering marks. This seems to indicate that camels have generally not been exploited for their meat. The primary use of this species must have been as an animal for transport.

Dog

Domestic dog is represented by four bones. There are a right maxilla, a left ulna, a right pelvic bone and a left tibia. The maxilla represents a full grown individual, while the postcranial elements come from juvenile animals. No butchery marks have been observed on any dog bone. Obviously dogs were not exploited for their meat.

Chicken

Chicken is represented by 16 bones coming from various parts of the skeleton: sternum 1, coracoid 1, humerus 1, radius 1, pelvis 2, femur 4, tibiotarsus 3, tarsometatarsus 3. Five bones belong to young and 11 to adult individuals. Two cocks could be identified on the tarsometatarsus. The few osteometric data point to a small breed of chicken.

WILD ANIMALS

Only a small number of the bones recovered from the fortress of Kurganzol belong to wild animals indicating that species of this group have contributed little to the diet of the former inhabitants and, obviously, only rarely were exploited as a

resource for raw materials. Six wild mammal and three wild bird species have been identified within the collection.

Goitered gazelle (*Gazella subgutturosa*)

Gazelle is the most frequent species among the wild animals in the bone collection from Kurganzol. Altogether, 101 specimens could be assigned to this small ungulate. With gazelles, it is differences in the form and shape of the horns which are of great importance in species differentiation. Identification on the available horn-cores shows that only goitered gazelle is present within the collection. In general, the bones of gazelle are highly fragmented with several specimens showing traces of butchering. The element distribution analysis revealed that all major parts of the skeleton are present in the collection. Epiphysial fusion could be evaluated on 41 postcranial bones. The respective data indicate that most of the gazelles were full grown at the time of killing and slaughter. Bones with epiphyses not fused have only been encountered in low numbers in the collection, i.e. five out of 41, favouring the view of selective hunting on this species. The goitered gazelle inhabits sands and gravel plains and limestone plateaus. In the past, the species was widely distributed in many parts of Uzbekistan .

Red deer (*Cervus affinis*)

Red deer is the second most frequent species among the wild mammals in the collection from Kurganzol. Altogether 27 bones as well as 10 antler fragments could be assigned to this species. All bones represent full grown individuals. Red deer is generally regarded as a species living in deciduous or mixed forests in lowlands as well as in the mountains. At present, red deer inhabits woodland areas in the plain of the Amu-Darja and in the mountain regions of eastern Uzbekistan .

Wild pig (*Sus scrofa*)

Due to their size three pig bones were identified as wild pig. These are a left metatarsus III (total length 100.0 mm) and two talus bones (lateral length 46.5 and 47.5 mm). The bones represent adult animals. Today, the distribution of wild pig in Uzbekistan is restricted to the mountain region in the east of the country.

Onager (*Equus hemionus*)

Two bones of the osteological collection from Kurganzol could safely be assigned to onager. These are two first phalanges coming from adult animals. In the past, the onager was a widely distributed species in many parts of Uzbekistan.

Corsac fox (*Vulpes corsac*)

The only wild carnivore whose remains could be identified in the faunal assemblages from Kurganzol is corsac fox (*Vulpes corsac*). This species could be determined on a left mandible with permanent dentition coming from an adult individual. Currently, corsac fox is a widely and frequently distributed carnivore in many parts of Uzbekistan .

Red pika (*Ochotona rutila*)

Six bones of hare could be identified as red pika: scapula 1, radius 1, femur 3, vertebra 1. The bones represent full grown animals. The species prefers rocky habitats and is found mostly in the mountain regions of eastern Uzbekistan.

Long-legged buzzard (*Buteo rufinus*)

The long-legged buzzard is represented by a single bone find, a left tibiotarsus of an adult bird. It is a typical bird of prey of Central Asia inhabiting dry open plains.

White stork (*Ciconia ciconia*)

Four bird bones could be identified as white stork. These are a left coracoid, a left humerus and two left tibiotarsus. They represent at least two full grown birds. White storks live in open landscapes with access to marshy wetlands. The white stork is a migratory bird in Uzbekistan.

Brown-necked raven (*Corvus ruficollis*)

Brown-necked raven is represented by a nearly complete skeleton of an adult bird. This species has a wide range across virtually the whole of North Africa and up to the Greater Middle East. It lives in a predominantly open landscape. Its nests can be found in trees, on cliffs or in old and ruined buildings. Probably, the skeleton found at Kurganzol represents an animal which once lived within the fortress. Then it must be regarded as an accidental admixture to the cultural layer.

SUMMARY

According to the archaeozoological evidence the subsistence economy at Kurganzol relied on animal keeping rather than on hunting throughout its occupation. The bone assemblages mainly consist of remains of domestic mammals with sheep and goats being the most frequent species according to NISP. Sheep and goat husbandry was mainly orientated towards meat production. Data on age distribution suggest that in addition to that both species were also exploited for their milk. Cattle and pig were primarily raised for providing meat whereas the primary use of horse, ass and camel must have been as animals for transport. Dog and chicken complete the list of domestic species.

Wild animals are represented by remains of gazelle, red deer, wild pig, onager, corsac fox, red pika, long-legged buzzard, white stork and brown-necked raven. Compared to the domestic species, their number is low. Obviously, hunting was only of limited significance for providing food and raw materials at Kurganzol. The presence of red deer in the bone collection from Kurganzol is surprising. It points to the existence of woodland in the vicinity of the site.

LITERATURE

Benecke 2003

N. Benecke, Iron Age economy of the Inner Asian steppe. A bioarchaeological perspective from the Talgar Region in the Ili River Valley (Southeastern Kazakhstan). *Eurasia Antiqua* 9 (2003), 63–84.

Habermehl 1975

K.-H. Habermehl, *Die Altersbestimmung bei Haus- und Labortieren*. 2nd Edition (Berlin 1975).

Heptner et al. 1966

V.G. Heptner/A.A. Nasimovič/A.G. Bannikov, *Die Säugetiere der Sowjetunion*. Band I: Paarhufer und Unpaarhufer (Jena 1966).

Heptner et al. 1974

V.G. Heptner/N.P. Naumov/P.B. Jürgenson/A.A. Sludski/A.F. Cirkova/A.G. Bannikov, *Die Säugetiere der Sowjetunion*. Band II: Seekühe und Raubtiere (Jena 1974).

Steiger 1990

C. Steiger, *Vergleichend morphologische Untersuchungen an Einzelknochen des postkranialen Skeletts der Altweltkamele*. Dissertation (München 1990).

Zietzschmann/Krölling 1955

O. Zietzschmann/O. Krölling, *Lehrbuch der Entwicklungsgeschichte der Haustiere*. 2nd Edition (Berlin 1955).

Цалкин 1966

В.И. Цалкин, *Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии* (Москва 1966).

Table 1.
Faunal Remains quantified in terms of the number of identified specimens (NISP) and weight (in g).

Species	NISP	Weight
Domestic Animals		
Sheep/Goat	3125	23993
(Sheep)	(253)	(4241)
(Goat)	(91)	(1374)
Cattle	1245	28996
Pig	104	1616
Horse	69	2738
Ass	24	1134
Camel	9	293
Dog	4	26
Chicken	16	31
Domestic/Wild Animals		
Equids	110	2331
Wild Animals		
Goitered gazelle (<i>Gazella subgutturosa</i>)	101	1201
Red deer (<i>Cervus affinis</i>)	27	803
Red deer, antler	10	56
Wild pig (<i>Sus scrofa</i>)	3	68
Onager (<i>Equus hemionus</i>)	2	19
Corsac fox (<i>Vulpes corsac</i>)	1	1
Red Pika (<i>Ochotona rutila</i>)	6	13
Long-legged buzzard (<i>Buteo rufinus</i>)	1	2
White stork (<i>Ciconia ciconia</i>)	4	26
Brown-necked raven (<i>Corvus ruficollis</i>)	1	36
Unidentified specimens	2647	9521
Sum	7509	72904

Table 2.
Ageing of the mandibles of sheep/goat.

Developmental stage	Age (months)	Number
M1 not yet erupting	<3	5
M1 erupting	3–4	6
M1 in wear	5–8	16
M2 erupting	9–11	4
M2 in wear	12–17	21
M3 erupting	18–24	7
M3 slightly worn	>24	36
M3 medium worn	>24	4
M3 heavily worn	>24	–
Number of specimens		99

Table 3.
Ageing of the mandibles of cattle.

Developmental stage	Age (months)	Number
M1 not yet erupting	<3	1
M1 erupting	4–6	–
M1 in wear	7–14	–
M2 erupting	15–18	–
M2 in wear	19–24	1
M3 erupting	25–34	6
M3 slightly worn	>36	15
M3 medium worn	>24	4
M3 heavily worn	>24	–
Number of specimens		99

NOTE ON THE PLANT REMAINS FROM KURGANZOL

From the fortress of Kurganzol several soil samples were taken for botanical analysis (Hellenistic, 4.-2. century BC). The charred plant remains were separated from the soil by the simple water flotation technique. The results from the botanical analysis of the soil samples are presented in table 1.

The only identifiable cultivated plants in the material from Kurganzol were two cereals, hulled barley (*Hordeum vulgare*) and wheat (*Triticum* sp.). From wheat a typical rachis fragment of the ear of hard/macaroni wheat (*Triticum durum*) was found. Barley and hard wheat are still the main cereals in this region of Uzbekistan. Hard wheat flour is nowadays mostly used for round flat bread and pasta; coarsely ground it is used for dishes like couscous or tabbula. Barley is mainly used as animal fodder, but also for bread and porridge and of course for the production of beer. The small amount of material found at the fortress made further identification impossible, neither were other cultivated plants detected.

Several small fragments of the nuts from a wild pistachio tree, most probable *Pistacia atlantica*, were found in two of the samples. The nuts could have been collected for roasting, for the preparation of oil, etc. The same is true for the fruits of the almond tree (*Prunus* sp.), of which some fragments of the fruit stone were found.

The amount of charcoal from the samples allowed 109 wood identifications; 102 mainly small fragments from the flotation samples and 7 from large hand-picked pieces. Most of the wood identified originates from juniper (*Juniperus* sp.). All 5 charred beams used for dendrochronology, as well as the hand-picked pieces of charcoal of old wood, indicate that juniper was used as building wood in the fortress. The tough and aromatic wood of juniper is so far the only secured used source of construction wood at Kurganzol. Almost all of the other wood identified consisted of fragments of twigs and branches, indicating the remnants of fires for cooking or heating. Although, especially for willow (*Salix* sp.), remains of basic crafts like basketry and fence making cannot be excluded. In general fire wood is collected in the vicinity of the site, whereas construction wood can also have been transported over longer distances. However, we do also find branch and twig fragments from juniper, as well as almond, tamarisk (*Tamarix* sp.) and poplar/willow (*Populus* sp./*Salix* sp.) suggesting occurrences of these tree/shrub taxa in the mountains and valleys around Kurganzol. Juniper as well as pistachio (*Pistacia* sp.) and almond tree species in the SE-Uzbekistan mountains are tolerant of relatively marginal conditions; they mainly comprise drought-resistant vegetation such as steppe forests. These forests are mainly found in the transition zone between denser forests types and steppe. Under increasingly arid conditions xerophilous juniper tree species form steppe forests either exclusively or in association with other xerophilous tree species, such as almond and pistachio. Nowadays only small remnants of the steppe forest area are left; most of it is under an agricultural regime or it has been completely ruined through grazing and/or wood collecting. As a conclusion it can be stated that the results from the analysis of the botanical macroremains indicate an open xeric woodland with juniper, almond and pistachio tree species in the vicinity of Hellenistic Kurganzol.

Most of the further charred wood found in the Hellenistic layers at the fortress originates from tree species growing alongside perennial water courses. This riverine vegetation in the valleys is usually dominated by species of willow (*Salix* spp.), poplar (*Populus* spp.), tamarisk (*Tamarix* spp.) and ash (*Fraxinus* spp.).

The other plant taxa represented in the samples, like ryegrass (*Lolium* sp.), bedstraw (*Galium* sp.) and several members of the pea family (*Papilionaceae*), like species of *Astragalus*, *Medicago*, *Onobrychis* and *Trigonella*, all could have their origin in steppe forest/shrub vegetation, steppe vegetation, but also in (grain) fields in the wider vicinity of the fortress. There are no plant taxa in the samples, which indicate an import of wood or grain from another climate zone.

Regarding the relative small amount of botanical material from Kurganzol one should however be aware that the results presented are an indication, not more, but also not less than that.

Table 1. Identified plant taxa from Kurganzol. Seeds, fruits, etc. are given as a number (* = estimated number of complete seeds, etc. from small fragments). The amount of wood is expressed in gram (number of identifications between brackets) or in number of pieces (hand-picked samples).

	A	B	C	D	E	F	G
1	Kurganzol	II	II/3.2	III/S2/2	III/3	IV/2	7/2
2	Date	23.05.2008	2008	29.05.2008	2008	2008	13.06.2008
3						content vessel right of tower 5	
4	Cereal crops						
5	cereal grain fragments						
6	<i>Hordeum vulgare</i>	-	-	2*	-	-	2
7	<i>Triticum</i> sp.	2*	-	2*	-	-	-
8	<i>Triticum durum</i> type (rachis fragments)	-	-	2	-	-	-
9	Edible wild fruits						
10	<i>Pistacia cf. atlantica</i>	1/2*	-	3*	-	-	-
11	<i>Prunus</i> sp. (fragments)	-	-	1	-	-	-
12	Weeds, shrubs, etc.						
13	Brassicaceae	-	-	1	-	-	-
14	<i>Lolium</i> sp.	1	-	-	-	-	1
15	Papilionaceae (small)	34	-	2	3	-	-
16	<i>Astragalus</i> sp.	1	-	1	1	-	7
17	<i>Medicago</i> sp.	29	-	-	-	-	-
18	<i>Onobrychis</i> sp.	7	-	-	-	-	-
19	<i>Trogonella</i> sp.	-	-	-	-	-	-
20	<i>Galium</i> sp.	1	-	-	-	-	-
21	<i>Thymelaea</i> sp.	-	-	-	-	-	-
22	indeterminata	-	-	7	-	-	-
23	Charcoal in gr. (n identifications)						
24	<i>Juniperus</i> sp.	0.89 (4)	0.12 (3)	-	-	-	0.21 (4)
25	<i>Pistacia</i> sp.	-	-	0.19 (4)	-	-	-
26	<i>Prunus</i> sp. (branch fragments)	0.80 (5)	-	-	-	-	-
27	Papilionaceae (twig fragments)	-	-	0.32 (1)	-	-	-
28	<i>Tamarix</i> sp. (twig/branch fragments)	0.23 (5)	-	0.78 (12)	0.03 (2)	1.47 (7)	0.07 (1)
29	<i>Salix/Populus</i> (twig/branch fragments)	0.66 (7)	-	0.10 (3)	-	2.21 (11)	-
30	<i>Fraxinus</i> sp.	0.31 (2)	-	-	-	-	-
31	rest (not identified)	10.3	0.11	3.55	-	ca. 6.0	0.35
32	Flotation (liters)	?	6	5-6	?	?	5-10

	H	I	J	K	L	M
1	7/4			IV/5/5.2	2/3/2	
2	13.06.2008	2008	2008	2008	13.06.2008	
3		tower 6, old wood	tower 6 lower part, old wood			
4						Cereal crops
5	6					cereal grain fragments
6	-	-	-	-	-	hulled barley
7	-	-	-	-	-	wheat
8	-	-	-	-	-	free-threshing wheat (rachis fragments, hard wheat type)
9						Edible wild fruits
10	-	-	-	-	-	pistachio
11	2	-	-	-	-	almond (fragments)
12						Weeds, shrubs, etc.
13	-	-	-	-	-	mustard family
14	2	-	-	-	-	ryegrass
15	9	-	-	-	-	pea family (small)
16	10	-	-	-	-	<i>Astragalus</i> sp.
17	-	-	-	-	-	medick
18	-	-	-	-	-	<i>Onobrychis</i> sp.
19	4	-	-	-	-	<i>Trogonella</i> sp.
20	-	-	-	-	-	bedstraw
21	1	-	-	-	-	<i>Thymelaea</i> sp.
22	-	-	-	-	-	indeterminata
23						Charcoal in gr. (n identifications)
24	0.11 (6)	1.82 (7)	31.5 (8)	4x old wood	3x old wood	juniper
25	-	-	-	-	-	pistachio
26	-	-	-	-	-	almond (branch fragments)
27	-	-	-	-	-	pea family (twig fragments)
28	-	-	-	-	-	tamarisk (twig/branch fragments)
29	-	-	-	-	-	willow/poplar (twig/branch fragments)
30	-	-	-	-	-	ash
31	0.13	-	ca. 4.0	-	-	rest (not identified)
32	5-6	10	10-15	hand picked	hand picked	Flotation (liters)

DENDROCHRONOLOGICAL AND RADIOCARBON DATING OF SAMPLES FROM KURGANZOL (UZBEKISTAN)

From the excavations in Kurganzol 2008 (presumed early Hellenistic fortress in southern Uzbekistan) several parts of a large wooden post (KZ –2008, C IV 7/2) were studied in the Dendrochronologie of the Deutsches Archäologisches Institut. The sample consists of juniper (*Juniperus* sp.). In total a sequence of growth rings (Lab. № C 60384) of 175 rings from the core to the slightly unclear forest edge could be measured.

No long curve is available for a dendrochronological absolute dating in this region.

The geographically nearest long curves exist for the Ukok-Plateau (Larch) and the chronology from Dulan (based on juniper: Sheppard et al. 2004, possibly with a slight uncertainty of ± 1 ring in the 10th Century). A calculation of the data sets at present shows some similarities for the period, but no absolutely secure dating.

However, the correspondence to the Dulan curve is not bad. Since in the Dulan curve the ring for 423 BC is very thin (indicating bad growth conditions in the wider region), a trial ring was inserted at this date in the Kurganzol sequence, where it could be missing completely. If this procedure is accepted, the correspondence of the two curves is good and results in a cutting date for the Kurganzol wood of 328 BC (Fig. 1). This would fit very well

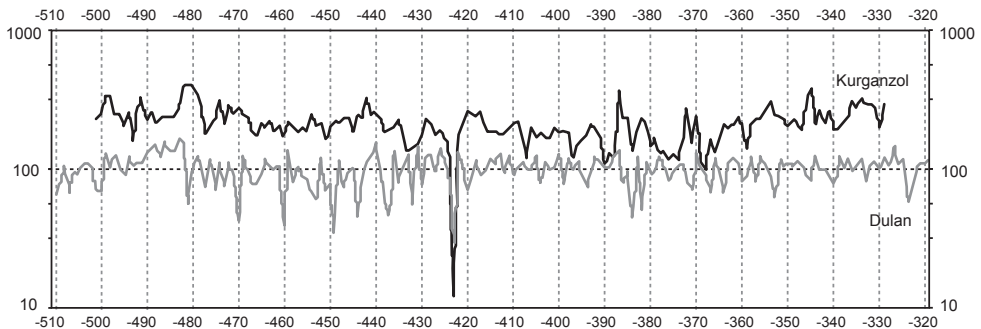

Fig. 1. Comparison of the Kurganzol sample to the dendrochronological curve of Dulan, with a trial ring inserted in the Kurganzol sequence at 423 BC.

with the historical written sources (May 328 BC) and the archaeologically expected date (late 4th Century BC)

Two further wood samples provided (Tower 5 and Tower 6) also consist of juniper. The sample from Tower 5 was measured in three parts and gives 69 rings (Lab. № C 60386), which, however, do not correspond clearly to the sequence mentioned above. The sample from Tower 6 (Lab. № C 60385) is too irregular in itself and too short.

In order to check the above mentioned dating, three samples at an interval of 80 years each were taken from KZ –2008, C IV 7/2 for Radiocarbon dating and wiggle matching. The analyses were carried out by the Center for Applied Isotope Studies (CAIS) of the University of Georgia. The resulting dates (14C age BP) are:

Sample-№	Name	Context	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	Conv. ^{14}C Age BP
UGAMS 8331	KZ-A1	Room 8, Post (inner rings)	-22.6	2460 $\pm$ 25
UGAMS 8332	KZ-A2	Room 8, Post (middle rings)	-22.3	2390 $\pm$ 25
UGAMS 8333	KZ-A3	Room 8, Post (outer rings)	-21.1	2410 $\pm$ 25

The sequence-calibration of these dates with the programme OxCal leads to a date for the outer rings with a probability of 68.2% (1 σ) at 430 - 405 BC (agreement 108,8%). At a probability of 95.4% (2 σ) the date is likely to be 460 –395 BC (Fig. 2).

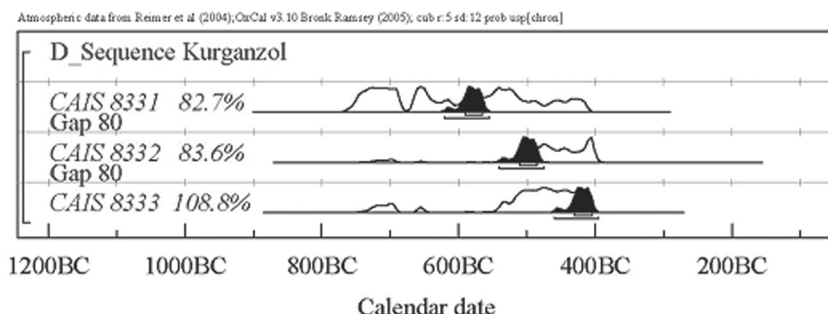

Fig. 2. Calibration results of the radiocarbon analysis for the Kurganzol dendrochronological samples (KZ –2008, C IV 7/2; KZ-A1 – CAIS 8331; KZ-A2 – CAIS 8332; KZ-A3 – CAIS 8333).

Further ^{14}C analyses have been studied by other laboratories:

Sample-№	Name	Context	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	Conv. ^{14}C Age BP	Cal. age 1 σ	Cal. age 2 σ
Bln-5736	KuZ 1	Room 3, Floor 2	-21.4	2354 $\pm$ 31	490-380 BC	520-370 BC
Bln-5737	KuZ 2	Room 5, Floor 3	-21.4	2412 $\pm$ 26	520-400 BC	740-400 BC
Hd-28419		Room 8, Post	-19.4	2583 $\pm$ 30	805-765 BC	820-590 BC

The two Berlin dates, from other wood samples taken at Kurganzol, agree fairly well with the radiocarbon sequence from CAIS, yielding latest possible dates around 400 BC. The laboratory dates from Heidelberg and CAIS, however, do not agree with each other at all, since even the oldest date from the core of the Kurganzol post at CAIS (UGAMS 8331: 2460 $\pm$ 25), when calibrated as isolated measurement, gives calibrated dates of 750-420 BC (1 σ) or 760-410 BC (2 σ), while the date of the same post (unclear which part of the ring-sequence) given by the laboratory at Heidelberg (Hd-28419) is significantly older. Allowing for a certain inter-laboratory discrepancy, not unusual, the difference here of well over 100 years is hardly acceptable. Given the good sequencing of the measurements from CAIS and the correspondence to the dates from Berlin, the Heidelberg dating obviously has to be rejected as incorrect.

While the historical and archaeological dates correspond excellently to the adjusted dendrochronological dating, there is clearly a general disagreement with the radiocarbon dates. Taking even the latest possibility, these are all too old by roughly 50-70 years.

The historical-archaeological data is based on the securely determined presence of the Greeks in Kurganzol, which can definitely not be before Alexander the Great's campaigns in Central Asia, securely dated to 329-328 BC. Any massive occurrence of Greek pottery types, as in the case of Kurganzol, before this date can be excluded.

How could the early radiocarbon dates be explained? Although the reservoir effect has been known for some time, especially for marine samples, and has even made its way into student manuals (e.g. Kromer 2007), it is hardly studied for the environments of Central Asia. For the Caspian and the Aral Seas analyses of shells have given quite considerable deviations, which can lie well over 100 years (Kuzmin et al 2007). Although the samples from Kurganzol were taken from juniper, and are thus certainly not influenced by marine reservoir effects, we may here tentatively propose another error source. In the region, at least today, rainfall agriculture can not be practiced since precipitation is too low. Instead extensive irrigation systems, fed by water from the mountains to the north, are used. The streams leading to Kurganzol originate in the Baysantau, rising to above 3000 m, while slightly further east the waters of the Surkhandarya originate in the western part of the Hissar mountains, rising to above 4600 m. We may therefore put the question, whether radiocarbon dates, even of terrestrial plant material, may be influenced by reservoir effects from "old" water originating from the glaciers of the high mountain ranges to the north. Possibly this could explain why the radiocarbon dates are historically too old. Further research is urgently needed on this question, which may be very significant for dating and historical interpretations.

LITERATURE:

Kromer 2007: Bernd Kromer, Radiokohlenstoffdatierung. In: G. A. Wagner (ed.), Einführung in die Archäometrie (Berlin, Heidelberg 2007), 3-10. [Springer]

Kuzmin et al. 2007: Y. V. Kuzmin, L. A. Nevesskaya, S. K. Krivonogov, G. S. Burr, Apparent ^{14}C ages of the 'pre-bomb' shells and correction values (R , ΔR) for Caspian and Aral Seas (Central Asia). Nuclear Instruments and Methods in Physics B 259, 2007, 463-466.

Sheppard et al. 2004: P. R. Sheppard, P. E. Tarasov, L. J. Graumlich, K.-U. Heussner, M. Wagner, H. Österle, L. G. Thompson, Annual precipitation since 515 BC reconstructed from living and fossil Juniper growth of northeastern Qinghai Province, China. Climate Dynamics 2004, 869-881.

Сверчков Леонид Михайлович
КУРГАНЗОЛ —
КРЕПОСТЬ АЛЕКСАНДРА НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА

Издатель — Арапов А.

Фото — Шепелин А., Бороффка Н.
3-х мерная реконструкция — Шеховцов С.
Дизайн, вёрстка — Кокозиди И.
Идея оформления серии — Абиджанов К.

Издательство ООО “SMI-ASIA”
100000, г. Ташкент, пл. Х.Алимджана, 3б–2а
www.smi-asia.uz

Подписано в печать
Формат 70 x 100 ¹/₁₆
Тираж
Отпечатано в типографии

ISBN 978-9943-17-068-1

© Sverchkov L.M., 2013
© SMI-ASIA, 2013

SMI - ASIA